

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**ПРОБЛЕМЫ  
ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ  
МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ**

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ  
(Санкт-Петербург, 24–26 октября 2007 г.)**

Санкт-Петербург  
Нестор-История  
2007

УДК  
ББК

*Проблемы исторического развития монгольских языков.*  
Материалы международной научной конференции  
(Санкт-Петербург, 24–26 октября 2007 г.) / Отв. ред.  
П. О. Рыкин. СПб.: Нестор-История, 2007. 149 с.  
ISBN

*Утверждено к печати  
Институтом лингвистических исследований РАН*

Издание подготовлено  
при финансовой поддержке  
Программы фундаментальных исследований Президиума РАН  
«Адаптация народов и культур к изменениям природной сре-  
ды, социальным и техногенным трансформациям»  
и  
гранта РГНФ № 05-04-04269а  
«Языковые изменения в условиях языкового сдвига  
(на материале языков малочисленных народов России)»

Издание осуществлено с оригинал-макета,  
подготовленного в ИЛИ РАН

© Коллектив авторов, 2007  
© ИЛИ РАН, 2007

## ОГЛАВЛЕНИЕ

<b>Н. Б. Бадмацыренова</b> ( <i>Улан-Удэ</i> ). Фразеология «Алтан Тобчи» Лувсанданзана.....	5
<b>Б. Д. Бальжинимаева</b> ( <i>Улан-Удэ</i> ). Некоторые особенности терминов швейного производства шэнэхэнских и агинских бурят.....	12
<b>В. В. Баранова</b> ( <i>Санкт-Петербург</i> ). Сложные глаголы в калмыцком языке.....	16
<b>П. Ц. Биткеев</b> ( <i>Элиста</i> ). Фономорфологические мутации и проблемы акцентуации в монгольских языках.....	25
<b>Г. С. Биткеева</b> ( <i>Элиста</i> ). Роль эвфемизмов в историческом развитии языка.....	32
<b>А. В. Выдрина</b> ( <i>Санкт-Петербург</i> ). К вопросу о фонологическом статусе неясного гласного в калмыцком языке.....	36
<b>И. А. Грунтов</b> ( <i>Москва</i> ). Общее наследие и заимствования. Древнейшие тюрко-монгольские заимствования: обязательны ли радикальные решения?.....	44
<b>Б.-Х. В. Дамдинова</b> ( <i>Улан-Удэ</i> ). Китайско-монгольские языковые контакты.....	52
<b>Б. Б. Дашибалов</b> ( <i>Улан-Удэ</i> ). «Алтайская проблема»: к ранним этапам культурогенеза монгольских народов.....	60
<b>М. З. Жамьянова</b> ( <i>Элиста</i> ). Система причастий современного монгольского и турецкого языков.....	69
<b>А. М. Karlsson, J.-O. Svantesson</b> ( <i>Lund</i> ). What happens to consonant clusters in Mongolian speech?.....	74
<b>А. Д. Коссе</b> ( <i>Санкт-Петербург</i> ). Термин <i>nisvanis</i> 'суета мирская' в старописьменном монгольском тексте эпохи Юань <i>Arban qoyar jokiyangyui</i> «Двенадцать деяний Будды».....	82
<b>М. О. Михайлова</b> ( <i>Санкт-Петербург</i> ). Сопоставительный анализ скотоводческой лексики в алтайских языках...	86

<b>Ж. Б. Никифорова</b> ( <i>Улан-Удэ</i> ). Словообразовательные модели отыменных глаголов бурятского и турецкого языков.....	92
<b>С. А. Оскольская</b> ( <i>Санкт-Петербург</i> ). Употребление показателя глагольной множественности в калмыцком и других монгольских языках.....	100
<b>В. И. Рассадин</b> ( <i>Элиста</i> ). О тюркском влиянии на развитие монгольских языков.....	105
<b>П. О. Рыкин</b> ( <i>Санкт-Петербург</i> ). Китайско-монгольский словарь начала XVII в. 韃靼語 <i>Дада юй</i> ‘Татарские слова’: введение в изучение памятника.....	112
<b>С. М. Трофимова</b> ( <i>Элиста</i> ). О лексике монгольских языков, отражающей ориентацию в пространстве.....	127
<b>З. Д. Ульзетуева</b> ( <i>Чита</i> ). Образование имен существительных от глагольных основ в старописьменном монгольском и бурятском языках.....	135
<b>Д. С. Цыденова</b> ( <i>Улан-Удэ</i> ). Способы передачи значений монгольского последовательного деепричастия в корейском языке.....	139
<b>С. Л. Чареков</b> ( <i>Санкт-Петербург</i> ). Полисемия отглагольных имен существительных в бурятском и эвенкийском языках.....	142

## ФРАЗЕОЛОГИЯ «АЛТАН ТОБЧИ» ЛУВСАНДАНЗАНА

«Алтан Тобчи», авторство которой принадлежит монаху Лувсанданзану, представляет собой крупную историческую хронику и литературный памятник средневековья. Известно, что список «Алтан Тобчи» был найден в 1926 году и передан в книгохранилище Ученого комитета МНР его первым председателем Жамьян-гуном.

По своему содержанию «Алтан Тобчи» является пересказом «Сокровенного сказания», из 282 параграфов пересказано 233. Считается, что Лувсанданзан был знаком с текстом «Сокровенного сказания» в фонетической записи китайскими иероглифами, а также имел в своем распоряжении и другие древнемонгольские источники, относящиеся к XII–XIII векам.

Несмотря на то, что «Алтан Тобчи» во многом перекликается с «Сокровенным сказанием...», оно отличается как по оригинальности содержания, так и по манере изложения. В «Алтан Тобчи» широко используется народная поэзия, относящаяся к XII–XIII вв.: язык произведения насыщен образцами афористической поэзии, такими, как поговорки и пословицы, а также фрагментами из произведений песенного искусства. В состав «Алтан Тобчи» включено много литературных произведений: «Легенда о Баргасун-Хурчи», «Шастра о мудрой беседе мальчика-сироты с 9 богатырями Чингисхана», «Легенда о разгроме 3 сотен тайчиутов» и некоторые другие. Отметим, что эти произведения не вошли в содержание «Сокровенного сказания...». Это позволяет утверждать о том, что «Алтан Тобчи» и «Сокровенное сказание...» представляют собой разные произведения.

В качестве первоисточника нами было использовано издание «Altan tobči. Eine mongolische Chronik des XVII Jahrhunderts von Blo bzan bstan jin», выпущенное в Токио в 1992 году.

Фразеологический фонд произведения насчитывает 45 фразеологизмов, разных по структуре, семантике и содержанию. Время создания «Алтан Тобчи» – XVII в. – приходится на период утверждения буддизма в виде ламаизма в Монголии. Этот факт не мог не отразиться на языке произведения. Многие фразеологические сочетания носят религиозно-буддийский характер.

Изучение смысловой структуры фразеологических единиц подталкивает к систематизации фразеологизмов, выделению отдельных групп или типов. Как известно, по соотношению значения всего устойчивого сочетания и семантики его компонентов, наличию или отсутствию метафоричности, фразеологические единицы делятся на два структурно-семантических типа:

1. идиоматические сочетания (идиомы);
2. фразеологические сочетания (фраземы).

**Фразеологическое сочетание** – это семантически несвободное сочетание слов с односторонней смысловой зависимостью компонентов, воспроизводимое в речи как готовая единица языка, характеризующаяся аналитичностью выражаемого смысла, константными грамматическими отношениями между компонентами и устойчивым соотношением значения и лексико-грамматических средств его выражения.

В любой фразеологической единице (фраземе и идиоме) заключены не только лексико-семантические характеристики, но и ее лексико-грамматические особенности как единицы речи, которые позволяют классифицировать фразеологизмы по соотнесенности с той или иной лексико-семантической группой слов. Лексико-грамматическая принадлежность всего фразеологизма определяется по стержневому компоненту в грамматическом плане. «Стержневым компонентом обычно принято называть грамматически главенствующий член словосочетаний» [Чернов, 1985, с. 52]. В зависимости от принадлежности его к определенному лексико-грамматическому разряду слов фразеологические единицы подразделяются на два типа: именные и глагольные.

*Глагольные фразеологические сочетания* являются одним наиболее многочисленных и распространенных структурно-семантических типов фразеологизмов монгольских языков. Это связано с тем, что глагол в состоянии «организовать в единое целое все возможные соединения слов» [Санжеев, 1953, с. 67]. Чаще всего глагольные фразеологические сочетания представляют собой двучленные, или бинарные, языковые образования, состоящие из имени и глагола. Именные компоненты обозначают какие-либо отвлеченные, абстрактные понятия и употребляются в своих прямых значениях. В противоположность им глагольные компоненты являются словами с переносным значением, в результате чего они становятся неким фразеологизирующим центром единицы.

Субстантивно-глагольные фразеологические сочетания характеризуются наибольшей распространенностью среди глагольных фразеологических сочетаний в монгольских языках. Субстантивно-глагольные фраземы представлены следующими моделями:

1. «имя существительное в винительном падеже + глагол».

Данная модель является самой распространенной и употребительной среди фразеологических сочетаний во всех функциональных стилях монгольских языков. Компоненты таких единиц формально находятся в отношениях прямого дополнения и переходного глагола: *üge barilduĵi* АТ с. 44 [61а] строка 1908 ‘договариваясь’ (досл. ‘держа слово’), *duran-i inu abubasu* АТ с. 65 [90б] строка 2842 ‘когда покорил, очаровал’ (досл. ‘когда взял любовь’). Все субстантивно-глагольные сочетания рассматриваемого типа можно разделить на несколько тематических классов:

1. фраземы, обозначающие психическое состояние человека (его чувства, эмоции, переживания): *örö-ben ebedemü* АТ с. 11 [15а] строка 469 ‘сочувствует, жалеет’ (досл. ‘болит подсердечная мышца’), *örö ĵrüke-ben ebedčü* АТ с. 14 [19б] строка 613 ‘сочувствуя, жалея’ (досл. ‘болея подсердечной мышцей’), *ĵrüken-i minu amuulbai* АТ с. 25 [34а] строка 1079 ‘успокоил’ (досл. ‘дал отдохновение моему сердцу’), *sedkil-i minu amuulbai* АТ с. 25 [34а] строка 1078 ‘успокоил’ (досл. ‘дал отдохновение моей душе’);

2. фраземы, связанные с хозяйственно-бытовой деятельностью человека: *okin-i abči* АТ с. 1 [2а] строка 105 ‘женившись’ (досл. ‘взяв дочь’), *okin yuyisu* АТ с. 10 [13б] строка 422 ‘сватать невесту’ (досл. ‘просить дочь’);

3. фраземы, связанные с морально-этическими обязательствами: *üge barilduĵi* АТ с. 44 [61а] строка 1908 ‘договариваясь’ (досл. ‘держа слово’);

2. «имя существительное в дательном-местном падеже + глагол».

В субстантивно-глагольных фразеологических сочетаниях с именем в дательном-местном падеже письменных памятников преимущественно используются аффиксы *-tu / -tü, -du / -dü, -tur / -tür, -dur / -dür*: *ögülegsen üges-tür-iyen kürin* АТ с. 25 [34б] строка 1097 ‘сдерживая свои обещания’ (досл. ‘доходя до сказанных своих слов’). Кроме этого, зафиксирована одна единица с именным компонентом в местном падеже: *uruу-un uruу-a*

*kürtele kiduba* АТ с. 33 [45а] строка 1420 ‘уничтожили, истребили поголовно’ (досл. ‘истребили до потомков потомков’). Указанная фразема образно обозначает определенный отрезок времени: временную характеристику всей единице придает именной компонент в местном падеже, который усиливается при присоединении к глагольному компоненту аффикса деепричастия предела *-tal-a / -tel-e*.

*Адвербиально-глагольные фразеологические сочетания.* Фразеологические сочетания, образованные по модели «наречие + глагол», представляют собой сравнительно небольшой пласт глагольной фразеологии монгольских языков. Следы этой модели образования фразем выявлены нами в «Алтан Тобчи» Лувсанданзана в виде фразеологического сочетания *yadaγana oduγsan-u qoyina* АТ с. 76 [108а] строка 3355 ‘после смерти’ (досл. ‘после ухода наружу’).

*Именные фразеологические сочетания.* Отличительной чертой фразеологии монгольских языков в целом является количественное преобладание глагольных фразеологизмов над именными единицами. Отметим, что именная фразеология монгольских языков так и не стала объектом исследования лингвистов-монголоведов. Возможно, этот факт является следствием крайне небольшого количества именных фразеологизмов. Не изобилуют именными фразеологическими единицами современные монгольские языки, не говоря уже о языке письменных памятников. Опыт нашего наблюдения показал, что основной фонд именной монгольской фразеологии, как в современных языках, так и в языке памятников составляют образные терминологические выражения. В «Алтан Тобчи» мы наблюдаем термин *abulin em-e-teče* АТ с. 6 (8б) строка 248, обозначающий первую жену (досл. ‘от нареченной жены’). Вот что по поводу данной фраземы, зафиксированной в «Сокровенном сказании...» пишет Г. Ц. Пюрбеев: «Текст памятника регистрирует ряд лексикализованных сочетаний терминов, необычных в своих переносных значениях: *aburin eme* (§ 46) «наильно взятая жена»...» [1974, с.228]. В словаре «Монгольско-русском словаре» К.Ф. Голстунского I с.18 зафиксирована лексическая единица *abali* со значением ‘чета, обрученная с малолетства’.

**Идиоматические сочетания** представляют собой составную часть фразеологического фонда любого языка. В монгольских языках наблюдается количественное преимущество идиом над фраземами. Они совпадают со свободными сочетаниями



ми, так же как и другой структурно-семантический тип фразеологических единиц – фразеологические сочетания, лишь по внешнему оформлению; это связано с тем, что идиомы-фразеологизмы, равно как и фраземы, большей частью генетически восходят к указанному типу сочетаний слов. По смысловому содержанию они отграничиваются как от свободных соединений слов, так и от фразеологических сочетаний. От последних идиомы отличает один существенный признак – семантическая целостность, основанная на идиоматичности.

*Глагольные идиомы* в монгольских языках широко представлены различными конструкциями.

*Субстантивно-глагольные идиоматические сочетания.* В монгольских языках наибольшее количество идиом представляют собой субстантивно-глагольные идиоматические сочетания, представленные несколькими основными моделями:

1. «имя существительное в винительном падеже + глагол».

В исследуемом нами письменном памятнике подавляющее большинство идиом имеют модель «имя существительное в винительном падеже + глагол». Это можно объяснить семантической спецификой стержневого глагольного компонента в переменных субстантивно-глагольных сочетаниях, от которых произошли рассматриваемые идиомы. В монгольских языках, как и во многих других языках, во многих случаях глаголы имеют относительное значение и для полноты выражаемого смысла обязательно требуют словесного окружения [Виноградов, 1947, с. 337]. Это окружение чаще всего бывает выражено именем существительным в винительном падеже.

В особую группу можно выделить субстантивно-глагольные идиомы, обозначающие действия – экспрессивно-эмоциональные характеристики поведения человека, его отношения к труду, к людям: *šidun aman bilegüdeji* АТ с. 14 [19a] строка 597 ‘сплетничая’ (досл. ‘точа зубы рот’), *ömekei elige ebüridčü* АТ с. 38 [53b] строка 1681 ‘тая зло’ (досл. ‘держа за пазухой вонючую печень’).

Кроме того, значительное место занимают идиоматические сочетания, отражающие физическое состояние человека: *ingri boluysan-tur* АТ с. 11 [15b] строка 473 ‘когда скончался’ (досл. ‘когда стал небом’), *burqan boluysan* АТ с. 35 [48a] строка 1513 ‘умер’ (досл. ‘стал Буддой’), *dere abun* АТ с. 37 [51b] строка 1620 ‘падая бездыханным на поверженного врага’ (досл. ‘беря подушку’), *aγula ködege γarba* АТ с. 75 [1056] строка 3277

‘скончался’ (досл. ‘вышел на гору степь’), *amin-iyar yartara* АТ с. 75 [106а] строка 3289 ‘до смерти’ (досл. ‘до тех пор, пока не выйдет жизнь’). Отдельную группу идиом с данной структурой составляют фразеологические единицы, выражающие изменение гражданского и социального статуса человека, а также его жизненный опыт. Так, субстантивно-глагольные идиомы, выражающие понятия «вступление в брак», «сватовство», «погребение», чаще всего бывают связаны с древними свадебными традициями и обычаями монгольских народов. В качестве примеров приведем следующие идиомы: *bojoljar idere* АТ с. 43 [60а] строка 1880 ‘чтобы приехать на сговорную пирушку’ (досл. ‘чтобы отведать боолзур’), *dere nigedkii-tür* АТ с. 71 [99б] строка 3105 ‘когда вступят в брак’ (досл. ‘когда объединят подушки’).

## 2. «имя существительное в дательном-местном падеже + глагол».

Субстантивно-глагольные идиомы, имеющие данную структуру, занимают второе место по распространенности и употребительности в монгольских языках. Все многообразие субстантивно-глагольных идиоматических сочетания с именем в дательном-местном падеже можно разделить на несколько тематических групп:

1. физическое состояние человека: *nirvan-tur nökcijü* АТ с. 1 [2а] строка 58 ‘скончавшись’ (досл. ‘перейдя в нирвану’), *qadud-ta yarbasu* АТ с. 42 [58а ] строка 1823 ‘если скончаюсь’ (досл. ‘если взойду на вершины’);

2. физическое и моральное воздействие на человека: *ebürtür köl-tür орууһсан* АТ с.47 [65б] 2056–2057 ‘попавшие в рабство’ (досл. ‘вошедшие в ноги и за пазуху’)

Отметим, что в «Алтан Тобчи» зафиксирована идиома *hunesu-er keiska* ССМ с. 40 §87, *ünesü-ber keyisgen* АТ с. 15 [20б] строка 636 ‘уничтожь’ (досл. ‘развевая по ветру пеплом’), которая представляет собой идиоматическое сочетание со структурой «имя существительное в орудном падеже + глагол».

*Глагольно-глагольные идиоматические сочетания.* Данный вид идиом монгольских языков характеризуется тем, что они возникли в результате переосмысления свободных словосочетаний со структурой «глагол + глагол». Идиомы данной модели образования были характерны для языка «Сокровенного сказания монголов» и «Алтан Тобчи»: *uјen yadamui* ССМ

с.217 §244, *üjĕn yadamui* АТ с. 68 [95а] строка 2972 ‘ненавидите’ (досл. ‘не можете видеть’).

*Именные идиоматические сочетания.* Как было уже отмечено, именная фразеология в монгольских языках в количественном отношении значительно уступает глагольной. Именная идиома представляет собой фразеологическую единицу, состоящую из двух имен в переносном значении. К именным идиомам относятся многие табуистические, эвфемистические и дисфемистические выражения, а также образные термины. Именные идиомы в исследуемом памятнике представлены фразеологическими единицами, образованными по модели «имя существительное + имя прилагательное». Адъективные идиомы с этой структурой представляют собой определения, но определения особые образные, эмоционально окрашенные, характеризующие разные душевные и физические качества человека: *köl kündü* АТ с. 9 (12а) строка 376 ‘беременная’ (досл. ‘нога тяжелая’).

Анализ языка «Алтан Тобчи» Лувсанданзана позволяет заключить, что фразеологический фонд данного письменного памятника представлен двумя основными семантическими типами и широким рядом структурных моделей. Помимо этого, необходимо отметить архаичность и высокий стиль фразеологических единиц этого памятника, что, несомненно, связано со временем создания «Алтан Тобчи».

### Литература

1. Altan tobĕi. Eine mongolische Chronik des XVII Jahrhunderts von Blo bzan bstan jin. Токуо, 1992.
2. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Академик А. А. Шахматов: Сб. ст. и мат-лов. М.; Л., 1947. С. 335–339.
3. Голстунский К. Ф. Монгольско-русский словарь. СПб., 1895–1896. Т. 1–3.
4. Пюрбеев Г. Ц. Из наблюдений над фразеологией языка «Сокровенного сказания» // Исследования по восточной филологии. М., 1974. С. 226–229.
5. Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. М., 1953. Т. 1.
6. Сокровенное сказание монголов: Анонимная хроника 1240 года. Элиста, 1990.
7. Чернов М. Ф. Фразеология современного чувашского языка. Чебоксары, 1985.

## НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОВ ШВЕЙНОГО ПРОИЗВОДСТВА ШЭНЭХЭНСКИХ И АГИНСКИХ БУРЯТ

Шэнэхэнские буряты – это небольшая часть бурят, переместившаяся в Китай в начале XX века в силу разных обстоятельств. Их численность составляет примерно 6000 человек. Этнический состав шэнэхэнских бурят в основном состоит из представителей 11 хоринских родов, но среди них есть представители и других бурятских родов. В последнее время появилось много исследований о быте и традициях шэнэхэнских бурят, об особенностях их языка, а также некоторые социологические наблюдения.

Следует отметить, что шэнэхэнские буряты хорошо сохранили традиционный уклад жизни. Особенно примечательно то, что они не утратили традиционную одежду, умение искусно шить и по сей день передают навыки шитья молодому поколению. В настоящее время бурятскую национальную одежду в повседневной жизни носят только агинские буряты.

О бурятской национальной одежде написано немало работ исследовательского, а также популярного характера. Среди них можно назвать работы Р. Д. Бадмаевой, Ц. Б. Базаровой, Л. Л. Линховойна, Батожаргалай Сэрсэгмы и др.

С течением времени под влиянием разных причин национальный костюм, сохраняя основные черты, видоизменяется в плане некоторых элементов своего декора. Например, в прежние времена на лифе женского костюма хоринских бурят не нашивали тесьму из двух или из трех цветов, тогда как буряты Монголии, шэнэхэнские и агинские буряты стали украшать свои дэгэлы тесьмой, называемой *тууза*. Что касается шэнэхэнских бурят, они сохранили традицию оформления дэгэла молодых девушек в прежнем виде, как описано у знатока старого быта Л. Л. Линховойна. Он пишет: «Энгэр девичьих дэгэлов отличался от женских: с левой стороны от ворота направо идет полоса из черного бархата шириной 5–6 см.; от середины правой ключицы она спускается к подмышке; по верхнему краю бархатной полосы нашивается сагаалса – светлая шелковая лента длиной около 17–18 см., шириною чуть больше пальца; по нижнему краю бархатной полосы, по всей ее длине, нашивается хушэлтэ – лента такой же ширины и прошивается вдоль три-четыре раза» [Линховойн, 1972, с. 29]. Такое оформ-

ление у агинских бурят, по наблюдениям Л. Л. Линховойна, существовало до 10-х годов XX столетия. Современный национальный костюм, особенно женский, шэнэхэнских и агинских бурят несколько отличается в оформлении. Некоторые элементы пошива дэгэлов у шэнэхэнских бурят несколько упрощены. Отсюда и некоторые отличия швейных терминов.

Целью данной статьи является сравнительное исследование терминов швейного производства у шэнэхэнских и агинских бурят.

Если у агинских бурят сборки на рукавах и подоле женского костюма производится ручным способом с помощью трех игл с нитями – *хабагша*, то шэнэхэнские буряты делают такие сборки на швейной машинке в виде мелких складок. В данном случае вместо термина *хуняаһа хуниха* у шэнэхэнских бурят употребляется термин *эбхэмэл хуняаһан*, что означает ‘складки’.

В настоящее время у шэнэхэнских и агинских бурят вместо *татамал татааһан* – украшения лицевой стороны подола женского дэгэла нашивают украшение из парчи двух цветов – *хоргой*. Края этой нашивки окаймляются тесьмой – *тууза*. Раньше *татааһан* выполняли вручную. Ленту простого черного материала шириной около 3-х пальцев прошивали в два ряда стебельчатым швом либо нитками желтого и зеленого цвета, либо желтого и красного. Эта вышивка имела загадку: *Жалгыё уруу жаран гүрөөһэн гүйбэ, Жарантайн һамган мунсаа баряад гүйбэ*, что переводится ‘По ложбине вниз побежали шестьдесят косуль, а жена Жарантая побежала за ними с колотушкой’.

В языке шэнэхэнских бурят тесьма – *тууза* называется больше собственно монгольским субстантивированным словом *нэхэмэл*, что означает *с үлжиж хийсэн эд бараа* – ‘что-л. плетеное’ [Цэвэл, 1966, с. 400].

В языке агинских бурят нашивки на рукаве женского дэгэла называется *булуубша*, а у шэнэхэнских бурят такую нашивку называют *хамсын татааһан*. На нее с нижней стороны пришивается тесьма *тууза*. Современные шэнэхэнские буряты эту нашивку еще оформляют бейкой с верхней стороны, что не наблюдается у агинских бурят.

У шэнэхэнских бурят иногда каемка нижней стороны лифа женского дэгэла шириной с палец называется *бодонго хубөө*, а у агинских бурят – *мүхөөһэн*. На настоящий момент затруднительно объяснить термин *бодонго* на основе данных

монгольских языков. Возможно, данное слово проникло из говора соседствующих хамниган.

Одним из положительных моментов шитья дэгэлов шэнэ-хэнских бурят является выполнение стежков, т.е. соединение подклада с материалом для покрытия. Оно выполняется следующим образом. Если дэгэл на ватном или матерчатом подкладе, то со стороны подклада стежок делается тремя мелкими шажками, а четвертый – длинный шажок или пропуск. Все это повторяется до конца. Такие потайные стежки в языке шэнэ-хэнских бурят называются монгольским словом *хабаха*. А у бурят данный прием называется *хүшэхэ*. Таким образом, на однотонной ткани стежки выполняются прямо по продольной нити, а на шелковых тканях с круглыми узорами стежки делаются по линии рисунка. Кроме того, у шэнэ-хэнских бурят, которые до сих пор шьют национальную одежду, при шитье бурятской национальной обуви употребляется термин *шангалха*, что означает ‘прошивать заготовку войлочной подошвы частыми стежками по всей площади для уплотнения войлока’. В словарях монгольского и бурятского языков данное терминологическое значение не отмечено. В языке шэнэ-хэнских бурят иногда встречаются заимствования из русского языка, например, название ткани *шэбьезд* ‘шивьот’, которое обозначает любую шерстяную ткань, используемую для покрытия дэгэлов. Интересным является то, что для обозначения футляра для игл в словосочетании *зүүнэй баанха* (досл. ‘банка для иглы’) употребляется заимствованное слово, обозначающее одну из подвесок слева на женском боковом украшении. А в бурятском языке подвеска называется *зүүнэй гэр* (досл. ‘дом для иглы’).

Таким образом, мы рассмотрели некоторые особенности в терминах швейного производства и элементов национальной одежды у шэнэ-хэнских бурят. Вызывает восхищение сохранение в их культуре традиционной одежды и искусное оформление ее декора.

### Информанты

Тогтохын Толон, 1946 г.р., род сагаангууд, Зүүн сомон, местность Мүнгэн Шулуун.

Абидын Субад, 1955 г.р., род бодонгууд.

Дашидондой Цыпелма, 1964 г.р., род галзуут, Зүүн сомон.

## Литература

*Бадмаева Р. Д.* Бурятский народный костюм. Улан-Удэ, 1987.

*Базарова Ц. Б.* Национальная одежда агинских бурят (лексико-семантический аспект). Улан-Удэ, 2003.

*Батажаргалай Сэрсэгмаа.* Бурятские традиции и обычаи, национальная одежда. Улан-Удэ, 1999.

*Линховоин Л.* Заметки о дореволюционном быте агинских бурят. Улан-Удэ, 1972.

## СЛОЖНЫЕ ГЛАГОЛЫ В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ

В калмыцком языке широко распространены сочетания соединительного (на -ж / -ч) или разделительного (формы на -ад / -эд) деепричастия и финитной формы вспомогательного глагола. Грамматикализации подвергаются конструкции с глаголами движения<sup>1</sup>, глаголами позиции<sup>2</sup>, глаголы *av-* ‘брат’ и *ög-* ‘давать’, *ald-* ‘терять’, *bää-* ‘быть’, *bol-* ‘становиться’, *gi-* ‘говорить’, *ork-* ‘класть’, *xaj-* ‘бросать’ и некоторые другие. Сходный набор значений и пути грамматикализации конструкций представлены в других монгольских языках и в языках мира (см. типологические сведения о направлении грамматикализации этих глаголов в справочнике [Heine, Kuteva 2002]).

Грамматикализация – континуум состояний лексической единицы на пути к грамматическому показателю. Калмыцкие сложные глаголы, обладающие общими свойствами, обладают семантическими и морфосинтаксические особенностями, проявляющимися в (частичном) сохранении или утрате исходного значения вспомогательного глагола, ограничениях на сочетаемость с полнозначными глаголами, взаимодействием с отрицанием и показателями актантной деривации и т. д. В калмыцком языке представлены и полностью грамматикализованные единицы и (полу)свободные бипредикативные сочетания, однако в грамматиках и в единственном монографическом описании аналитических форм [Онджанова 1969] почти не содержится сведений об особенностях конкретных грамматикализованных конструкций, поскольку авторы, как правило, стремятся выделить общие свойства вспомогательных глаголов и классифицировать их в соответствии с выражением видовых противопоставлений (например, «законченного, длительного и начинающего» [Онджанова 1969] или «законченного, кратковременного, ритмического и длительного» вида [Санжеев 1983: 190]).

В докладе рассматривается семантика аспектуальных аналитических конструкций с глаголами *ork-* ‘класть’ (и его морфологизованного варианта *-chk-*), *od-* ‘уходить’, *xaj-* ‘бросать’,

---

<sup>1</sup> Глаголы *ir-* ‘приходить’, *jov-* ‘идти, ходить’, *od-* ‘уходить’, *qar-* ‘выходить’ и некоторые другие.

<sup>2</sup> Глаголы *suu-* ‘сидеть’, *kevt-* ‘лежать’



*joṽ-* ‘ходить’, *suu-* ‘сидеть’, *keṽ-* ‘лежать’ в калмыцком языке и их способность сочетаться с полнозначными глаголами<sup>1</sup>. Семантика аналитической конструкции реализуется во взаимодействии с акциональными свойствами<sup>2</sup> смыслового глагола и сочетания с видо-временными аффиксами (см. анализ сочетаний аналитических форм с глаголами, обладающими различными акциональными свойствами в карачаево-балкарском языке [Лютикова и др. 2006: 362 и далее]); эти параметры я постараюсь учесть при описании грамматикализованных глаголов в калмыцком языке.

### Перфективные значения (*ork-* ‘класть’, *od-* ‘уходить’)

Конструкции с глаголами *od-* ‘уходить’ и *ork-* ‘класть’ близки по значению<sup>3</sup> и составляют ядро системы аналитической перфективации в калмыцком языке<sup>4</sup>.

Глагол *ork-* ‘класть’ – наиболее грамматикализованный из глаголов-перфективаторов, способный сочетаться с любыми смысловыми глаголами, – существует в калмыцком языке в виде аналитической конструкции и морфологизованного варианта<sup>5</sup> – аффикса *-chk-*. В литературе указывается синонимич-

---

<sup>1</sup> Доклад основан на материалах экспедиций кафедры общего языкознания филологического факультета СПбГУ в поселок Ергенинский Кетченеровского района Калмыкии в 2006–2007 гг. Полевые материалы приводятся в транскрипции, принятой в экспедиции.

<sup>2</sup> В докладе использованы ярлыки, принятые для описания акциональных свойств в работах [Татевосов 2005; Лютикова и др. 2006].

<sup>3</sup> Глагол *od-* выражает «полноту проявления действия», тогда как *ork-* обозначает действие «полностью завершённое, с оттенком неожиданности и резкости» [Пюрбеев 1977: 113–114].

<sup>4</sup> К перфективным вспомогательным глаголам относят также глаголы *ög-* ‘давать’ и *av-* ‘брать’, образующие бенефактивные конструкции (собственно бенефактива и рефлексивного бенефактива, при котором действие совершается в пользу субъекта; они имеют в некоторых контекстах значение лимитатива, однако подобные примеры сравнительно немногочисленны в наших материалах); глагол *xaj-* ‘бросать’, который будет рассмотрен ниже в связи с количественными аспектуальными значениями, и некоторые другие слабограмматикализованные глаголы.

<sup>5</sup> Морфологизация – сопутствующий грамматикализации процесс утраты морфоситаксической автономности [Майсак 2005: 48]; превращение свободных единиц через стадию клитик в морфемы.

ность аффикса и аналитической формы<sup>1</sup>, однако в спонтанной речи практически всегда (за исключением специфических контекстов) представлен аффикс *-chk-*, хотя носители легко допускают возможность его замены конструкцией с глаголом *ork-*.

Аффикс *-chk-* или глагол *ork-* в сочетании с большинством смысловых глаголов указывает на предельное прочтение ситуации. С предельными глаголами конструкция имеет значения вхождение в состояния, причем чаще всего аффикс *-chk-* встречается со слабыми предельными глаголами (имеющими в перфективе два значения – вхождения в состояния и процесса), противопоставляя предельное прочтение – непредельному; другие закономерности предпочтения форм с аффиксом *-chk-* пока неясны. Аффикс *-chk-* или глагол *ork-* позволяет ввести предельное прочтение непредельных процессов, дополнить отсутствующую в акциональных свойствах исходного глагола лауну, см. глагол *xälä-* ‘смотреть’ (<P; P>):

1. Mini näädhin kövün kölän kerch-chk-chə, emchə ir-äd xälä-chk-əv (HM+)

1SG.GEN друг-GEN мальчик-EXT нога-P.REFL резать-PRF.TR-CV.IPFV врач приходит-CV.ANT смотреть-PRF.TR-PST  
*Сын моего друга порезал ногу, врач пришел, осмотрел*

У мультипликативных глаголов конструкции с *ork-* выделяют квант действия:

2. Zalu kövügə cokad / cokdhə orkəv

Мужчина мальчик-ACC бить-CV.ANT / бить-CV.IPFV класть-PST  
*Мужчина ударил мальчика {шлепнул один раз}*

Сочетания со стативными глаголами (<S; S>) имеют инхоативное значение, хотя подобные конструкции признавались не всеми информантами; как правило, носители языка в этих случаях предпочитали конструкция с *ork-* аффиксу.

3. Kövün düq-än külä-qäd ork-əv (Incheeva +)

мальчик-EXT младший.брат-P.REFL ждать-CV.ANT класть-PST  
*мальчик вдруг стал ждать братишку {не собирался, а пришлось ему}*.

---

<sup>1</sup> По-видимому, это положение верно для письменного варианта калмыцкого языка.

Глагол *od-* ‘уходить’ не сочетается с переходными глаголами; исходным контекстом грамматикализации глагола *od-* служат сочетания с глаголами движения. Конструкции с глаголом *od-* чрезвычайно частотны с пациентивными глаголами, обозначающих самопроизвольные процессы (*рваться, ломаться, умирать, краснеть*).

В зависимости от предельности / неопределенности смыслового глагола *od-* привносит комплетивное (обозначает момент достижения предела, высшей точки развития ситуации) или инхоативное (вступление в начальную фазу) значение. В комплетивном значении (в сочетании с предельными глаголами) *od-* синонимичен конструкциям с *ork-*:

#### 4. *Badma ködlmësh-t-än muur-dhə od-əv / ork-əv*

Бадма работа-DAT.P.REFL уставать-CV.IPFV уходить-PST /класть-PST  
*Бадма устал на работе*

Если глагол *ork-* имеет периферийное инхоативное значение только со стативными глаголами, то для конструкций с глаголом *od-* оно наиболее естественно и реализуется в сочетании с неопределенными процессами и стативными глаголами. Процесс грамматикализации *od-* в инхоативном значении, по видимому, охватывал сначала конструкции с глаголами движения и глаголы, допускающие значение ‘пошел / отправился делать X’, а затем распространился на остальные непереходные глаголы.

В сочетании с мультипликативными процессами *od-* обозначает квант мультипликативного процесса (пример 4), однако некоторые информанты предлагали (вторым вариантом) инхоативную интерпретацию (E MP):

#### 5. *shürün xur-asə terzə chirchr-äd od-əv (GalCeb)*

суровый дождь-ABL окно дрожать-CV.ANT уходить-PST  
*окна дрогнули от сильного дождя {1 раз вздрогнули и перестали} /  
?начали дрожать, задрожали (VajrtaVem)*

Конструкции с глаголом *od-* образуют перфект «комплетивного типа», характерный для аналитических систем перфективации [Майсак 2005; см. там же – о регулярном выражении в языках мира перфективных значений конструкциями с глаголом «уходить»]. В меньшей степени это относится и к более грамматикализованному глаголу *ork-* (или морфологизированному варианту *-chk-*), служащему наиболее общим перфект-

тивным показателем или телесизатором в калмыцком языке.

Особый тип конструкций с глаголом 'уходить' представляют собой чрезвычайно частотные в разговорной речи сочетания соединительного деепричастия на *-dhə / -chə* со стяженной формой *-ch(ə)* (= *od-dhə* 'уходить-RES'), имеющие значение эвиденциальности (как и простая форма «результатива» на *-dhə*).

#### 6. *Örä-də sham untrə-dhə o-ch*

комната-DAT свет гаснуть-CV.IPFV уходить-RES  
*{оказывается} в комнате свет погас*

#### Конструкции с глаголом *xaj-* 'бросать'

Значение вспомогательного глагола *xaj-* 'бросать' описывается в литературе как «завершенность действия» [Онджанова 1969: 77], «законченность действия с оттенком интенсивности» [Пюрбеев 1977: 115], т. е. его относят к перфективной зоне. Однако экспедиционные материалы показывают, что конструкции с глаголом *xaj-* 'бросать', как правило, служат для выражения количественных, а не линейных аспектуальных значений<sup>1</sup>.

Глагол *xaj-* в составе сложных глаголов не полностью десемантизирован: информанты осознают связь со значением 'бросать', и в языке существуют лексические ограничения на сочетаемость. Конструкция с глаголом *xaj-*, как правило, имеет дополнительный пейоративный оттенок, содержит негативную оценку события. В письменных текстах эта конструкция не встретилась; носители языка оценивали ее как разговорную и даже грубую.

Основное значение конструкции с глаголом *xaj-* – выражение дистрибутивной (мультиобъектной) множественности. Как правило, носители языка допускали только мультиобъектное прочтение и не разрешали мультипликативное / итеративное:

---

<sup>1</sup> Возможны следующие типы количественных значений: повторение ситуации с тождественным набором актантов в единый период времени (мультипликативное значение), в отдельные периоды времени (итерация), в единый период времени с не полностью тождественным набором актантов [Храковский 1989: 23–25].

7. Bi cuq aaqə-savə /\*neg aaqə xamxlad xajchkəv (GTs)

1SG.NOM весь посуда / \*одну чашку ломать-CV.ANT бросать-PRF.TR-1SG

*я все чашки перебила / \*я разбила {исколотила} одну чашку*

Если семантика глагола позволяет представить действие как череду квантов, повторение одной и той же ситуации с тем же набором участников (бить, целовать и т. п.), то конструкция с *xaj-* может иметь и мультипликативное прочтение; часто в этих конструкциях появлялись редуцированные формы соединительного деепричастия. (При переводе с калмыцкого на русский неоднозначных предложений с немаркированным множественным числом с этими глаголами информанты первым указывали дистрибутивное значение).

8. Kүүк-эн cuq-taqan üms-äd xaj-chk-əv (SvNimg)

девочка-EXT все-with-P.REFL целовать-CV.ANT бросать-PRF.TR-PST  
*девушка со всеми перецеловалась*

9. Bajrta kүүк-än üms-äd xaj-chk-əv / üms-ch-üms-chə xaj-chk-əv

Байрта девочка- P.REFL целовать-CV.ANT бросать -PRF.TR -PST /  
целовать-целовать-CV.IPFV бросать-PRF.TR-PST  
*Байрта зацеловала дочку {целовала и целовала много раз}*

Конструкции с глаголом *xaj-* используются и с существительными с собирательным значением; семантика конструкции – дистрибутивная множественность или интенсивность:

10. Сарсаха urqə idäd xaj-dha-na (BB +)

Саранча урожай есть-CV.ANT бросать-PROG-PRS  
*саранча пожирает урожай*

Глагол *xaj-*, как правило, употребляется с двух- или трехвалентными глаголами (в первую очередь, с переходными); сочетания с одноместными глаголами допускаются в качестве языковой игры. Значение этих конструкций – интенсивность или мультипликативная (но не итеративная) множественность:

11. ? Kүүкən biiläd xajchkəv (BajrtaBem)

девочка танцевать-CV.ANT бросать-PRF.TR-PST  
*девочка много танцевала, танцевала снова и снова / \*танцевала и танцевала в разные периоды времени*

Имперфективные конструкции с глаголами позиции  
и глаголом *jov*- 'ходить'

Имперфективные значения в калмыцком языке выражают сочетания соединительного (деепричастия с глаголом *bää*- 'быть', с глаголом ненаправленного движения *jov*- 'ходить' и с глаголами позиции *suu*- 'сидеть' и *kevt*- 'лежать'<sup>1</sup>). Основное значение этих конструкций – выражение прогрессива, однако в некоторых контекстах они могут получать хабиутальную интерпретацию. М. Д. Онджанова называет их показателями «длительного вида» [Онджанова 1969]. Сочетания указанных глаголов с разделительным деепричастием, по-видимому, менее грамматикализованны. К. Эберт отмечает, что формы на *-ad suu- / kevt- / bää- / jov-* позволяют неоднозначное толкование акционсарта глагола или выражают различные количественные акциональные значения – такие как итеративность или протяженность (*extended duration*) [Ebert 1999: 332].

Наиболее грамматикализованный вспомогательный глагол – глагол *bää*- 'быть' сравнительно редко встречался в разговорной речи, поскольку, как правило, информанты используют стяженную форму *-dhana* < *-dh+ bäänä* (ср. соотношение *ork- u -chk-*).

Конструкции с глаголом *jov*- образуют прогрессив от глаголов движения или глаголов, обладающих семантикой перемещения в пространстве (таких как 'танцевать', 'кружиться' и пр.). Различие между формой актуального настоящего на *-dhana* и сочетаний соединительного деепричастия (на *-dh*) с формой *jovna* для глаголов движения состоит в ненаправленном или направленном характере движения (К. Калашникова, устное сообщение). Глагол *jov*- менее грамматикализован, чем глагол *bää*-; некоторые информанты переводили конструкции с *jov*- буквально ('на ходу, идя куда-то'):

---

<sup>1</sup> В языках мира глаголы позиции (стоять, сидеть, лежать и иногда некоторые другие) часто грамматикализируются в имперфективные показатели [Майсак 2005: 263–267]. М. Д. Онджанова отмечает, что конструкция с глаголом *kevt*- 'лежать' "выражает действие, которое долго или нудно длится или действие, которое имеет место постоянно" [Онджанова 1969: 87].

12. Mini egchəm nanla dangind kereld-äd bää-na / jov-na / keerel-dhə suu-na

1SG.GEN старшая.сестра-P.1SG 1SG-COM всегда ругать-RECP-CV.ANT быть-PRS / ходить-PRS / ругать-RECP-CV.IPFV сидеть-PRS

*Моя старшая сестра постоянно ссорится со мной / {повсюду, куда ни пойдём ругается} / постоянно ругается*

Глаголы *suu-* и *kevt-* в аналитических конструкциях не полностью грамматикализованны и зависят от лексических свойств смыслового глагола. Часть сочетаний представляют собой лексикализацию (например, чрезвычайно частотная конструкция *untdhə kevt-* = спать+лежать ‘спать’) или осознаются как действия, осуществляемые в положении сидя или лежа. Подобные конструкции представляют собой слабограмматикализованные единицы и разрушаются, например, при отрицании (часть информантов относит отрицание только к глаголу *suu-* или *kevt-*). Если смысловой глагол не допускает интерпретацию «действие осуществляется в положении сидя / лежа», то подобные конструкции демонстрируют большую слитность.

13. usən suuq-də asxr-ad suu-na / kevt-nä

вода-EXT ведро-DAT литься-CV.ANT сидеть-PRS / лежать-PRS  
*вода {долго} льется в ведро*

\*\*\*

Конструкции со вспомогательными глаголами представляют собой периферию аспектуальных значений; в некоторых случаях аналитические конструкции позволяют выразить несвойственные исходному глаголу значения, «достраивают» дефолтную акциональную парадигму, или различие конструкций. Аналитические конструкции в калмыцком языке не исчезают описанными выше формами, однако описанные выше конструкции составляют основу аналитического выражения аспектуальных значений.

### Литература

- Лютикова Е. А. и др. Структура события и семантика глагола в караево-балкарском языке. М., 2006.
- Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и позиции. М., 2005.
- Онджанова М. Д. Аналитические глагольные формы в калмыцком языке. Дисс. ... канд. филологич. наук. Л., 1969.

- Пюрбеев Г. Ц.* Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис простого предложения. Элиста, 1979.
- Санжеев Г. Д.* (ред). Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста, 1983.
- Татевосов С. Г.* Акциональность: типология и теория // Вопросы языкознания. 2005, № 1.
- Храковский В. С.* Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Типология итеративных конструкций. Л., 1989.
- Ebert K. H.* Degrees of focality in Kalmyk imperfectives // W. Abraham & L. I. Kulikov (eds.). Tense-aspect, transitivity and causativity: Essays in honour of Vladimir P. Nedjalkov. Philadelphia, 1999.
- Heine B., Kuteva T.* Word lexicon of grammaticalization. Cambridge, 2002.

### **Некоторые глоссы**

- CV.ANT – разделительное деепричастие  
CV.IPFV – соединительное деепричастие  
PRF.TR – аффикс, обозначающий в грамматиках законченный вид  
PROG-PRS – настоящее конкретное время  
RES – прошедшее результативное время  
with – совместный падеж



## **ФОНОМОРФОЛОГИЧЕСКИЕ МУТАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ АКЦЕНТУАЦИИ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ<sup>1</sup>**

В процессе исторического развития в монгольских языках произошли различные изменения, приведшие к модификации фонологических, лексических, морфологических и синтаксических подсистем. Самый общий, кардинальный характер носят пронизывающие все сферы языковой системы процессы, связанные с образованием долгих и неясных гласных фонем. Долготные комплексы, отражающие характер и механизмы образования долгих гласных в монгольских языках, используются как важнейшие исходные основы в сравнительно-исторической монголиктике, а сама теория долготности послужила надежным критерием при определении хронологии этапов исторического развития монгольских языков в контексте положений об эволюции тюркских и тунгусо-маньчжурских языков. Поэтому теория долготности имеет прямое отношение и к проблемам алтаистики. Без учета теории долготности невозможно решать вопросы исторической лексикологии, морфологии и спорных явлений письменности, дешифровки старописьменных памятников. Основные положения теории долготности были изложены еще Г. И. Рамstedтом, а еще более детально разработаны и обоснованы Б. Я. Владимирцовым. Узловыми в теории долготности являются, несомненно, интервокальный согласный, исходная дифтонгоидная основа, а также и отдельные краткие гласные, квалифицируемые обычно как ударенные.

Однако при этом почти с самого начала зарождения теории долготности в качестве причины, вызвавшей возникновение долгих гласных, было названо некое второстепенное ударение, которое будто бы оказывало «удлиняющее» воздействие на второй гласный комплекса или единственный гласный, который представлял собой разновидность долготного комплекса.

Идея второстепенного ударения возникла, надо полагать, в связи с тем, что другие версии теории долготности оказались на практике не столь универсальными, и многие аспекты процесса образования долгих гласных не никак не укладывались в

---

<sup>1</sup> Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 06-04-00323а.

концепцию теории, в частности, версии «Интервокальный согласный». Мало того, это центральное положение в теории долготности находится в противоречии с такими реальными явлениями, как случаи сохранения долготного комплекса без образования долгих гласных, удлинение второго гласного при сохранении структуры комплекса.

Правда, после акад. Б. Я. Владимирцова идея второстепенного ударения в монголистике оставалась не столь привлекательной, хотя она встречается в исследованиях в качестве неактивной модели.

Однако значительно позже идея второстепенного ударения, которая здесь названа как версия «Ударение», снова привлекла внимание исследователей и заняла ведущую позицию в теории долготности, но уже в иной интерпретации, и обрела новые формы. Версия эта появилась после обнародования версии об изначальной долготе гласных, которая была характерна, как считал автор этой оригинальной теории Ш. Хаттори, протомонгольскому языку [1]. Эта идея, названная здесь как версия – «Долгота», побудила известных монголоведов, востоковедов многих стран к новым активным поискам древности долгих гласных в монгольских и других алтайских языках. Она способствовала тем самым вовлечению в монголистику новых материалов из тюркских, тунгусо-маньчжурских и других языков и новых методов диахронического исследования.

В монголистике стало традиционным представление, что длительность гласных всецело зависима от словесного ударения. Особенно показательна в этом отношении разделяемая всеми без исключения монголоведами точка зрения, согласно которой возникновение и развитие неясных гласных является результатом безударного положения некогда кратких гласных полного образования в позиции первого слога слова. При этом процесс образования неясных гласных никак не связывают с образованием долгих гласных. И это, на первый взгляд, кажется вполне оправданным, поскольку речь идет о противоположно направленных развитиях действий: в одном случае об удлинении гласных, а в другом – о редукции гласных. Поэтому, на первый взгляд, представляется весьма логичным, что в одном случае гласные под влиянием второстепенного ударения удлинились, а в другом – в безударном положении гласные редуцировались. Однако известно, что одно и то же действие, направленное на разные объекты, нередко может дать разные, а иногда и противоположные результаты. Некоторые исследова-

тели склонны видеть в долгих гласных калмыцкого и других монгольских языков проявление словесного ударения. В этой связи целесообразно проанализировать существующие в монголоведческой науке положения в отношении всех разновидностей словесного ударения. Так, со времен Г. И. Рамstedта, А. Д. Руднева, Б. Я. Владимирцова утвердилось положение, согласно которому словесное ударение в монгольских языках является сильным экспираторным, динамическим и падает неизменно на первый слог слова. Г. И. Рамstedт считал, что словесное ударение в монгольском языке экспираторное и чрезвычайно сильное. «Различие между силой экспирации ударяемого слога и неударяемого так велико, – писал он, – что слог без ударения в живой речи часто совсем исчезает» [2, с. 56]. И он подчеркивал силовой характер ударения: «Едва ли есть другой язык, в котором ударение на первом слоге было бы так сильно, как в монгольском» [2, с. 56]. При этом он не признавал второстепенного музыкального ударения, падающего на последний слог слова. Акад. Б. Я. Владимирцов считал, что «ударение в халхаском наречии экспираторное или динамическое, очень сильное, оно всегда падает на первый слог слова. Благодаря этому первый гласный слова в халхаском приобретает ясность, отчетливость и силу, происходит усиление гласного экспираторным путем, при этом не наблюдается повышения в музыкальном смысле и удлинения данного гласного» [3, с. 97]. Характеризуя словесное ударение в халхаском наречии, он отметил также, что эта характеристика относится в равной мере ко всем другим монгольским наречиям. «Все известные монгольские наречия, – писал он, – характеризуются таким же ударением» [3, с. 97].

Автор «Сравнительной грамматики...» отметил также наличие и второстепенного ударения. «Кроме этого экспираторного ударения в халхаском наблюдается в известных случаях второстепенное ударение, падающее на последний слог слова. Это второстепенное ударение бывает одновременно экспираторным и музыкальным. Музыкальное ударение состоит в одностороннем повышении тона» [3, с. 97].

Правда, еще раньше, в середине XIX века А. А. Бобровников установил в монгольско-калмыцком языке повышение тона, которое приходилось на последний слог слова. Таким образом, А. А. Бобровников впервые в монголистике установил наличие музыкального ударения. «Повышение тона, или ударение, в монгольско-калмыцком языке бывает, – писал

А. А. Бобровников, – всегда на последнем слоге, например, бурхан «бог», бакши «учитель» [4, с. 33]. Далее он пояснил: «Сколько бы ни было в слове долгих гласных и где бы они не находились, повышение тона или ударение бывает всегда на последней гласной, – будет ли она долгая или короткая» [4, с. 33]. Далее дана характеристика этого ударения в сравнении с ударением в русском языке. «Вообще нужно заметить, – писал он, – что ударение монгольско-калмыцкое отличается от ударения русского, именно: русское ударение сообщает гласной ясный выговор и как бы некоторую долготу, между тем как в монгольско-калмыцком языке ударение состоит только в повышении тона, а долготы или краткости, ясности или неясности произношения зависят от других причин» [4, с. 34]. Надо сказать, что этот важный для монголистики вывод, сделанный в свое время А. А. Бобровниковым, оставался вне поля зрения исследователей.

Положение, что главное ударение падает на первый слог слова, является в монголистике весьма популярным. Однако ряд исследователей, которые занимались экспериментальными методами изучения ударения, пришли к иным выводам, а именно, что в современном монгольском языке ударение отсутствует [5], а в бурятском признается лишь локальное музыкальное ударение на последнем слоге слова [6, с. 105–108]. Еще раньше, правда, на основе слухового метода исследования Г. Д. Санжеев заключил, что ударение в калмыцком языке отсутствует [7]. Экспериментально-фонетические исследования автора настоящих строк позволили сделать обобщение, что в калмыцком языке имеются два вида ударения: качественное, которое падает на первый слог слова, и второстепенное, падающее на последний слог слова. Первое из них является главным, а второе – второстепенным [8].

Рассмотрим положения, основанные на представлении о влиянии второстепенного ударения на длительность гласных в монгольских языках, в контексте теоретических положений о причинах и механизмах образования долгих гласных, оставив пока в стороне вопрос об ударении на первом слоге слова.

Гипотеза о том, что причиной возникновения вторичного долгого гласного является второстепенное ударение, здесь названа версией «Ударение». Она имеет несколько вариантов.

Монгольский ученый акад. Ш. Лувсанвандан выдвинул версию о механизме образования долгих гласных, согласно которой «в древнем монгольском языке второй гласный комплек-

са был ударенным, а в средневековый период этот гласный постепенно обрел устойчивую долготу, в результате чего предшествующий ему согласный выпал и одновременно с этим исчез и первый гласный комплекса. Остался только долгий гласный, который дошел до наших дней» [9, с. 25–26]. Иными словами, по Ш. Лувсанвандану, в долготном комплексе V1 + C + V2 роль интервокального согласного (C) и первого гласного комплекса (V1) в образовании долгих гласных равна нулю, существенным здесь является, по мнению ученого, только второй гласный (V2) долготного комплекса.

Концепция Ш. Лувсанвандана получила дальнейшее развитие в трудах и других известных ученых. По мнению В. И. Рассадина, центральным в этом вопросе является также второй гласный комплекса. «Все становится понятным, если допустить, что 2-й гласный был в комплексах VCV ударным, впоследствии же он в некоторых монгольских языках стал восприниматься как долгий» [10, с. 45]. Сильной стороной этого варианта является то, что дана попытка охарактеризовать свойства этого ударения, которое было, по мнению В. И. Рассадина, сильно напряженным, возможно, носило подвижный характер [10, с. 46–47].

Монгольский ученый акад. Д. Тумуртоого также исходит из позиции, что в образовании долгих гласных решающую роль сыграл второй гласный (V2). Он считает, что «долгие гласные, бытующие в современных монгольских языках, возникли из смысловозначительного ударения, которое было в протомонгольском языке» [11, с. 84], а выпавший согласный, как и предшествовавший ему краткий гласный, никакого участия в процессе образования долгих гласных не принимал [11, с. 84].

Версия Ш. Лувсанвандана получила дальнейшее развитие и в совершенно ином аспекте. Так, например, Г. Жамьян выдвинул новую гипотезу, согласно которой знак «удан» в ойратском «Ясном письме» XVII века обозначал не долготу гласного, к которому он приписывался, а передавал самостоятельные долгие гласные [a:], [e:]. Следовательно, знак «удан» в «ЯП», по его мнению, не был диакритическим знаком, передававшим долготу гласного, а был самостоятельной буквой, обозначающей, в зависимости от сингармонической рядности слова, два долгих гласных – [a:], [e:]. По Г. Жамьяну, других долгих гласных в ойратском языке XVII века не было [12].

Статью Г. Жамьяна перевел на русский язык Г. Д. Санжеев и сопроводил ее комментарием, где он поддержал идею Г. Жамьяна и выдвинул свой вариант трактовки знака долготы в «Ясном письме» как ударенные гласные [a], [e]. Соответственно этому Г. Д. Санжеев меняет рамки своей прежней хронологизации средневекового периода развития монгольских языков. «Гласный + гласный после выпадения интервокальных согласных и до слияния в один гласный следует раздвинуть примерно до (половины? или конца?) XVII в.» [13, с. 130–131]. При этом осталось неясным, о каком качестве ударения идет речь.

Однако трактовка знака долготы как [a:], [e:], следовавших за предшествующим гласным, не согласуется с закономерностью развития долгих гласных. Если гласные со знаком долготы в «Ясном письме» представить, согласно Г. Жамьяну, как [oa:], [öe:], то они должны были входить в один слог. Следовательно, они были восходящими дифтонгами, поскольку вторые элементы дифтонгов были долгими. Поэтому при их монофтонгизации должны были бы сохраниться именно вторые компоненты. Однако в современных ойратских языках и говорах, также как и в других монгольских языках, имеются формы с огубленными гласными, т. е. сохранились первые (краткие) элементы типа [o], [ö].

Интерпретация знака долготы как [a:], [e:] противоречит и закону, по которому в монгольских языках не встречаются два гласных рядом. Еще А. А. Бобровников писал, что «монгольский язык вообще не терпит в произношении двух гласных, не разделенных согласною буквою (согласным звуком. – П. Б.)» [4, с. 18, сноска].

Ссылка на так называемое второстепенное ударение как на причину, побудившую возникновение, например, долгих гласных в монгольских языках, неубедительна. Во-первых, если даже допустить, что второстепенное ударение все же существовало, то неизвестны его тип и, соответственно, физическое качество. Маловероятно, чтобы в результате последующего развития ударение дало долготу гласного, если оно носило, например, качественный характер. Во-вторых, нет обоснованных данных и о функциональной роли т. н. второстепенного ударения. Если же последнее было связанным, то нет оснований считать, что оно было смысловозначительным. И, наконец, в-третьих, вызывает сомнение сам факт существования второстепенного ударения. Во всяком случае, еще нет научно уста-

новленных данных о том, что такое ударение было в монгольских языках в историческом прошлом. Кроме того, остается необъяснимым избирательный характер употребления второстепенного ударения в слове. Оно падало только на второй гласный долготного комплекса, а в аналогичных по структуре многосложных словах, где не было долготного комплекса, оно вообще не употреблялось, т. е. в одних словах оно присутствовало, а в других, которых по численности было больше, – нет.

Результаты исследований позволяют считать, что фономорфологические изменения, произошедшие в монгольских языках, включая и образование долгих и неясных гласных, обусловлены закономерностями их развития, которые получили здесь концептуальное обобщение в форме «Закона корреляционной модификации».

### Литература

1. *Hattori Sh.* The Length of Vowels in Proto Mongolian // Олон улсын монгол хэл бичгийн эрдэмтний анхдугаар их хурал. Улаанбаатар, 1961. 2-р дэвт.
2. *Рамstedт Г. И.* Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халха-ургинского говора. СПб., 1908. (Перевод с немецкого: *Das Schriftmongolische und die Urgamundart phonetisch verglichen.* Helsingfors, 1902).
3. *Владимирцов Б. Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929.
4. *Бобровников А. А.* Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1847.
5. *Герасимович Л. К.* К вопросу о характере ударения в монгольском языке // *Studia Mongolica.* Т. 8, fasc. 14.
6. *Будаев Б. Ж.* Акцентуация бурятского языка. М., 1981.
7. *Санжеев Г. Д.* Грамматика калмыцкого языка. М., 1940.
8. *Биткеев П. Ц.* Словесное ударение в калмыцком языке и монгольском языке Тувы // Вопросы грамматической системы монгольского языка. Элиста, 1980.
9. *Лувсанвандан Ш.* Орчин цагийн монгол хэлний урт эгшгийн гарлын тухай асуудалд // Хэл зохиол. Монгол хэл уран зохиолын зарим асуудал. Улаанбаатар, 1967. 4-р боть.
10. *Рассадин В. И.* Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М., 1982.
11. *Төмөртоого Д.* Монгол хэлний түүхэн хэлзүй. Улаанбаатар, 1992.
12. *Жамьян Г.* Обозначение долгих гласных в ойратском «Ясном письме» // Народы Азии и Африки. 1970. №5.
13. *Санжеев Г. Д.* Комментарий к статье Г. Жамьяна // Народы Азии и Африки. 1970. № 5.

## РОЛЬ ЭВФЕМИЗМОВ В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ЯЗЫКА

Эвфемизмы относятся к явлениям, влияющим на характер исторического развития языка. Особую их разновидность в калмыцком языке представляют эвфемизмы, известные как женский язык или женский язык калмычек. Они базируются на особом отношении калмычек-женщин к именам старших родственников мужа. Естественно, они отражают и особое уважительное отношение к носителям этих имен. Эвфемизмы, называемые как женский язык, образуются на основе табу личных имен старших родственников мужа, представляют собой целостную систему и занимают определенное место в языке. Таких эвфемизмов в калмыцком языке очень много, поскольку табуируются личные имена старших родственников мужа, к которым относятся и близкие, и далекие, а также и давно отсутствующие родственники, которые известны невестке только по сведениям из других уст. Табуируются имена независимо от того, присутствуют или отсутствуют их носители в момент речи. К тому же личных имен в калмыцком языке много еще и потому, что они образуются практически от любого слова (названий растений, животных, абстрактных понятий и т. д.). Кроме того, табуируются не только личные имена, но и слова, имеющие созвучие с ними в начальной части слова.

Этот тип эвфемизмов – исторически обусловленное социокультурное лингвистическое явление, возникновение которого продиктовано необходимостью утверждения в обществе, прежде всего в семье, достигнутых духовных и материальных наследий путем регуляции взаимоотношений между членами семьи и рода с помощью эвфемизмов.

В условиях кочевой степной жизни для укрепления и сплочения общества в единое целое были необходимы новые принципы взаимоотношений людей. Естественно, эти принципы полностью соответствовали основам учения буддизма. Идеологической основой женских эвфемизмов послужили в первую очередь традиции предков, в частности, уважительное отношение в семье и обществе по родственному и половозрастному признакам. Этическая их основа сходна с традицией табуирования и эвфемизации личных имен родителей детьми у многих народов мира как, например, русские *мама*, *папа*. В калмыцком же языке эта традиция охватывает не только значи-



тельно более широкую группу личных имен родственников, но и все сколько-нибудь созвучные с ними слова и носит строго последовательный характер.

Критерии функционирования эвфемизмов отвечали существовавшим в обществе древнейшим законам, по которым строились принципы и правила передачи по наследству власти, права на движимое и недвижимое имущество и др. Социальной базой бытования таких эвфемизмов послужила семья в традиционном калмыцком понимании. Калмыки расширили сферу применения этих критериев, положив их в основу этикета взаимоотношений между людьми, в частности, и для сохранения всех ценностей, унаследованных от далеких и близких предков. Именно таким образом возникли в калмыцком языке явления табу и эвфемизмов в отношении личных имен старших родственников мужа.

Основными исходными звеньями в сфере использования женского языка являются члены семьи: муж, его родители, близкие, а иногда и далекие, родственники, предки мужа, особенно по мужской линии. Имена родственников по мужской линии мужа жене надо было табуировать весьма строго, создавать свою систему эвфемизмов. Причем имена старших родственников мужа табуируются и в том случае, если носителями их являются, как это часто бывает, совершенно чужой человек, независимо от того, знаком или совершенно не знаком он калмычке. Имена же родственников по материнской линии мужа табуировались менее строго.

Однако система табуирования и использования эвфемизмов предполагали, естественно, четкую дифференциацию исходных названий родственников, поскольку эти названия приобретали уже терминологический характер, следовательно, должны были быть исключены различные толкования значений.

Не имело, например, своего четкого названия понятие 'тетя по отцовской линии'. Соответствующие слова были найдены и использованы по значению, например, понятие 'старшая тетьа по отцовской линии' стало передаваться словом *haha*, которое, возможно, является ранним заимствованием из другого языка. Это звательное слово употребляется в отношении старшей сестры мужа, которая может быть и родной, двоюродной и даже дальней старшей родственницей по мужской линии. Этим термином пользуются не только невестки, но и ее дети, когда обращаются к тете по отцовской линии

Центральными в этой системе, естественно, были названия, обозначающие понятия ‘семья’, ‘муж’, ‘жена’, поскольку родственные отношения начинаются с семьи. Однако исторически так сложилось, что именно эти понятия в терминологическом отношении оставались самым слабым звеном в системе наименований родственных отношений, на которых базировались женские эвфемизмы. Они, естественно, были в языке, но носили нечеткий, неустойчивый, расплывчатый характер. Это относится не только к калмыцкому, но и к другим монгольским языкам. Можно сказать, что практически не было слов, четко выражающих понятия ‘муж’ и ‘жена’. Употреблялись слова типа *герин эзн* ‘хозяин дома, юрты’, *эр* ‘мужчина, человек мужского рода’, *иньг-амрг* ‘любящие’, подобно тому, как и в других монгольских языках слова типа монг. *нөхөр* ‘муж, супруг’, которое передает и значения ‘товарищ, друг, спутник, сослуживец’. В калмыцком языке употребление в этом значении адекватного ему по происхождению и звучанию слова *н кд* было недопустимо, оно было закреплено за другим понятием – ‘товарищ, спутник’. В монгольском языке употреблялось еще словосочетание *авааль эр* ‘первый муж, законный муж’ (букв. ‘первый мужчина’). Поэтому калмыки в период возникновения табу и эвфемизмов использовали слово *залу*, которое прежде передавало понятие ‘молодой’. В старых текстах, фольклоре сейчас еще встречается слово *залу* в значении ‘молодой’, например, *идр залу насндан* ‘в сильном молодом возрасте’. Однако в современном калмыцком языке слово *залу* выступает, как правило, в значении ‘муж, мужчина’, например, *мини залу* ‘мой муж’, *залу кун* ‘мужчина’, отсюда *залурхх* ‘проявлять мужской характер’, *залурх* ‘возмужать’, *залута* ‘замужняя, имеющая мужа’. Ср. монг. *залуу* ‘юный, молодой’, *залуус* ‘молодые’, *залуучууд* ‘молодежь’. Отсюда «*Залуучуудын үнэн*» – это газета, название которой в переводе означает «Молодежная правда». Такое же значение этого слова и в бурятском языке.

Коль скоро в калмыцком языке за словом *залу* закрепилось понятие ‘муж, мужчина’, то было необходимо закрепить произошедшие в языке лексико-семантические изменения. Повидимому, в этой связи возникли различные, имеющие и воспитательное значение пословицы и поговорки, возвышающие статус мужчины и мужа, что соответствовало идеологической основе эвфемизмов, которые получили название «женский язык замужних калмычек». Примеры: *мука болв чигн утх, му болв чигн залу* ‘Хотя и тупой, но нож, хотя и плохонький, но

мужчина’, *сэн залу, сэн мөрн хойр көгшрдмн биш* ‘Хороший мужчина и хороший конь не стареют’, *залу зандн модн* ‘Мужчина – сандаловое дерево’, *залу кун занһсн талан, зандн модн нээхлсн талан* ‘Мужчина стремится туда, куда наметил путь, а сандаловое дерево наклоняется туда, куда оно начало наклоняться’, *залуд зөрг чимг* ‘Для мужчины смелость украшение’, *залу зөрмг йовдл* ‘смелый, мужественный поступок’ и др. Более устойчивым стало название, обозначающее понятие ‘жена, супруга’ – *гергн*. Оно заняло определенное место в системе названий людей женского пола: *күүкн* ‘девочка, девушка’, но *гижгтэ күүкн* ‘взрослая девушка’, *нойхн* букв. ‘княжна’ употребляется часто в значении ‘девочка, девушка’, *герин эзн күүкд кун* ‘хозяйка дома’, *баавһа* или *бавһа* – просторечная форма, передает большей частью значение ‘пожилая женщина’, *күүкд улс* ‘женщины’, *бер* ‘невестка, молодая замужняя женщина’, *бергн* ‘старшая невестка, сноха’ и др. Правда, еще в калмыцком языке употребляются слова *хатн* ‘ханша, супруга знатной персоны’, *окн* ‘девочка, девушка’, *арагнь* ‘прекрасная дева, фея’, которые не имеют прямого отношения к группе табуируемых женщинами-калмычками лексических единиц.

Таким образом, формирование системы эвфемизмов на базе табу личных имен родственников мужа замужней калмычкой обусловило необходимость уточнения и конкретизации терминологических названий исходных лексических единиц, обозначающих родственников мужа и самого мужа и жены.

## К ВОПРОСУ О ФОНОЛОГИЧЕСКОМ СТАТУСЕ НЕЯСНОГО ГЛАСНОГО В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ

1. **История вопроса.** Явление, представляющее собой предмет данного исследования, совершенно по-разному трактуется в работах, которые, так или иначе, затрагивали этот вопрос. Одни исследователи [Биткеев 1975; Санжеев 1983; Сусеева 2004] выделяют несколько фонем – неясных гласных, в соответствии с количеством сингармонических рядов, и об их принципиальном отличии от других вокалических фонем ничего не говорится. У. Блэзинг считает, что неясный гласный не является фонемой [Blaesing 2003: 231]. Дж. Стрит [Street 1962] рассматривает неясный гласный как самостоятельную фонему, которая, однако, обладает особым статусом по сравнению с другими гласными фонемами. Ему близка позиция Д. А. Павлова [Павлов 1963], который, хотя и не считает неясный гласный фонемой, но трактует её статус сходным образом. Я поддерживаю точку зрения Дж. Стрита и отчасти Д. А. Павлова.

2. **Возникновение неясного гласного.** В калмыцком языке середины XVII в. (когда было создано национальное письмо *тодо бичиг*) существовало противопоставление по долготе в любой позиции в слове. Затем во всех слогах слова, кроме первого, произошла редукция.

Важно, что результаты редукции исторически долгих гласных и исторически кратких гласных проявились по-разному. Долгие гласные непервых слогов претерпели количественную редукцию, и в современном языке им соответствуют краткие гласные. Что касается исторически кратких гласных, то они подверглись в этом контексте качественной редукции, а именно, утратили дифференциальные признаки «огубленность/неогубленность», «степень подъёма языка» и объединились в одну фонему – неясный гласный.

3. **Аллофоны неясного гласного.** Длительность неясного гласного нестабильна. В абсолютном конце слова она обычно равна длительности обычного краткого гласного *gii(100)na(100)* ‘глубокий’; *ö(150)rkə(170)* ‘двор’; *qa(110)nqə(90)* ‘жара’. Если же неясный гласный оказывается в конечном закрытом слоге, то он будет, как правило, короче: *bo(60)lqə(40–30)n* ‘каждый’; *qa(80)rə(25)-nu* ‘рука-POSS.3SG’.

У неясного гласного также есть аллофоны, значительно различающиеся по тембровым характеристикам. В зависимости от того, к какому сингармоническому ряду относится слово, неясный гласный реализуется либо как более передний и закрытый, либо как более задний и открытый: для заднего ряда это «э-образный» звук, для переднего – «и-образный». У неясного гласного также есть огубленный вариант, который возникает в случае, если в соседнем слоге есть огубленный гласный, а также в позиции перед или после согласной *v*. Но этот вариант появляется факультативно: так, например, в слове *ипэ-в* ‘упала’ э может быть как огубленным, так и неогубленным.

**4. Фонологичность неясного гласного** ставится под сомнение не со стороны других фонем калмыцкого языка, а со стороны его чередования с нулём звука [Street 1962]. Иными словами, вопрос о статусе неясного гласного можно поставить так: неясный гласный – это лишь некий «вокалический прида-ток» согласного, который появляется в произнесении автоматически по определенным фонетическим правилам, или же это самостоятельная фонема, способная различать знаковые единицы?

Чтобы ответить на этот вопрос, было исследовано появление неясного гласного в тех контекстах CVC – CVC(э) и CVrэC – CVrCэ, где предположительно этот гласный может проявлять качества фонемы. Эти контексты были выявлены на основании работ Дж. Стрита и Д. А. Павлова.

**5. Неясный гласный и ударение.** Основным критерий, по которому определялось наличие или отсутствие неясного гласного (в особенности это касается неясного гласного в позиции CVC – CVC(э)) – это ударение, т.е. неясный гласный признавался наличествующим в произношении слова только в том случае, если на него падало ударение. В калмыцком языке существует автоматическое ударение на последнем слоге, которое реализуется как повышение основного тона [Биткеев 1973]. Повышение не происходит лишь на конечном слоге последнего слова во фразе, т.к. ему препятствует правило понижения интонации на конце фразы. Но поскольку анализируемые формы встречались в подавляющем большинстве случаев не в конце фраз, то данное явление не препятствовало применять критерий повышения тона для определения наличия или отсутствия неясного гласного.

5.1. CVC – CVC(ə) Для исследования правил появления неясного гласного в данной позиции были составлены анкеты с предложениями на русском языке, каждая из которых была предоставлена для перевода 5–6 информантам. При записи информант произносил каждое предложение три раза подряд. Предложения были составлены таким образом, чтобы в переводе слова, являющиеся предметом анализа, были представлены в словарной форме. Благодаря этому можно сопоставить произношение анализируемых слов информантами и их транскрипцию в словаре [Бардаев и др. 2004]. Ниже приведены некоторые фрагменты полученного материала:

### Односложные слова

словарь	Инф. 1	Инф. 2	Инф. 3	Инф. 4	Инф. 5	Инф. 6	
<i>xolə</i>	<i>xol</i>	<i>xolə-m</i>	<i>xol/xolə</i>	<i>xolə/xol</i>		<i>xolə-m</i>	горло
<i>gün</i>	<i>gün</i>	<i>gün</i>	<i>günə</i>	<i>gün</i>	<i>gün</i>	<i>gün</i>	глубокий
<i>mal</i>	<i>mal-mud</i>	<i>malə</i>	<i>malə</i>	<i>mal-mud</i>	<i>malə</i>	<i>malə</i>	скот
<i>bulə</i>	<i>bulə</i>	<i>bulə</i>	<i>bulə</i>	<i>bulə</i>	<i>bulə</i>	<i>bulə</i>	пух
<i>qol</i>	<i>qolə</i>	<i>qolə</i>	<i>qolə</i>	<i>qolə</i>	<i>qolə</i>	<i>qolə</i>	река

словарь	Инф. 1	Инф. 2	Инф. 3	Инф. 4	Инф. 5	
<i>borə</i>	<i>borə</i>	<i>borə</i>	<i>borə</i>	<i>borə</i>	<i>borə</i>	серый
<i>zün</i>	<i>zün</i>	<i>zün</i>	<i>zün</i>	<i>zün</i>	<i>zün</i>	левый
<i>xarə</i>	<i>xar</i>	<i>xar</i>	<i>xar</i>	<i>xarə/xar</i>		чёрный
<i>xarə</i>	<i>xarə</i>	<i>xarə</i>	<i>xar</i>	<i>xar</i>	<i>xarə</i>	
<i>sar</i>	<i>sarə</i>	<i>sarə</i>	<i>sarə</i>		<i>sarə</i>	луна
<i>nur</i>		<i>nurə</i>	<i>nur</i>	<i>nur</i>	<i>nur</i>	озеро
<i>negən</i>	<i>negə</i>	<i>neg/negə</i>		<i>neg</i>	<i>neg</i>	один
<i>gün</i>		<i>gün</i>	<i>gün</i>	<i>gün</i>	<i>gün</i>	глубокий

### Двусложные слова

словарь	Инф. 1	Инф. 2	Инф. 3	Инф. 4	Инф. 5	
<i>tolqachə</i>	<i>tolqachə</i>	<i>tolqachə</i>	<i>tolqachə</i>	<i>tolqachə</i>	<i>tolqachə</i>	начальник
<i>bökünə</i>	<i>bökünə</i>	<i>bökünə</i>	<i>bökünə</i>	<i>bökün/ bökünə</i>	<i>bökünə</i>	комар

словарь	Инф. 1	Инф. 2	Инф. 3	Инф. 4	Инф. 5	Инф. 6	
<i>araatə</i>	<i>araatə</i>	<i>araatə</i>	<i>araatə</i>	<i>araatə</i>		<i>araatə</i>	лиса
<i>bökünə</i>	<i>bökünə</i>		<i>bökünə</i>	<i>bökün</i>		<i>bökünə</i>	комар
<i>barun</i>	<i>barun</i>	<i>barun</i>	<i>barun</i>	<i>barun</i>	<i>barun</i>	<i>barun</i>	правый
	<i>deeräsə</i>		<i>deeräsə</i>	<i>deeräsə</i>	<i>deräsə</i>	<i>deeräsə</i>	на (послелог)

5.1.1. В первую очередь, можно сделать вывод о том, что расстановка неясных гласных в транскрипции, приведенной в словаре, не всегда соответствует произношению – по крайней мере, в данной позиции. Если в транскрипции к определённому слову указано отсутствие неясного гласного, то это не значит, что он не может здесь произноситься. Например, хотя в транскрипции для слова ‘огонь’ нет неясного гласного, все шесть информантов его артикулируют (*qalə*). Вообще, встречаются почти все типы комбинаций:

транскрипция в словаре	в произношении информантов	примеры
–	+	<i>šar – šarə</i> ‘жёлтый’
–	+ –	<i>gün – günə / gün</i> ‘глубокий’
–	–	<i>kür – kür</i> ‘кюр’
+	+ –	<i>xarə – xarə / xar</i> ‘чёрный’
+	+	<i>ikə – ikə</i> ‘большой’

Не встретилось только одного случая – когда в словаре был бы указан неясный гласный, а в произношении информантов это слово бы всегда выступало без него.

5.1.2. Вариативность проявляется, с одной стороны, в произношении разных информантов – одни произносят слово с неясным гласным, другие – без него, а с другой стороны, и в том, что один информант, повторяя предложение три раза, один раз произносит слово с неясным гласным, а два раза – без него, или наоборот. Последнее позволяет отказаться от предположения о том, что эта вариативность стилистическая: в случае, когда информант произносил одну и ту же форму то с

неясным гласным, то без него, гласный мог появляться или исчезать в любом из трёх произнесений, что исключает возможность выявить здесь какую-либо стилистическую закономерность.

5.1.3. Если считать, что неясный гласный является частью экспонента слова во всех случаях, где он **может** появиться при произнесении этого слова, то следует сделать вывод, что вариативность принципиально невозможна только в словах, для которых постулируется отсутствие неясного гласного. В результате на практике выделить такие слова трудно, поскольку, как уже было сказано, в речи ничто не указывает на то, является ли в каждом конкретном случае ноль звука нулём на фонематическом уровне или это вариант неясного гласного. Поэтому, строго говоря, тот факт, что в нашем материале, например, слова *dun* ‘голос’ и *mis* ‘кот’ встретились только в таком произнесении, не гарантирует того, что неясного гласного в их экспонентах нет. На этом этапе нельзя исключить, что при записи дополнительных произнесений появятся варианты <sup>?</sup>*dunə* и <sup>?</sup>*misə*. Такое произошло, например, со словом ‘глубокий’, которое в одном предложении все информанты произносили как *giin*, а в другом предложении один информант из шести, повторяя предложение три раза, один раз произнёс *giinə*.

Получается, что существование слов, в которых неясный гласный в данной позиции появляться не может, становится практически недоказуемым. Обращение к языковой интуиции информанта также не даёт ясных результатов. Например, когда информанту был предъявлен вариант <sup>?</sup>*misə*, он признал его правильным – но тут же повторил без неясного гласного.

И всё же среди собранных примеров есть группа слов, про которые можно с какой-то степенью уверенности утверждать, что в них нет неясного гласного. Например, слово *ken* ‘кто’, которое встречалось в четырёх предложениях и всеми информантами всегда произносилось одинаково.

Итак, всё же можно утверждать, что существуют слова с такой структурой, где в этой позиции никогда не появляется неясный гласный, и они противопоставлены словам, в которых он может появиться. А, следовательно, неясный гласный противопоставлен (хотя и нечётко) нулю в этой позиции.

5.2. **CVrəC – CVrCə** Другим тестом на фонологичность неясного гласного был анализ четырёх пар слов, которые предположительно различаются только позицией неясного гласного. Т. е. была предпринята попытка зафиксировать те пары



слов, где бы неясный гласный, различая значащие единицы, бесспорно проявлял бы себя как фонема. Эти пары слов взяты из статьи Д. А. Павлова:

*эръг* ‘берег, яр’ – но *эргъ* ‘кружись’;

*курън* ‘дойдя’ – но *курнь* ‘хорёк’

*куръг* ‘пусть дойдёт’ – но *куръгъ* ‘довези’;

*серъг* ‘пусть дотронется’ – но *сергъ* ‘отрезвись, проснись’

[Павлов 1963: 52].

Эксперимент показал, что противопоставление в двух последних парах сохранилось:

(1) a. *balxsən kiirtəl namagə kürəg* b. *enə noxa-də kürəg*  
 город до я.АСС довести.IMP этот собака-DAT дотро-  
 ‘Довези меня до города’ нуться-PERM  
 ‘Пусть он дотронется до со-  
 баки’

(2) a. *en köviün serəg* b. *qanhə unə-v sergə*  
 этот мальчик проснуться-PERM жара упасть-PST ободриться  
 ‘Пусть сын проснётся’ ‘Ободришь! жара спала’

Что касается двух других пар, то в них противопоставле-  
 ние сохраняется не всегда:

(3) *mana xasha dotər kürnə bää-nä*

мой двор в хорёк быть-PRS

‘У меня во дворе хорёк’

(4) *mana xasha-də kürən/kürnə bää-nä*

мой двор-DAT хорёк быть-PRS

‘У меня во дворе хорёк’ (пример, полученный как пе-  
 ревод того же предложения, что и в примере 3, но от  
 другого информанта)

(5) *kürən dala id-nä*

хорёк много есть-PRS

‘Хорёк много ест’

(6) *erəg deerə kürə-n terə zoksə-v*

обрыв на дойти-CV.MOD он остановиться-PST

‘Дойдя до берега, он остановился’

(7) *erəg säähən*

обрыв красивый

(8) *erəg jir säähən*

обрыв очень красивый

Возможно, причина того, что в данных примерах положе-  
 ние неясного гласного постоянно у глаголов и неустойчиво у  
 существительных, заключается в том, что эти существительные

не являются частотными. Может быть, имеет значение также то, что в случае с *erəg* ‘берег, яр’ и *kürən* ‘хорёк’ неясные гласные выступают в составе экспонентов корневых морфем, а в случае с глаголами они входят в состав грамматического показателя.

Если же информантам предлагалось на перевод предложение, где встречались оба члена одной из минимальных пар, то они произносили эти слова одинаково и, кроме того, почти всегда сами указывали на их тождественность. Причём в этом случае существительное всегда уподоблялось глагольной форме, т. е. слово ‘берег, яр’ произносилось как *erəgə*, а ‘хорёк’ как *kürən*, например:

(9) *bichä erəgə erəgə caaxən bäü-nä*

NEG.IMP кружиться. IMP обрыв рядом быть-PRS  
‘Не кружись, обрыв рядом!’

(10) *teek-tə kürən-kürən üz-dhə*

степь-DAT прийти-CV.MOD хорёк увидеть-RES  
‘Прийдя в степь, он увидел хорька’

Был лишь один случай, когда информантка, переводя предложение ‘Не кружись, обрыв рядом’, сначала тоже сказала, что в нём два одинаковых слова, но потом, подумав, решила, что они всё же разные: «одно *erəg*, а другое *erəgə*».

Вариативность в экспонентах двух существительных, рассмотренная здесь, свидетельствует о том, что в сознании носителей калмыцкого языка неясный гласный является очень неустойчивым.

**6. Выводы.** В работе были рассмотрены два случая, в которых неясный гласный выступает как фонема. Мы не можем утверждать, что других подобных случаев нет. Но, так или иначе, фонематичность этого гласного проявляется лишь в небольшом числе позиций, в остальных контекстах он играет роль «вокалической прослойки» в сочетаниях согласных и представляется по автоматическим, т. е. фонетическим, правилам.

Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что и в рассмотренных двух случаях неясный гласный неустойчив. Что касается противопоставления *CVCə* – *CVC*, то из-за свободной вариативности неясного гласного в словах, оканчивающихся на *CVCə*, трудно определять, принадлежит ли он экспоненту слова на глубинном уровне или нет. Противопоставление же пар слов со структурой *CVrəC* – *CVrCə* сохраняется не всегда.

Несомненно, важную роль здесь играет орфография: неясный гласный не обозначается на письме, и это способствует утрате его фонологичности.

Как показывает практика, в языковой системе носителей языка неясные гласные являются явно неравноправными единицами по сравнению с полноценными фонемами калмыцкого языка. Таким образом, речь идёт о фонеме на стадии утраты фонологического статуса, которая сохранила свою дистинктивную функцию только в немногих позициях. Но даже в этих позициях она неустойчива.

### Литература

- Бардаев, Э. Ч. и др.* 2004. Калмыцко-русский словарь. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.
- Биткеев, П. Ц.* 1975. Проблемы фонетики калмыцкого языка (квантитативные и квалитативные изменения гласных). Элиста: Калмыцкое книжное издательство.
- Биткеев, П. Ц.* 1980. Словесное ударение в калмыцком языке и монгольском языке Тувы // Вопросы грамматической системы монгольских языков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство. С. 65–92.
- Павлов, Д. А.* 1963. Состав и классификация фонем калмыцкого языка. Элиста: Калмгосиздат.
- Санжеев, Г. Д.* (ред.). Грамматика калмыцкого языка: Фонетика и морфология. 1983. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.
- Сусеева, Д. А.* 2004. Вопросы фонологической системы калмыцкого языка (постановка проблемы) // Гегэрлт. № 1–2 (20–21). С. 154–172.
- Blaesing, Uwe.* 2003. Kalmuck // The Mongolic languages / Ed. by J. Janhunen. London: Routledge. P. 229–248.
- Street, John C.* 1962. Kalmyk Schwa // Nicholas Poppe (ed.). American Studies in Altaic Linguistics / Ed. by N. Poppe. The Hague: Mouton. P. 263–291. (Indiana University Publications: Uralic and Altaic series; Vol. 13).

**ОБЩЕЕ НАСЛЕДИЕ И ЗАИМСТВОВАНИЯ.  
ДРЕВНЕЙШИЕ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ:  
ОБЯЗАТЕЛЬНЫ ЛИ РАДИКАЛЬНЫЕ РЕШЕНИЯ?<sup>1</sup>**

Все ученые, занимающиеся алтайскими языками, хорошо понимают, что проблема межъязыковых заимствований в истории этих языков стоит чрезвычайно остро и имеет принципиальное значение. Заимствования из одних алтайских языков в другие, произошедшие в течение последнего тысячелетия, можно относительно легко выявить, хотя и здесь имеются сложности. Однако когда речь заходит о более древних контактах, ситуация многократно усложняется.

Можно, в частности, установить систему регулярных соответствий между тюркской и монгольской лексикой, но когда встает вопрос об интерпретации этой системы, мы оказываемся перед выбором:

- либо это соответствия генетически родственных форм,
- либо это соответствия между исконной лексикой языка-донора и заимствованной лексикой языка-акцептора.

Сделать выбор в такой ситуации помогает привлечение материала других алтайских языков (хотя Ю. Янхунен<sup>2</sup> и считает это, совершенно, на мой взгляд, необоснованно, методологической ошибкой алтайского сравнения), изучение словообразовательных гнезд, внимательное отношение к семантике сравниваемых форм и т.п.

---

<sup>1</sup> Статья выполнена при поддержке Программы Президиума РАН "Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям".

<sup>2</sup> "The illusion of genetic relationship between the three groups of languages is largely due to the non-binary approach applied in conventional Altaic comparisons. It is this methodological error that has also allowed the Altaic hypothesis to be extended to comprise other languages, notably Korean and Japanese." [Janhunen 1995]. Очевидно, что сравнение одновременно нескольких языков позволяет выявить такие параллели и звуковые соответствия, которые остались бы незамеченными или неверно проинтерпретированными при бинарном сравнении. Так, совершенно новый взгляд на проблему ламбдаизма/сигматизма открывается при установлении факта соответствия тюркскому  $l_2$  и монгольскому  $l$  японского  $s$  (ср., в частности, [EDAL I, 65–66])

Фактически, основная суть жарких споров алтаистов и антиалтаистов сводится, в некотором приближении, к вопросу интерпретации признаваемых обеими сторонами соответствий<sup>1</sup>.

Главной проблемой антиалтаистики, на мой взгляд, является то, что исходное предубеждение против самой возможности алтайского родства заставляет ученых, подвизающихся в этой области науки, объяснять вообще все имеющиеся лексические и морфологические параллели как заимствования, зачастую вопреки их собственной интуиции и основываясь на аргументах, которые вряд ли и им самим кажутся убедительными. Ср., например, известное алтайское сопоставление: тюр. \**diäl*, монг. \**čilayun*, ТМ \**žola*, кор. \**tōrh*, яп. \*(*d*)*isi* 'камень' (например, в [Martin 1966, 243]), которое долгие годы остается устойчивым к критике антиалтаистов (так, даже жесткая критика этой лексической параллели А. Вовиным в его рецензии на алтайский словарь является малоубедительной<sup>2</sup>).

Даже столь непримиримый критик теории алтайского родства, как А. М. Щербак, пишет, что монгольскую форму *čilayun* крайне сложно возвести к древнетюркскому *taš*. "Даже если допустить, что непосредственным прототипом бурятского *šulün*, среднемонгольского *čila'un* была тюркская производящая форма с аффиксом *-aq*, присоединение к ней морфологического наращения в виде *-un* никак не объяснить. С другой стороны... сходство бур. *šulün* с чув. *čul*, древнетюркским *taš* едва ли является случайным" [Щербак, 2005, 120]. Сделать следующий шаг и признать родство этих форм противоречило бы исходным посылкам А. М. Щербака, поэтому такой шаг он не делает, несмотря на следующее из этого отказа противоречие (невозможно разделить сопоставляемые формы, но и считать их различие результатом адаптации заимствования тоже нельзя).

---

<sup>1</sup> Здесь следует сделать оговорку, что большая часть работ, направленных на опровержение теории о родстве алтайских языков, выбирают объектом своей критики классические соответствия Г. Рамстедта и Н. Н. Поппе, которые, с одной стороны, значительно устарели, с другой стороны, частично опирались на очевидные заимствования между алтайскими языками. Система регулярных фонологических соответствий, принятая, например, в EDAL, радикально отличается от данной.

<sup>2</sup> Подробный разбор критики А. Вовина см. в готовящейся к печати работе [Starostin et al. (mscr)].

С другой стороны, как мне представляется, крупным недостатком основной массы работ по алтаистике является полное отрицание возможности праязыковых или хотя бы просто достаточно древних контактов между алтайскими языками<sup>1</sup>. В частности, отвергаются какие бы то ни было булгаро-монгольские, киданьско-тунгусские или древнекорейско-древнеяпонские заимствования (при том, что внешние заимствования того же времени, скажем, самодийско-праторюрские или тюрко-тохарские вполне допускаются). На мой взгляд, помимо собственно научных соображений (например, не до конца ясной хроногеографической локализации контактных зон), здесь действуют и некие предубеждения, которые огрубленно можно выразить примерно так: «признание наличия бытовых тюркских заимствований в прамонгольский повлечет за собой необходимость признания всего корпуса лексических соответствий со схожими фонологическими соответствиями заимствованным».

Такой подход, очевидно, лишь мешает установить сложную историю взаимоотношений алтайских языков. Наличие древнейших германских заимствований в славянских языках никак не отменяет их родства. Аналогичным образом и нали-

---

<sup>1</sup> Трудно не согласиться с К. Шёнигом: «...the Altaic Hypothesis tends to ignore the possibility of pre- and protohistorical contacts between the undocumented (reconstructed) pre- and protolanguages underlying Mongolic, Turkic and Tungusic» [Schönig 2003, 404]. Несколько более мягкая позиция отражена в работе [Дыбо (рукопись)]: «К настоящему времени чрезвычайно затруднительно говорить о заимствованиях между праторюрским языковым состоянием и современным ему состоянием монгольской языковой семьи. Алтайская этимология еще не настолько разработана, чтобы отделять такие заимствования от слов, связанных как алтайские этимологические параллели...к праторюрским заимствованиям в прамонгольский – из лексики, относимой к этой категории коллегами-антиалтаистами, т.е. такой, которая не допускает интерпретации как заимствованная из древнетюркского в старомонгольский или среднемонгольский – мы можем относить лишь те случаи, когда рассматриваемое прамонгольское слово содержит характерный тюркский морфологический / словообразовательный признак (доказать наличие таковых при, мягко говоря, неполном описании монгольской исторической морфологии и словообразования, нелегко), или для праторюрского слова имеется альтернативное монгольское сближение, для которого гипотеза о заимствовании менее вероятна из-за сильных поверхностных фонетических различий» [Дыбо (рукопись)].

чие в монгольском булгарских, общетюркских (без булгарского) или пратюркских заимствований также не влечет за собой отрицание тюрко-монгольского родства.

Рассмотрим такой известный пример, как древнетюрк. *azıy* (ПТЮ \**arıg* или \**arıg*) ‘клык’ vs. монг. *arıya* ‘клык’.

Г. Дерфер и его коллеги по антиалтаистическому лагерю считают этот случай стандартным примером древнейшего заимствования из тюркского в монгольский [Doerfer TMN, II, 55–56<sup>1</sup>, Щербак 1997, 171; 2005, 22]. Действительно, при антиалтаистическом подходе обычно любое соответствие вида тюрк. *-r<sub>2</sub>*- vs. монг. *-r-* или тюрк. *-l<sub>2</sub>*- vs. монг. *-l-* является диагностическим признаком заимствования<sup>2</sup>. С. А. Старостин, разбирая этот пример в предисловии к EDAL в разделе о заимствованиях [EDAL, II, 16–17 ] и возражая Дерферу, приводит другие примеры словоформ, образованных в монгольском языке от этого корня: *aral*, *aratai*, которые невозможно возвести к тюркскому \**arıg*. С. А. Старостин делает из этого вывод, что и само слово *arıya* ‘клык’ в монгольском исконно. Надо признать, что этот вывод оправдан только в рамках радикально алтаистического подхода, согласно которому существование между парой слов соответствия тюрк. *-r<sub>2</sub>* – монг. *-r-* или тюрк. *-l<sub>2</sub>*- vs. монг. *-l-* является диагностическим признаком наличия родственных отношений.

Представляется возможным поиск среднего пути между двумя радикальными позициями, а именно: некоторые слова с соответствием тюрк. *-r<sub>2</sub>*- vs. монг. *-r-* или тюрк. *-l<sub>2</sub>*- vs. монг. *-l-* являются когнатами, а некоторые заимствованиями. Несмотря на кажущуюся тривиальность такого предложения, мне не удалось обнаружить предлагаемый вариант решения в трудах антиалтаистов, алтаистов или агностиков. Если данное решение оказывается верным, то наличие указанных соответствий не является однозначно определяющим для выявления заимствованного или исконного характера соответствующих лексем, а

---

<sup>1</sup> Г. Дерфер приводит, однако, совершенно фантастическую пратюркскую реконструкцию \**ařayān*, к которой возводит и монг. \**arıya* и тюрк. *azıy*.

<sup>2</sup> Ср. например, характерное высказывание Б. А. Серебренникова «Все слова с ротацизмом в монгольских словах заимствованы из тюркского языка типа чувашского... Все монгольские слова с так называемым ламбдаизмом заимствованы из языка типа чувашского» [Серебренников 1988, стр. 37]

для установления их подлинного статуса нужно использовать прочие критерии, многие из которых описаны в литературе<sup>1</sup>.

В частности, для рассматриваемого примера мы можем уйти как от радикального решения Г. Дерфера, так и от радикального решения С.А.Старостина. Тюрк. слово *\*arig* (?булгарское) было заимствовано в монг. *ariya*<sup>2</sup>, тогда как монг. *aral* ‘клык’ является когнатом для тюрк. *\*arig*. Таким образом, в монгольском стали сосуществовать и заимствование из тюркского, и исконное слово от того же корня.

Еще один пример: тюрк. *boz* ‘серый’ – монг. *boro* ‘серый’. Это хорошо известная тюрко-монгольская параллель, для которой, насколько мне известно, не предлагалось параллелей из других алтайских языков, а решения о том, родственны эти формы либо мы имеем дело с тюркизмом в монгольском, принимаются исключительно в зависимости от научной парадигмы, к которой относится конкретный ученый. В данном случае, как и в предыдущем, бросающееся в глаза сходство этих форм и их изоглосный характер вызывают подозрения о заимствованном характере монгольской лексемы (обратное направление заимствования исключено в виду наличия *-z-* в тюркской форме). При этом можно предложить альтернативную лексическую параллель для тюркской формы – монг. *bu'ural* ‘седой’ (впервые предложена Д. Карой [Кага 1990]), которая вполне сопоставима с тюркской формой по фонетике (имеется около 15 примеров на переход *r > 'r* при добавлении аффикса на *-r<sup>3</sup>*), и которая вряд ли может быть признана заимствованной даже самым строгим критиком алтайской теории, как ввиду невозможности непосредственного заимствования формы, так и ввиду семантических различий, остающихся при этом в пределах сопоставимости.

---

<sup>1</sup> Ср. например, достаточно подробный список таких критериев в [Рона-Таш 1974], хотя с приводимым там иллюстративным материалом для данных критериев далеко не всегда можно согласиться.

<sup>2</sup> Относительно конечного гласного, ср. например тюрк. *sal* ‘плот’ > монг. *sala* ‘ид’ – достаточно распространенный способ освоения тюркизмов. Особенно часто наращение конечного гласного встречается при заимствовании форм, оканчивающихся на *-q*. Вместе с тем, существуют явные тюркизмы (более поздние?), в котором подобного добавления гласного не происходит: ср. тюрк. *bal* > монг. *bal* ‘мед’.

<sup>3</sup> Ср. например, монг. *to'uruu* ‘журавль’ при тюрк. *\*durunja* ‘журавль’, кор. *\*tùrùmi* id., япон. *\*tùrù* id.



Аналогичный подход применим, естественно, и к другим спорным случаям. Так, например, известное сравнение тюрк. *\*ēr* ‘мужчина’ – монг. *\*ere* ‘мужчина’ [например, ЭСТЯ I, 321–322 с литературой] всегда вызывало нападки антиалтаистов в связи с очень близким фонетическим обликом этих слов при полном совпадении семантики. Наличие конечного гласного в монгольской форме является существенным препятствием теории о заимствовании, но не непреодолимым: наряду с такими случаями явных заимствований, в которых конечный гласный отсутствует, как тюрк. *boγuz (at)* ‘сужеребая (лошадь)’ > монг. *bogar (morin) id.* (ЭСТЯ II, 169), др.-тюр. *tamır* ‘кровеносный сосуд’ > монг. *tamur id.*, существует очень небольшое число слов, в которых можно предполагать аналогичное развитие (CVr > CVrV), например тюрк. *\*böğür* ‘почки’ > монг. *\*böyere id.* Вместе с тем и по семантике, и по фонетике<sup>1</sup> хорошей параллелью для тюркского *\*ēr* ‘мужчина’ является монг. *\*haran* ‘человек; люди, народ’<sup>2</sup>. В Сокровенном сказании монголов есть место, где эти слова используются как синонимы: *eres harad* ‘мужи’ (Ср. об этом и других среднемонгольских употреблений [Rybatzki 2006]).

Учитывая то, что распад алтайских языков датируется 5 тысячелетием до Р.Х. [EDAL I, 235], крайне сложно ожидать независимого сохранения фонетически чрезвычайно близких форм в тюркских и монгольских языках. Впрочем, несомненно, что тюркские и монгольские языки длительное время развивались в тесном контакте, а, следовательно, консервация определенных структур в одном языке могла поддерживаться наличием аналогичной структуры с близким значением в другом. Параллельное развитие могло быть особым фактором сохранения близких форм в двух языках без непосредственного их заимствования из одного языка в другой. Так, если рассмотреть тюрк. *\*kara* ‘черный’ и монг. *\*kara* ‘черный’, то невозможно найти решающие аргументы в пользу определения генетического статуса этих форм. Широкое распространение в обеих языко-

<sup>1</sup> При поиске параллелей я руководствуюсь системой регулярных филологических соответствий, принятой в EDAL.

<sup>2</sup> В EDAL в настоящее время присутствуют два корня с тюрко-монгольскими изоглоссами: *\*p'are* (~ -e-) > тюрк. *\*Eren* ‘человек, человеческий род’ и монг. *\*haran* ‘народ’ vs. *\*āri* (~ *\*ēra*) > тюрк. *\*ēr* ‘мужчина’ и монг. *\*ere* ‘мужчина’. Однако я не вижу достаточных оснований разделять два указанных тюркских корня.

вых семьях этих лексем и тесные взаимные контакты тюрков и монголов могли способствовать сохранению исходной формы в языке. В данном случае заимствование постулировать не обязательно, но факт взаимного влияния сомнению не подлежит.

Итак, в заключение я еще раз хочу подчеркнуть, что признание наличия древнейших заимствований между алтайскими языками отнюдь не влечет за собой отказ в признании их генетически родственными, а лишь помогает воссоздать более объективную картину сложных взаимоотношений алтайских языков.

### Литература

- EDAL – Etymological Dictionary of the Altaic Languages / S. Starostin, A. Dybo, O. Mudrak; with assistance of I. Gruntov and V. Glumov. Leiden; Boston, 2003. (Handbuch der Orientalistik. Section 8: Central Asia). Vol. 1–3.
- Janhunen J.* Prolegomena to a Comparative Analysis of Mongolic and Tungusic // Giovanni Stary (ed.) Proceedings of the 38th Permanent International Altaistic Conference (PIAC), Kawasaki, Japan : August 7–12, 1995. Wiesbaden, 1996. P. 209–218.
- Kara G.* On Some “Altaic” long vowels. // Permanent International Altaistic Conference (33th Meeting), Haziran, 1990.
- Martin S .E.* Lexical Evidence Relating Korean to Japanese // *Language*. 1966. Vol. 42, №. 2. P. 185–251.
- Rybatzki V.* Die Personennamen und Titel der Mittelmongolischen Documente: Eine lexikalische Untersuchung. Helsinki, 2006.
- Schönig C.* Turco-Mongolic relations // Juha Janhunen (ed.) *The Mongolic Languages*. London; New York, 2003. P. 403–419.
- Starostin G. S., Dybo A.V., Mudrak O. A.* “ In Defense of the Comparative Method, or the End of the Vovin Controversy” (mscr).
- TMN – *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, 1963–1967. Bd. 1–3.
- Vovin A.* “The End of the Altaic Controversy,” a review article of Sergei Starostin, Anna Dybo, and Oleg Mudrak's *Etymological dictionary of the Altaic Languages*. Leiden: E.J. Brill (2003) // *Central Asiatic Journal*. 2005. Vol. 49, № 1. P. 71–132.
- Дыбо А. В.* Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд (рукопись).
- Рона-Таш А.* Общее наследие или заимствования? (К проблеме родства алтайских языков) // *Вопросы языкознания*. 1974. № 2. С. 31–45.
- Серебренников Б. А.* Критерии выделения алтайской языковой общности // *Проблемы монгольского языкознания* / Под ред. Л. Д. Шагдарова. Новосибирск, 1988. С. 33–41.

- Щербак А. М.* Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII-XIV вв.). СПб., 1997.
- Щербак А. М.* Тюркско-монгольские языковые контакты в истории монгольских языков. СПб., 2005.
- ЭСТЯ I – *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974.
- ЭСТЯ II – *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М., 1978.

## **КИТАЙСКО-МОНГОЛЬСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ**

Необходимость пополнения словарного состава языка элементами из других языков является одним из способов обогащения словарного фонда заимствующего языка, и только чрезмерное засорение языка заимствованиями может быть вредным для него. Заимствование – универсальное свойство всех языков, являющееся как результатом, так и проявлением взаимодействия культур. Так, монгольские языки на протяжении своего исторического развития сталкивались с влиянием многих других языков. «Монгольские языки, в том числе и бурятский, в историческом прошлом претерпели влияние со стороны таких языков, как тибетский, санскритский, китайский, а также уйгурский и некоторые другие тюркские языки. Поэтому вполне естественно, что и в литературном бурятском языке, и в устной речи бурят встречаем немалое количество терминов, заимствованных из вышеуказанных языков», – отмечает У-Ж. Ш. Дондуков (Дондуков 1964: 110). Тесный территориальный контакт, завоевание, переселение, путешествие, торговля, культурная связь – все это были реальные условия для проникновения в монгольский язык элементов из других языков, в частности, из китайского языка.

Взаимоотношениям двух соседствующих стран – Китая и Монголии, их населению посвящено немало исторических исследований. Так, в работе Ч. Далая отмечается: «Монголы уже в глубокой древности установили политические, экономические и культурные связи с другими странами. Особенно на широкой основе Монголия, основным занятием населения которой было животноводство, поддерживала отношения с Китаем и другими земледельческими странами, откуда она получала необходимые продукты земледелия и товары. Вместе с тем постоянно была велика потребность в торговле между Китаем и Монголией имеющимися и у той и у другой стороны продуктами хозяйства. По этой причине в истории обеих стран равноправная торговля между ними являлась жизненно важным вопросом, который всегда стоял остро. С одной стороны, Монголия – страна, богатая скотом и продуктами животноводства, вызывала интерес иностранных купцов. С другой – Китай – страна, производящая в изобилии зерно, муку, ткани и другие

товары широкого потребления, была заинтересована в продаже их в другие страны, в закупке скота» (Далай 1983: 73–74).

Также следует подчеркнуть, что помимо исторических связей на политической, экономической или иной почве, степень владения билингвами обоими языками является немаловажным условием, способствующим процессу заимствования. Еще Б. Я. Владимирцов отмечал, что «на монгольском языке говорят довольно многочисленные представители иных языковых миров, для которых монгольский является языком подсобным. На первом месте следует упомянуть китайцев, главным образом, уроженцев провинций Шань-си, Шэнь-си, Гань-су, Чжи-ли, Манджурии и Южной Монголии. Китайцы с одной стороны общаются с представителями почти всех монгольских племен в Азии в качестве торговцев и ремесленников, с другой стороны они сталкиваются со многими группами монгольского населения в качестве колонистов-земледельцев. Огромное большинство китайцев-торговцев и ремесленников, общающихся с монголами и живущих среди них, говорит по-монгольски. Нередко владеют монгольской речью и китайцы-колонисты. С другой стороны, многие монгольские племена, многочисленные представители разных монгольских племен, владеют чужими языками, оказываются вовлеченными в орбиту чужого языкового мира. Так почти все южные монголы, а также баргу-буряты и дагуры находятся под воздействием китайского языка; многие представители этих племен, говорящие на соответствующих монгольских диалектах, не только хорошо владеют китайским, но часто являются двуязычными, одинаково владея своим монгольским говором и одним из китайских диалектов» (Владимирцов 1929: 15).

Процесс заимствования китайских слов в монгольские языки происходил неравномерно. В связи с этим Т. А. Бертагаев писал, что самое большое количество китаизмов наблюдается в классическом монгольском письменном языке (XVI–XX вв.), затем – в разговорном монгольском (халхаском) языке. Часть этих заимствований проникла в язык в результате непосредственного торгового контакта монголов с китайцами, а значительная часть – поступления из классического монгольского письменного языка. Гораздо меньше заимствований в бурятском языке. Количество китаизмов в бурятском разговорном языке находится в прямой зависимости от территориальной расположенности говора: чем дальше от Китая, тем меньше заимствований из китайского языка (Бертагаев 1974: 367).

О наиболее благоприятных периодах для заимствования китайских слов указывается в работе Ц. Б. Цыдендамбаева, по мнению которого таковыми явились: а) времена правления монгольских ханов от Хубилая до Тогон-Тэмура, когда их ставка и монгольские войска пребывали в Китае (1260–1368 гг.); б) период маньчжурской династии, когда Монголия была под протекторатом Китая (1644–1911 гг.) (Цыдендамбаев 1972: 495).

Заимствование – это процесс перемещения единиц различных уровней структуры языка – фонологии, морфологии, синтаксиса, лексики (букв, звуков, фонетических правил, грамматических единиц, способов построения синтаксических структур, семантических ассоциаций, междометий, существительных, глаголов, прилагательных и т.д.). Наиболее частым случаем заимствования является заимствование лексики (слов). Элементы остальных ярусов языка менее подвержены процессу заимствования. Активной сферой взаимовлияния языков является лексический состав, поскольку в языке нет потребности в заимствовании чужого грамматического строя и фонологической системы. Китайские заимствования, существующие в современном монгольском и бурятском литературном языках, в основном, унаследованы из лексики старомонгольского письменного языка и составляют в настоящее время немалую в количественном отношении часть лексики. Они стали основным средством номинации новых реалий, которые появились в результате взаимоотношений монгольского и китайского народов. В современном монгольском языке намного больше китайизмов, чем в бурятском. Это объясняется территориальной расположенностью, а также тем, что для обозначения новых понятий в бурятском языке активно заимствуются русские слова.

Проникновение в монгольский и бурятский языки китайских слов, относящихся к хозяйству, быту, торговле обусловлено деятельностью банкирских домов, непосредственными торговыми контактами монголов и китайских купцов. Также по мере расширения монголо-китайских отношений в области земледелия в Монголию вслед за невиданными ранее новыми предметами, такими как, например, земледельческие орудия (*зээтүү* (*жоотуу*), *лантуу* и др.), овощи (*байцаа*, *вандуй*, *лууван* и др.), пищевые продукты (*бантан*, *гоймон*, *мянтууз* и др.), ткани (*ванчуу*, *панс* и др.) проникло много и других существительных. При взвешивании чего-либо использовались китайские меры веса. Заимствованные административные термины включают титулы высокопоставленных особ, некоторые назва-

ния должностных лиц и слова, связанные с административным управлением, причем в большинстве своем эти заимствования стали архаизмами.

Попадая в новую лингвистическую ситуацию, заимствованное слово претерпевает изменения в соответствии с фонетическим, морфологическим, грамматическим строем языка-реципиента. При заимствовании многозначных китайских слов в монгольских языках произошло сужение их значений; причиной этого послужила конкретизация значения или утрата тех значений, для выражения которых существовали слова в заимствующем языке. Названия конкретных реалий, многие термины, имеющие не более одного лексического значения в языке-источнике, сохранили свои исходные значения. Однако в результате длительного бытования в языке у слова может произойти развитие семантики. Немало китайских заимствованных слов расширили свои первоначальные значения. Расширение значений китайских заимствований в монгольских языках осуществляется путем приобретения новых значений – дополнительных, чаще переносных значений, отсутствующих в китайском языке. Выделяются метафорические переносы, основанные на функциональном признаке и на сходстве внешних признаков и формы. Например, по функциональному признаку произошло расширение значений следующих слов:

а) кит. 包单 *bāodān* ‘обертка, простыня, платок для узла’ > монг. *ваадан* / бур. *баадан* 1) ‘тканина, оберточная материя, простыня, платок, полотно, кусок материи для завертывания чего-либо, для узла’: монг. *зоотон ваадан* ‘пеленки, обертки из холстины’, *ваадан алчуур* ‘платок для завязывания в него вещей’; 2) ‘пеленка, узел, узелок с вещами; сверток’: монг. *вааданд юм боох* ‘связать вещи в узел’, *ваадантай юм* ‘узел с вещами, сверток’. В монгольском языке имеется еще одно значение ‘скатерть, большая салфетка, покрывало’: *цагаан ваадангаар бүтээсэн ширээ* ‘стол, накрытый белой скатертью’. Все вещи, названные этим словом, служат оберточным материалом. В бурятском языке в значении ‘скатерть, большая салфетка’ слово *баадан* не используется;

б) кит. 铺子 *pùzǐ* ‘лавка, магазин’ > монг. *пүүс* 1) ‘магазин, лавка’: *хятад пүүс* ‘китайский магазин’; 2) ‘торговая фирма; торговое предприятие; торговое заведение’: *гадаадын пүүс* ‘иностранная фирма’, *том пүүс* ‘крупная фирма’, *худалдааны пүүс* ‘коммерческая фирма’. Оба значения слова *пүүс* называют предприятия, так или иначе связанные с продажей товара;

в) кит. 钱粮 qiánliáng "жалованье" > монг. *цалин* / бур. *салин* 'зарплата': монг. *сарын цалин* / бур. *харын салин* 'месячная заработная плата'. В монгольском языке у данного слова есть значение 'стипендия': *Сүхбаатарын цалин* 'Сухэ-Баторская стипендия', *цалинт оюутан* 'стипендиат; стипендиатка'. В бурятском языке с этим значением употребляется заимствование из русского языка *стипенди*;

г) кит. 将军 jiāngjūn 'генерал' > монг. *жанжсин* / бур. *жанжан* 'главнокомандующий; полководец; военачальник; генерал': монг. *армийн жанжсин* / бур. *армиин жанжан* 'генерал армии'. В монгольском языке по функциональному признаку данное слово приобрело дополнительное значение 'диктатор'.

Метафорический перенос по внешнему сходству предмета наблюдается у многих китаизмов. Например,

д) кит. 挂面 guāmian 'вермишель' > монг. *гоймон* 1) 'вермишель, итальянская сухая лапша; макароны, трубчатая лапша': *туузан гоймон* 'вермишель, сухая итальянская лапша', *хөндий гоймон* 'макароны, трубчатая лапша, итальянские трубки', *ширхэг гоймон* 'макаронина'; 2) 'долговязый': *гоймон баатар* досл. 'долговязый богатырь' (неофициальный титул, прозвище Д. Сухэ-Батора, данное ему однополчанами). В данном случае перенос произошел за счет семантического знаменателя 'нечто длинное, тонкое'.

е) кит. 靶 bǎ 'мишень, цель' > монг. / бур. *бай* 1) 'цель, мишень': монг. *бай буудах* / бур. *бай буудаха* 'стрелять в цель, стрельба по мишени', монг. *бай онох* / бур. *бай онохо* 'попасть в цель'. По внешнему сходству предмета данное слово переносится на значение 2) 'знак, мета, дощечка с надписью': монг. *бай мод* 'веха'. В бурятском языке дополнительно к этим значениям возникло значение 'соревнование, соревнование': бур. *түрүүшын бай хэхэ* 'устраивать соревнование на первенство'.

ж) кит. 灯笼 dēnglong 'фонарь' > монг. *дэнлүү* 1) 'фонарь, фонарик'; 2) 'селена, ночное светило': *арван тавны сар нь агаар тэнгэртээ дэнлүү*, *арван тавтай шоожуу нь аав ээждээ дэнлүү* (отрывок из песни) 'полная луна как фонарь в небе, пятнадцатилетний сын как светило для родителей'.

Заимствование слов является одним из способов образования омонимов. Многие китайские заимствованные слова по форме совпадают со словами, уже имевшимися в монгольских языках. Например, монг. / бур. *бай* 'цель, мишень' < кит. 靶 bǎ 'мишень, цель' и монг. / бур. *бай* – форма повелительно-



желательного наклонения от глагола монг. *байх* / бур. *байха* ‘находиться, пребывать; быть, существовать, иметься; оставаться’; монг. *бин* ‘лепешка’ < кит. 饼 *bǐng* ‘лепешка, блин’ и монг. *бин* – усилительная частица: *бин битүү* ‘закупоренный наглухо, герметически закрытый’; монг. *зуух* / бур. *зууха* ‘печь, печка, очаг’ < кит. 灶火 *zàohuó* ‘кухонный очаг’ и монг. *зуух* / бур. *зууха* ‘держат в зубах; схватывать зубами; кусать’; монг. *цуу* ‘уксус’ < кит. 醋 *cù* ‘уксус’ и монг. *цуу* ‘молва, слухи; слава, известность’ и др.

Среди самих китаизмов часто встречаются омонимы. При этом слова, составляющие омонимичные пары в монгольском или бурятском языках, необязательно могут являться омонимами в китайском. В процессе приспособления звукового облика различных китайских слов к фонетическим нормам монгольских языков могло произойти их случайное совпадение по звучанию. Например, монг. / бур. *ган* ‘засуха, бездождье; бескормица от засухи’: монг. *ган гачиг* / бур. *ган гасуур* ‘засуха, бескормица’ < кит. 干 *gān* ‘сухость, сухота, сушка’ и монг. / бур. *ган* ‘сталь, булат’: монг. *ган төмөр* / бур. *ган түмэр* ‘сталь, булат’ < кит. 钢 *gāng* ‘сталь’; монг. *дэн* ‘светильня, каганец, лампа’ < кит. 灯 *dēng* ‘лампа, фонарь, светильник, горелка’ и монг. *дэн* (*дян*) ‘постоялый двор’ < кит. 店 *diàn* ‘гостиница, постоялый двор, магазин, лавка’; монг. *шанз* ‘музыкальный инструмент’ < кит. 弦子 *xiánzi* ‘сяньцзы – трехструнный щипковый музыкальный инструмент с длинным грифом и круглым корпусом-резонатором’ и монг. *шанз* ‘фарш’ < кит. 馅子 *xiànzi* ‘фарш; начинка’ и другие.

Китаизмы пополняют и синонимичные ряды слов монгольских языков. Например, монг. *тайван* / бур. *тайбан* < кит. 太平 *tàipíng* ‘спокойствие (спокойный), мир (мирный)’ – монг. / бур. *амгалан* ‘спокойный, мирный’; монг. *бандан* < кит. 板凳 *bǎndèng* ‘скамья, лавка’ – монг. *тууш сандал* ‘скамейка’; монг. *гоюу* < кит. 膏药 *gāoyào* ‘пластырь’ – монг. *наалтуур* ‘пластырь’; монг. *цалин* / бур. *салин* < кит. 钱粮 *qiánliáng* ‘жалованье’ – монг. *ажлын хөлс* / бур. *хүлхэн* ‘зарплата’; монг. *янз* / бур. *янза* < кит. 样子 *yàngzi* ‘вид, фасон, образец, модель’ – монг. *хэлбэр* / бур. *хэлбэри*, монг. / бур. *маяг* ‘вид, форма’ и другие.

Китайские заимствования весьма продуктивны. Включаясь в словообразовательную систему монгольских языков, они служат производящими основами. С точки зрения способа образования слов, прежде всего, выделяется суффиксальный: образование именных и глагольных основ с помощью различных суффиксов монгольских языков. Далеко не все китаизмы одинаковы с точки зрения способности выступать в качестве производящей основы. Имеются слова, не входившие в отношения словообразовательной производности. К продуктивным в создании новых слов в лексике монгольских языков относятся монг. *янз* / бур. *янза*, монг. *шинжи* / бур. *шэнжэ* и другие, которые, очевидно, с момента вхождения включились в активный словарный состав и продолжают функционировать в нем как единицы общенародной лексики. Менее показательны лексико-семантический, лексико-морфологический и лексико-синтаксический способы образования новых слов. По морфологической принадлежности подавляющая часть новообразований является глаголами. Достаточно многочисленны имена существительные. Менее представлена группа имен прилагательных.

Китайские заимствования, попадая в монгольский язык, лишаются своих исконных способов выражения грамматических значений, что проявляется в утрате заимствованными китайскими существительными оформления специальными предлогами и послелогоми, участия в различных предложно-послеложных конструкциях. В парадигме падежного склонения китаизмы подчиняются законам монгольских языков и склоняются аналогично исконно монгольским словам. Анализ особенностей фонетической адаптации китаизмов показывает, что китайские фонемы, имеющие аналогичные варианты в монгольских языках, легче освоились, а отсутствующие в языке-реципиенте звуки были заменены относительно близкими звуками. Звуковая структура китайских слов, заимствованных монгольским языком в неадаптированной форме, внесла изменения в дистрибуцию гласных звуков, нарушающие фонетические нормы языка-реципиента. В монгольских языках отсутствуют нисходящие дифтонги *ай*, *ий*. Однако они встречаются в монгольских словах китайского происхождения, таких как *байцаа* ‘капуста’ < кит. 白菜 *báicài* ‘капуста’, *дийз* ‘блюдец’ < кит. 碟子 *dízi* ‘тарелка; блюдец’ и др. Монгольским языкам также чуждо использование рядом двух разных гласных. Под влиянием китаизмов с восходящим дифтонгом *иа* в монгольских языках имеются слова, где встречается стечение гласных

у и а. Например, *гуанз* ‘столовая, ресторан’ < кит. 馆子 *guǎnzi* ‘ресторан; закусочная’, *гуа* ‘тыква’ < кит. 瓜 *guā* ‘бахчевые культуры’ и т.д. В монгольских языках появились заимствованные из китайского языка слова с анлаутными *п* и *л* (монг. *пянз* ‘граммофонная пластинка, пластинка’ < кит. 片子 *piànzi* ‘патефонная, граммофонная пластинка’; монг. *луужин(э)* ‘компас’ < кит. 罗经 *luójīng* ‘компас’; монг./ бур. *паалан* ‘эмаль; глазурь’ < кит. 珐琅 *fàláng* ‘эмаль; клуазоне’; монг. *лянхуа* (*линхуа*) ‘лотос’ / бур. *лёнхобо* книжн. ‘лотос’ < кит. 莲花 *liánhuā* ‘лотос’ и др.).

Китайские слова подверглись значительным фонетическим изменениям, приспособиваясь к артикуляционным особенностям монгольских языков. Качественные различия между фонетическими системами китайского и монгольских языков, состоящие в разном составе фонем, в различном произношении близких звуков, в наличии специфических звуковых закономерностей обусловили фонетическую адаптацию китаизмов. Китаизмы полностью адаптировались в монгольской лексике. Одни из них прочно вошли в лексическую систему и обросли большим числом грамматических и семантических производных. Другие присущи разговорной речи, а третьи отходят в состав историзмов. Несмотря на небольшое количество, китаизмы получили довольно широкое распространение в монгольских языках, проявили большую словообразовательную активность и зафиксированы в литературных произведениях, пословицах и поговорках.

### Литература

- Бертагаев 1974 – *Бертагаев Т. А.* Лексика современных монгольских литературных языков. М., 1974.
- Владимирцов 1929 – *Владимирцов Б. Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия: Введение и фонетика. Л., 1929.
- Далай 1983 – *Далай Ч.* Монголия в XIII–XIV вв. М., 1983.
- Дондуков 1964 – *Дондуков У-Ж. Ш.* Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. Улан-Удэ, 1964.
- Цыдендамбаев 1972 – *Цыдендамбаев Ц. Б.* Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ, 1972.

**«АЛТАЙСКАЯ ПРОБЛЕМА»: К РАННИМ ЭТАПАМ  
КУЛЬТУРОГЕНЕЗА МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ<sup>1</sup>**

Алтайская языковая семья представлена тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками. Кроме того, Е. Д. Поливанов и Г. И. Рамстедт на основании лексических и грамматических сходжений включили в состав алтайской группы корейский и японский языки. Последующие исследования выявили некоторые принципиальные расхождения в лексике тюркских и монгольских языков. В частности, не сходились основополагающие слова, уходящие в древность, например, числительные. Применение лексико-статистических методов привело Дж. Клоусона к отрицательному выводу, который был сформулирован категорично: «“Алтайская” теория неправомерна» (Клоусон, 1969. С. 41). К критикам алтайской теории примкнул А. М. Щербак. Его исследования показали разницу в формировании лексики монголов и тюрков: весь основной словарный запас, связанный со степной жизнью, заимствован монголами из тюркского языка, собственно монгольская лексика связана с обитанием в лесах (Щербак, 1961; 1966; 1994. С. 148; Clauson, 1973. Р. 41). Вместе с тем выявилось направление поисков монголо-тунгусо-маньчжурских связей. В. И. Рассадин сделал важный вывод – монгольские племена жили компактно, «причем где-то по соседству и в тесном контакте с тунгусо-маньчжурскими племенами» (Рассадин, 1984. С. 76).

В настоящее время можно говорить о нескольких тенденциях, характеризующих состояние проблемы. Намечена линия исследований, объясняющих тюрко-монгольскую близость не древним родством языков, а историческими контактами, при этом монгольский язык все более сопоставляется с тунгусо-маньчжурскими языками (Рассадин, 1989; Щербак, 1994. С. 184). Новые работы говорят о близости монгольского и австроазиатских, австронезийских языков (Солнцева, Солнцев, 2000. С. 131; Солнцева, 2002).

Исследование географической терминологии в алтайских языках проделала Л. В. Дмитриева. Она сопоставила между собой основные географические термины и понятия, обозначаю-

---

<sup>1</sup> Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 06-06-80192

щие явления природы, так как основная их часть относится к древнейшим эпохам в истории этих языков. Эта работа подтвердила ранее высказанные заключения о степной прародине тюрков, ботаническая лексика которых также связана с данной средой обитания (Дмитриева, 1984. С. 174–176). Принципиально важный вывод был сделан по монгольским языкам: «Этот перечень подтверждает, что древние монголы жили там, где были горы и отдельные скалы с горными проходами и перевалами, но в то же время там была степь с лощинами, песчаные места и соприкасалось это все с морем» (Там же. С. 173).

Остановимся еще на одном значимом факте, полученном лингвистами. Изучение лексики монгольских языков выявило связь древних монголов с оседлой культурой. Важно при этом, что речь идет не об отдельных словах, а о целых группах терминов, относящихся к земледельческому хозяйству. Как писал А. Рона-Таш, «сейчас является совершенно ясным, что древние монголы были хорошо знакомы с земледелием» (Рона-Таш, 1979. С. 248). Истоки монгольского земледелия исследователь уводил или в эпоху алтайского языка-основы, или же предполагал этап совместного земледельческого сожития монголов и тюрков. Он не исключал возможности самостоятельного развития монгольского земледелия и скотоводства, независимо от тюрков (Там же. С. 247–249). На оседлость древних монголов может указывать и самостоятельная терминология, связанная с таким животным, как свинья, в монгольском языке (Рассадин, 1984). Существенно в данном случае то, что свинья получила наибольшее распространение у земледельческих народов Восточной Азии (китайцы, корейцы, маньчжуры).

Таким образом, мы видим, что единства взглядов по решению алтайской проблемы еще не выработано, но выводы, полученные при ее исследовании, нуждаются во всестороннем изучении. Работы языковедов позволяют нам сфокусировать внимание на целом ряде традиций в культуре монголов, не характерных для современного этноса, но, возможно, имевших место в культуре древних монголов. По материалам языка к этим палеоэтнографическим явлениям следует отнести: оседлость древних монголов; самостоятельное земледелие и знакомство с рисоводством; развитое свиноводство; проживание с выходом на морское побережье; связь с тунгусо-маньчжурами, корейцами и другими народами тихоокеанского побережья.

Таковы основные этнографические характеристики, на которые нужно обратить внимание в связи с исследованиями

лингвистов. Подчеркнем, что столь важные для понимания древней истории монголов заключения в основном остались внутри языкознания и не стали частью монголоведения и тюркологии в целом. Появляется необходимость проверки и сопоставления их с данными, известными по другим источникам (Дашибалов, 2004; 2004а; Дашибалов, Рассадин, 2004).

Академик Б. Я. Владимирцов в работе «Общественный строй монголов» писал: «В источниках и пособиях наших имеется несколько намеков на то, что в некоторых местах древние монголы жили оседло и занимались земледелием и рыболовством», но этот вопрос недостаточно освещен (Владимирцов, 1934. С. 44, 45). Крупнейший знаток тюрко-монгольской истории академик В. В. Бартольд отмечал: «Из всех известий видно, что в эпоху Чингиз-хана были как охотничьи, так и кочевые племена, может быть, земледельческие» (Бартольд, 2002. С. 469). На наличие оседлости у монголов обратил внимание Г. Н. Румянцев. Он указал, что даже среди современных халхамонголов, типичных кочевников, некоторая часть жила оседло и занималась земледелием, а если рассматривать монголоязычных киданей, то у них земледелие было развито в более широких масштабах (Румянцев, 1962. С. 131). Из книги Д. Покотилова «История восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634» следует, что в конце XIV в. монголы Ляодуна жили в домах и занимались обработкой земли (Покотилова, 1893. С. 15–18). Русские казаки в XVII в. столкнулись на Амуре с монголоязычными даурами, жившими оседло, имевшими тягловую пахоту и занимавшимися огородничеством (Залкинд, 1948; Деревянко Е. И., 1981. С. 37). Эти данные подкрепляются материалами А. Д. Руднева, который в начале XX в. в Восточной Монголии зафиксировал земледельческую терминологию монгольского происхождения (по кн.: Викторова, 1980. С. 185).

При исследовании вопросов оседлости монголов большое значение приобретают работы В. С. Старикова. Его исследования показали, что собственно китайское земледелие здесь является достаточно новым, так как китайцы освоили эти северные земли не очень давно. Вместе с тем земледельческие традиции в Маньчжурии имеют древние корни. Изучение земледельческих орудий и истории земледелия в этом регионе позволило В. С. Старикову провести неразрывную связь между собственно маньчжурским и, что очень важно, монгольским земледелием. В. С. Стариков делает принципиально важный вывод о том, что земледелие в Маньчжурии «имеет прямую

связь с глубокой древностью появления плуга у протомонголов, с непрерывностью занятия земледелием какой-то части монголов, несмотря на преобладание кочевого скотоводства» (Стариков, 1966. С. 13–14). Работами В. С. Старикова обоснован выдвинутый им вывод о Южной Маньчжурии как особом монголо-маньчжуро-корейском очаге древнего земледелия (Стариков, 1973. С. 26, 27). Аналогичный вывод был сделан и Н. В. Кюнером. Он также полагал, что Южная Монголия и Ляодун являлись независимым от Китая центром плужного земледелия монголов и маньчжуров (по кн.: Викторова, 1980. С. 132, 185).

Основной культурой, характерной для монгольского земледелия, было просо. Исследователями высказано мнение, что древние монголы знали и рис. В монгольских источниках «Алтан тобчи» и «Шара туджи» рис обозначается словами *tuturya* и *sali*. По мнению Л. Л. Викторовой, второе слово заимствовано из санскрита и употребляется, когда речь идет о поливном рисе. А *tuturya* – собственно монгольское название риса. Кроме того, в Дунбэе – местах расселения предков монголов дунху – известны находки сосудов для варки риса. Это позволяет думать об очень раннем, независимом от Китая знакомстве предков монголов и тюрков с культурой риса. Л. Л. Викторова делает еще одно интересное заключение: так как рис относится к южным зерновым культурам, то, надо полагать, часть монгольских народов сформировалась южнее ныне заселенной территории (Викторова, 1980. С. 132, 133, 192).

В. С. Стариков показал, что Маньчжурия является древнейшим центром оседлой и городской культуры, и здесь местные традиции градостроительства развивались, в одних случаях соприкасаясь с китайскими архитектурными и планировочными нормами, а в других – совершенно независимо, опираясь на собственные изобретения и навыки (Стариков, 1976). Предстоит еще большая и кропотливая работа по выявлению особенностей оседлых поселений и городов и крепостных сооружений Внутренней Монголии и Дунбэя. Ученым следует выявить архитектурные особенности древнемонгольского зодчества и изучить связи этих архитектурных приемов с градостроительством в ранних маньчжурских и корейских государствах. Монгольский ученый академик Х. Пэрлээ, много внимания уделявший оседлым традициям в культуре монголов, писал: «Нужно учитывать значение земледельческих и градо-

строительных знаний и опыта древних монголов» (Пэрлээ, 1974. С. 256).

Следовательно, этнографические материалы, исследования ученых и данные средневековых авторов указывают на то, что оседлость, наряду с кочевым скотоводством, – одна из особенностей монгольского хозяйства и быта.

Необходимо остановиться еще на одном совершенно неизученном явлении в монгольской культуре. Н. Л. Жуковская отметила знакомство современных монголов с катамараном, типично морским видом водного транспорта: «Океан – громадная и беспокойная водная стихия, и понятно, что катамараны там нужны. Но зачем они в Центральной Азии...?» (Жуковская, 1990. С. 77). Она выявила наличие катамарана в экспозиции Центрального музея в Улан-Баторе, среди предметов материальной культуры, орудий труда и утвари монголов.

С предками монгольских народов связываются народы группы дунху. Имя дунху появляется в Китае, очевидно, еще в эпоху Чуньцю (722–481 гг. до н. э.). Расселяются дунху севернее царства Янь. Китайскими исследователями выявлены северные границы царства Янь, отмеченные длинной укрепленной стеной. Соответственно, дунху должны были жить за пределами стены и занимать центральную и восточную части провинции Хэбэй, южные части провинции Ляонин и юго-восток Внутренней Монголии (Викторова, 1958. С. 45; Таскин, 1984. С. 39; Комиссаров, 1988. С. 88). На восточных границах их земли выходили на Ляодунский залив Желтого моря. С другой стороны, на крайнем западе они освоили обширные просторы евразийской степи. Центральную часть дунхуских владений составляли южные предгорья Большого Хингана с реками Шара-Мурэн, Лаохахэ, Далинхэ, Ляодунские и Чанбоншаньские горы. Именно эти горы, по всей вероятности, имелись в виду, когда китайские летописцы писали: «Все они были рассеяны по горным долинам». Напомним, что, по исследованию маньчжуроведа Л. В. Дмитриевой, предки монголов первоначально освоили земли, которые характеризовались такими особенностями ландшафта, как степные участки, наличие гор и морского побережья.

В китайских источниках о хозяйстве и быте народов дунху чаще всего упоминается, что они «пасут скот, отыскивая места с хорошей водой и травой. Для жилья не имеют постоянного места» (Таскин, 1984. С. 63). Это было верно в отношении степных дунху, но эту характеристику нельзя распространять



на все народы, произошедшие от них. Перечислим ответвления народов, которые, по мнению древних авторов, имеют своими предками дунху: ухуани, сяньби, цифу, туфа, мужуны, шивэй, кидани, туюхуни, жуаньжуани. История этих народов охватывает почти все первое тысячелетие нашей эры. Исходными территориями их обитания были земли в пределах Восточной Монголии, Маньчжурии и Ляодуна. Расселяясь, они освоили обширные территории Маньчжурии и Монголии, Сибири и Дальнего Востока. Потомки дунху жили в разных географических условиях и, сообразуясь с природой, развивали соответствующие окружающей среде типы хозяйства.

Судя по китайским летописям, народы, произошедшие от дунху, практиковали земледелие: «Земли ухуаней благоприятны для выращивания проса и растения дунцянь» (Там же. С. 64). В подстрочнике к своему переводу Н. Я. Бичурин писал: «Юго-восточные монголы искони доньше занимались и земледелием» (Бичурин, 1950. С. 143). О хозяйстве и быте шивэй пишется так: «Очень много щетинника, пшеницы и проса» (Таскин, 1984. С. 135). Кумоси, относившиеся к ранним монголам, «хорошо знали, как пахать землю и сеять злаки. Каждый год они арендовали у пограничного населения пустующие земли и засеивали их просом. Осенью, когда хлеба созревали, они являлись для уборки урожая. Зерно хранили в ямах у подножия гор, причем никто из посторонних не знал, где эти ямы находятся. При приготовлении пищи они используют глиняные треножники с плоским дном, из пшена варят кашу, разбавляют ее холодной водой и пьют» (Там же. С. 152).

Факты указывают на то, что земледелие не было чем-то чуждым для древних монголов. Как свидетельствуют источники, правители дунхуских народов осознавали важную роль земледелия. Например, про правящие круги туфа говорится: «Он занялся земледелием и разведением тутового дерева» (Там же. С. 111); чиновники получают натуральное довольствие в размере 2 тыс. даней зерна в год (Там же. С. 115); у них уже была правительственная должность – управителя сельским хозяйством. Соответственно была и государственная политика. И когда выдавались неурожайные годы, то власти закупали зерно для помощи бедствующим и тем самым успокаивали кочевья (Там же. С. 129, 131).

Об оседлости древних монгольских народов существуют такие свидетельства: «Питаются свининой и рыбой, разводят крупный рогатый скот и лошадей, но по обычаю не имеют

овец. Летом живут в городах... народ живет оседло... причем число семей доходит до нескольких десятков и даже до ста» – так пишется о шивэй (Там же. С. 135, 138). Часть дунху строили укрепленные крепости и столицы, жили селениями и в городах (Там же. С. 92, 111, 120). На жизнь дунхусцев в Восточноазиатском регионе указывает то, что в перечислении дани упоминаются шкуры тигров и леопардов, сообщается о разведении ими тутового дерева (Там же. С. 66).

Китайский историк Вэй Чжэн сообщает интересные подробности о рыболовстве шивэй: «Долбят лед, погружаются в воду и добывают сетями рыбу и черепах» (Там же. С. 137). Данное сообщение противоречит более раннему источнику, в котором говорилось, что сяньби не умеют ловить рыбу: «Услышав, что жители владения Вожень искусны в ловле рыбы сетями, Таньшихуай напал на востоке на это владение, захватил более 1000 семей и переселил их на берега р. Ухоуцин, приказав ловить рыбу, чтобы восполнить недостаток в пище» (Там же. С. 80). Очевидно, китайский автор, опираясь на расхожее мнение, что сяньби являются чистыми кочевниками, не мог представить их рыболовами и поэтому объясняет этот факт чужим влиянием. Из китайского источника можно сделать вывод, что сяньби употребляли в пищу рыбу, потому что, если бы они не ели рыбу, то не было бы смысла даже переселять людей, умеющих ловить ее. Если сяньби употребляли рыбу, то они должны были уметь и ловить ее. О том, что сяньби были знакомы с морем и морскими обитателями, видно из выражения представителя сяньбийской знати, не исключено, что это даже старинная пословица: «Огромный кит может передвигаться только в беспредельном море, а феникс может сушить свои крылья только на высоких дриандрах» (Там же. С. 117).

Итак, древние этапы культуры монголов характеризовались оседлостью, развитым земледелием и свиноводством. Рассмотрим археологические материалы, которые связываются с монгольским этногенезом.

С древними монголами соотносится культура верхнего слоя Сяцзядянь. Китайские археологи, в частности, Цзинь Фэньи, отождествляют культуру верхнего слоя Сяцзядянь с монголами дунху эпохи бронзы и раннего железного века. Эту точку зрения поддерживает российский исследователь С. А. Комиссаров (Комиссаров, 1987; 1988. С. 87, 88). Памятники этой культуры расположены на северо-востоке Китая в провинциях Хэбэй, Ляонин и прилегающих районах Внутренней

Монголии. Население, оставившее памятники, было оседлым и обитало в долговременных поселениях с жилищами земляночного и полужемляночного типа, отмечены следы наземных сооружений. В их хозяйстве преобладало зерновое земледелие, разведение свиней, крупного рогатого скота и лошадей.

Итак, материалы, свидетельствующие о культурогенезе монгольских народов, указывают на дальневосточные истоки формирования этноса и на то, что древние этапы истории монголов характеризуются оседлостью и проживанием с выходом на морское побережье. Дальнейшее задачей является более тщательное изучение монгольской лексики, связанной с оседлостью, земледелием, морским промыслом. Это позволит реконструировать этапы формирования «алтайских» этносов и вопросы «алтайской» прародины.

### Литература

- Бартольд В. В.* Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 2002.
- Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.;Л., 1950. Т. 1.
- Викторова Л. Л.* К вопросу о расселении монгольских племен на Дальнем Востоке в IV в. до н.э.-XII в. н.э. // Уч. зап. ЛГУ. 1958. № 256. Сер. востоковед. С. 41–67.
- Викторова Л. Л.* Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980.
- Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.
- Дашибалов Б. Б.* О дальневосточных традициях в культуре бурят и монголов // Вестн. Дальневост. отд-ния РАН. Владивосток, 2004. № 2. С. 55–59.
- Дашибалов Б. Б.* Об оседлости древних монголов // Культурные традиции Евразии. Казань, 2004а. Вып. 4. С. 68–72.
- Дашибалов Б. Б., Рассадин В. И.* Откуда вышли предки монголов // Восточная коллекция. 2004. № 4. С. 34–41.
- Деревянко Е. И.* Племена Приамурья. I тысячелетие нашей эры (Очерки этнической истории и культуры). Новосибирск, 1981.
- Жуковская Н. Л.* Судьба кочевой культуры: Рассказы о Монголии и монголах. М., 1990.
- Залкинд Е. М.* Кидане и их этнические связи // Сов. этнография. 1948. № 1. С. 47–62.
- Клоусон Дж.* Лексико-статистическая оценка алтайской теории // Вопр. языкознания. 1969. № 5. С. 22–41.
- Claudson G.* Philology and archaeology // Antiquity. 1973. Vol. 47. P. 37–42.

- Комиссаров С. А.* Комплекс вооружения культуры верхнего слоя Сяцзядянь // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 39–53.
- Комиссаров С. А.* Комплекс вооружения древнего Китая: Эпоха поздней бронзы. Новосибирск, 1988.
- Покотилов Д.* История восточных монголов в период династии Мин, 1368–1634: (По китайским источникам). СПб., 1893.
- Пэрлээ Х.* К вопросу о древней оседлости в Монгольской Народной Республике // Древняя Сибирь: Бронзовый и железный век. Новосибирск, 1974. Вып. 4.
- Рассадин В. И.* Бурятская животноводческая терминология как источник по исторической этнографии // Этническая история и культурно-бытовые традиции в Бурятии. Улан-Удэ, 1984. С. 55–80.
- Рассадин В. И.* О тунгусо-маньчжурских элементах в монгольских языках // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. Новосибирск, 1989. С. 145–152.
- Рона-Таш А.* Монголо-венгерские параллели и исторический фон монголо-тюркских связей // 3 Междунар. конгр. монголоведов. Улан-Батор, 1979. Т. 3. С. 245–252.
- Румянцев Г. Н.* Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ, 1962.
- Солнцева Н. В.* Системы терминов родства в бурятском, калмыцком и языках Юго-Восточной Азии // Калмыки и их соседи в составе Российского государства. Элиста, 2002.
- Солнцева Н. В., Солнцев В. М.* Гипотеза о древнейшем родстве алтайских языков с некоторыми языками Юго-Восточной Азии // Владимирцовские чтения IV. М., 2000.
- Стариков В. С.* Земледельческие орудия лесостепных районов Восточной Азии (к истории земледелия на Дальнем Востоке): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1966.
- Стариков В. С.* Современная материальная культура китайцев в Маньчжурии, ее истоки и развитие: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1973.
- Стариков В. С.* Из истории возникновения городов в Маньчжурии // Страны и народы Востока. М., 1976. Вып. 18.
- Таскин В. С.* Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М., 1984.
- Щербак А. М.* Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961. С. 131–132.
- Щербак А. М.* О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков // Вопр. языкознания. 1966. № 3. С. 21–35.
- Щербак А. М.* Введение в сравнительное изучение тюркских языков. СПб., 1994.

## СИСТЕМА ПРИЧАСТИЙ СОВРЕМЕННОГО МОНГОЛЬСКОГО И ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКОВ

Причастие как в монгольских, так и в тюркских языках является одной из самых «подвижных» форм глагола, активно участвующей в строении предложений, в которых может выполнять функции любого члена: подлежащего, сказуемого, прямого и косвенного дополнения, определения, а в составе причастно-последующих конструкций и обстоятельств.

Взгляд на систему причастий в монгольских языках у монголоведов всегда был неоднозначным. Так, В. Л. Котвич, М. Н. Орловская, Г. Д. Санжеев, Ц. Цэдэндамба разделяли причастия только по временному признаку на причастия настоящего, будущего и прошедшего времени. Другие же ученые (А. А. Бобровников, А. В. Попов) разделяли причастия по видовому и временному признакам. Наконец, в 70-е годы XX в. Ц.-Ж. Цыдыпов предложил свое видение системы причастий в монгольских языках, разделив их на 4 группы: временные (причастие настоящего-прошедшего времени, причастие завершенного-прошедшего времени, причастие будущего времени), видовые (многократное и однократное причастие), модальные (причастия возможности и целесообразности) и диатезальные (страдательное причастие) (Харчевникова 2003: 119). Примерно такую же классификацию предлагает В. И. Рассадин, разделяя причастия на три группы: временные (причастия настоящего, прошедшего и будущего времени), видовые (многократное, однократное и постоянное причастия) и модальные (причастия возможности, невозможности и желательности, а в бурятском языке еще и страдательное) (Рассадин 1999: 167–185). Таким образом, вслед за Ц.-Ж. Цыдыповым и В. И. Рассадиным мы выделяем в современном монгольском языке три типа причастий:

1. Временные причастия, включающие в себя причастие настоящего времени на *-aa / -ээ*, причастие будущего времени на *-x* и причастие прошедшего времени на *-сан / -сэн, -сон / -сөн*. Значение, выражаемое аффиксами временных причастий, заключается в выражении значения только времени совершения действия. Причем время, выражаемое тем или иным причастием, может варьировать, т. е. причастие, например,

прошедшего времени в определенном контексте или лексическом окружении может потерять значение прошедшего времени. В старописьменном монгольском языке данные причастия имеют следующие аффиксы: причастие настоящего времени имеет аффикс *-γ-a* (*-ge*); причастие прошедшего времени имеет аффикс *-γsan* (*-gsen*); будущее причастие имеет аффикс *-qi* (*-kii*), *-qun* (*kiin*) и *-qui* (*-kiii*). Отрицательная форма временных причастий в современном монгольском языке образуется при помощи присоединения отрицания *-γүй*, в старописьменном монгольском – либо с отрицаниями *ügei* / *edüi* после самих причастий, либо с отрицаниями *ese* и *ülü*, которые обычно стоят перед причастиями. Следует отметить, что и в современном монгольском языке встречаются отрицания *ул* и *эс*. Временные причастия соотносятся с категорией времени и могут выражать как абсолютное время, так и относительное.

2. Видовые причастия, в состав которых входят: многократное причастие на *-даг* / *-дэг*, *-дог* / *-дөг*; однократное причастие на *-гч* и постоянное причастие на *-аач* / *-ээч*, *-ооч* / *-өөч*. Видовые причастия, хоть и причисляются некоторыми учеными к причастиям настоящего времени (Санжеев 1963)<sup>1</sup>, в своей «чистой» форме не несут, однако, информацию о времени. Основная же семантическая функция видовых причастий заключается в характеристике действия по кратности. Что касается времени, выражаемом данными причастиями, то оно может быть как абсолютным, так и относительным. В старописьменном монгольском языке эти причастия имели следующие формы: многократное причастие *-day* (*-deg*) с отрицанием *ügei*; однократное причастие *-γči* (*-gči*) с отрицанием *ülü* и постоянное причастие *-γači* (*-geči*) с отрицанием *ülü* (Поппе 1937: 121). Отрицанием многократного причастия современного монгольского языка является форма *-γүй*, отрицательная форма однократного и постоянного причастий представлена отрицанием *ул*.

3. Модальные причастия, состоящие из: причастия желательности / нежелательности на *-маар* / *-мээр* / *-моор*, причастие долженствования на *-ууштай* / *-үүштэй*, причастие возможности / невозможности на *-м*, *-мгүй* / *-мгүй* и причастие возможности на *-хүйц* / *-хүйц*. Несомненно, действие, выражаемое модальными причастиями, во временном отношении мо-

---

<sup>1</sup> В этой работе Г. Д. Санжеев называет многократное причастие многократным причастием настоящего времени.

жет быть отнесено, скорее, к будущему, однако, опять же, указанные причастия в «чистом» виде имеют значение лишь модального характера – выражение необходимости, долженствования, желательности и т. д. Что же касается «будущности» этих действия, то время подразумевается, но не указывается. В старописьменном монгольском языке эти причастия представлены формами на *-mar (-mer) / -ma (-me); -quyiča / -küyiče; -yüšitai / -yüšitei*, отрицанием для которых служат формы на *ügei*.

Совершенно иная система причастий представлена в современном турецком языке. Так, Ж. Дени разделяет турецкие глагольные формы на две группы и относит причастия ко второй группе – неличным, адъективным формам глагола (Deny 1941: 358). Другой исследователь Т. Бангуоглу разделяет турецкие причастия по временному признаку на причастия прошедшего, настоящего и будущего времени. Советский тюрколог А. Н. Кононов, в свою очередь, не признает наличие морфологической категории причастий в турецком языке, считая их проявлением синтаксических функций одной из 14 временных форм изъявительного наклонения. Единственным турецким причастием он признает причастие на *-(y)an / -(y)en* (Кононов 1956: 470). Таким образом, в современном турецком языке причастия рассматриваются в составе глагольных форм и относятся к неличным формам глагола. Некоторыми учеными они подразделяются на 3 группы по временному признаку, однако общей системы, какая представлена в современном монгольском языке, здесь не наблюдается.

Наличествующие в турецком языке причастия, по аналогии с монгольской систематизацией, мы делим на:

1) временные, в состав которых включаем:

а) причастие настоящего-прошедшего времени на *-(y)an / -(y)en*, в древности имевшее форму *-an / -än* (Тенишев 1988: 454);

б) причастие прошедшего времени на *-miş / -miş / -muş / -müŝ*, также не изменившее свой внешний облик и представленное в древнетюркском языке формой на *-muŝ* (Там же: 463);

в) причастие прошедшего времени на *-dik*, древняя форма *-dyq* (Там же: 461);

г) причастие будущего времени на *-(y)acak / -(y)ecek*, в древности *-ažaq* (Там же: 465);

д) причастие настоящего-будущего времени на *-ar / -er*, представленное в древности аффиксами *-ar / -er / -yr / -ir / -ur / -ür*.

2) видовое причастие на *-ici / -ici*, которое мы не нашли признанным за причастие в некоторых работах по современному турецкому языку, но признанное как «новое» причастие, т.е. возникшее после распада праязыка и образованное от древнего отглагольного имени на *-yγ / -ig + афф. -ĉy / -ĉi* (Там же: 470). Выделившие это причастие исследователи называют его причастием настоящего времени (Серебряников, Гаджиева 1979: 232–233), однако семантическая функция указанного причастия заключается в выражении характеристики действия не во времени, а вообще в целом. Это может подтвердить и то, что часто данное причастие, субстантивировавшись, может иметь значение рода деятельности или профессий, т.е. выражать действие, являющееся постоянным для объекта.

3) модальное причастие на *-mali / -meli*, которое признается причастной формой турецким исследователем М. Эргином (Ergin 2001). В советской тюркологии данная форма признана причастием в грамматике азербайджанского языка, где определяется как причастие, обозначающее признак действия, которое должно быть выполнено; значение времени в данном причастии отсутствует (Ширалиев, Севортян 1971: 141). Указанная глагольная форма в турецком языке совпадает с формой долженствительного наклонения и рассматривается тюркологами только в данном свете. В то же время, по способности турецких глагольных форм на *-mali / -meli* выполнять адъективную функцию, давать процессуальную характеристику объекта с модальным значением долженствования, данная форма вполне заслуживает включения ее в список причастных форм турецкого языка.

Таким образом, различие между причастными системами современного монгольского и турецкого языков налицо. Несмотря на большой интерес исследователей-востоковедов к турецкому языку и достаточно детальное изучение фонетики, морфологии и синтаксиса данного языка, изучение именно причастий носит слишком общий характер, то есть причастия рассматриваются в составе неличных форм глагола и только. Дальнейшая систематизация турецких причастий по морфологическим, синтаксическим признакам не встречается, дается простое перечисление причастных форм и их значений. Система же причастий монгольского языка представляется более



разработанной и детализированной. И хотя у монголоведов нет единого мнения о составе и названиях причастий, а также о принципах их классификации, принятый нами взгляд на систему причастий, предложенный Ц. Ж. Цыдыповым и В. И. Рассадиным, представляется достаточно перспективным и наиболее точно отражающим действительное положение причастий в современном монгольском языке. Кроме того, принципы, лежащие в основу системы причастий современного монгольского языка, мы попытались использовать по отношению к причастиям турецкого языка, так как современный монгольский и турецкий языки являются представителями алтайской семьи языков, и их грамматический строй во многих чертах является общим (Баскаков 1960: 16).

### Литература

- Баскаков 1960 – *Баскаков Н. А.* Тюркские языки. М., 1960.
- Кононов 1956 – *Кононов А. Н.* Грамматика современного литературного турецкого языка. М.:Л., 1956.
- Рассадин 1999 – *Рассадин В. И.* Сложение системы причастий в монгольских языках // История развития монгольских языков. Улан-Удэ, 1999. С. 167–185.
- Санжеев 1963 – *Санжеев Г. Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков: Глагол. М., 1963.
- Серебренников, Гаджиева 1979 – *Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979.
- Тенишев 1988 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология / Отв. ред. Э. Р. Тенишев. М., 1988.
- Харчевникова 2003 – *Харчевникова Р. П.* К вопросу о семантико-грамматическом статусе причастий в монгольских языках (на материале калмыцкого языка) // Вестник КИГИ РАН. 2003. Вып. 18. С. 117–132.
- Ширалиев, Севортян 1971 – Грамматика азербайджанского языка (Фонетика, морфология и синтаксис) / Под общ. ред. М. Ш. Ширалиева и Э. В. Севортяна. Баку, 1971.
- Deny 1941 – *Deny J.* Türk dili grammeri. Istanbul, 1941.
- Ergin 2001 – *Ergin M.* Üniversiteler için Türk dili. İstanbul, 2001.

## WHAT HAPPENS TO CONSONANT CLUSTERS IN MONGOLIAN SPEECH?

### *Introduction*

As is well known, many languages treat some types of consonant clusters, in particular clusters with two identical consonants, as uncomfortable for speech production, and tend to reduce them, especially in casual speech. For example, the Swedish word *hemskt* ‘terrible’ is normally pronounced [hemst], although the pronunciation [hemskt] can be heard in more formal speech. Similarly, /t<sup>l</sup>/ in Russian *лестница* ‘staircase’ is normally deleted so that this word is pronounced [lʲesʲnʲitsə].

In Mongolian speech, however, we have observed that consonant clusters, even clusters of two identical stops, are usually not reduced. This is typical not only for careful pronunciation but also for casual speech. An interesting feature of Mongolian speech is that vowels are less stable than consonants. Thus, we found that short phonemic vowels in the initial syllable can be devoiced and even deleted completely in fast speech despite the fact that the vowel of the first syllable determines vowel harmony. For example, /ciws<sup>h</sup>əgʲʌʒ/ *зэвсэглэл* ‘armament’ occurred as [cfs<sup>h</sup>əxʲʌʒ] in casual speech with complete reduction of the first vowel and devoicing of consonants. The epenthetic vowel [ə], which serves to build syllables at the surface level, is often missing in casual speech so that syllable codas with up to four fully realised consonants are found. Some examples are /ačʲʌʒ/ *ажиллаж* ‘working’ realised as [ačʲʌʒ] with a three-consonant coda (regular pronunciation would be [a.čəʲ.ʌʒ]) (where . denotes syllable boundary) and /carc<sup>h</sup>uʲgʲtsnig/ *зарцуулагдсаныг* ‘to use-PASS-PSTP-ACC’ realised as [car.c<sup>h</sup>uʲxʲts.nig] with a four-consonant coda (regular pronunciation would be [car.c<sup>h</sup>u.ʌgʲt.sə.nig]).

In order to describe the phonotactic features in Halh Mongolian appropriately, it is necessary to distinguish between formal and casual style of speech. Formal speech is characterised by careful pronunciation, while casual speech is everyday speech with less attention to pronunciation. In our previous studies (Svantesson et al. 2005 for formal speech and Karlsson 2005 for casual speech) differences in syllabification between the two styles were described and analyzed.

### *Syllabification*

In our analysis of Mongolian phonology, non-initial “reduced” vowels (here transcribed as [ə] and written with single vowel letters in the Cyrillic alphabet) are epenthetic (non-phonemic) and are inserted in order to build well-formed surface syllables, consisting of a one-consonant onset, a vowel nucleus (which is the only obligatory constituent) and a coda. Consonant clusters that have strictly decreasing sonority are possible codas. For Mongolian this means (with few exceptions) that the combination voiced + voiceless consonant is allowed as a coda (e.g. /pugt/ [pugt] *бүгэд* ‘all’), while other combinations cannot form codas but trigger schwa epenthesis: voiceless + voiced (/atg/ [a.təg] *адаг* ‘end’), voiceless + voiceless (/pʊst/ [pʊ.sət] *бүсэд* ‘other’) and voiced + voiced (/xamr/ [xa.mər] *хамар* ‘nose’). Medial consonant clusters are divided between a coda and an onset; if this is not possible, an epenthetic vowel is inserted. These rules hold for formal speech, but for casual speech the syllabification rules are less precise due to several assimilation processes which lead to varying surface realisations of the phonemes.

One such process is voicing assimilation, seldom found in formal speech, but frequent in casual speech. Assimilatory regressive devoicing, causing voiced phonemes to have a voiceless realisation is almost obligatory before aspirated stops and affricates and is frequent, but not obligatory, before voiceless fricatives and unaspirated voiceless stops. Furthermore, the requirement in formal speech that syllable codas have strictly decreasing sonority is relaxed in casual speech to allow codas consisting of consonants with the same sonority value (voiceless + voiceless or voiced + voiced), so that only the combination voiceless + voiced is impossible (at least at the end of a word). As a consequence codas with up to four voiceless consonants may occur in casual speech.

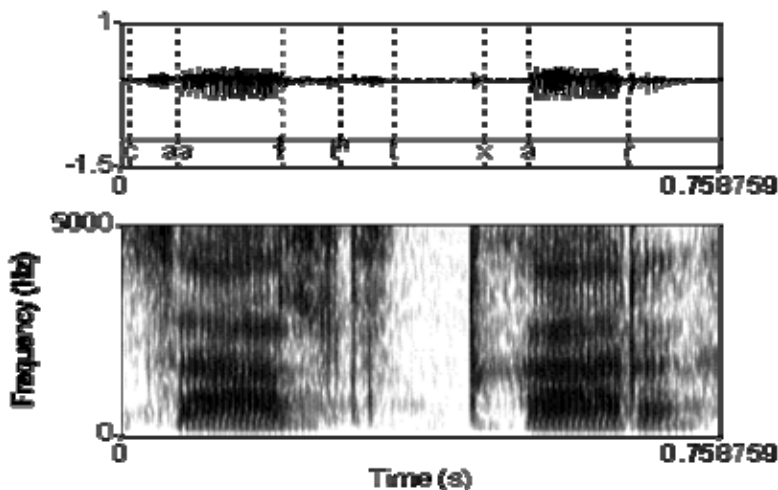
### *Clusters of identical consonants*

In the casual speech material investigated here, many cases of schwa insertion (as expected in formal speech) do not take place and codas with non-decreasing sonority are very frequent, including codas with clusters of adjacent identical segments. Such clusters are seldom simplified in Mongolian, and all segments are fully realised even in casual speech. Thus, while many languages with complex codas, such as Russian and Swedish tend to reduce some consonant clusters, Mongolian prefers not to. An epenthetic vowel can be inserted between two adjacent identical stops to ease the pronunciation, but in many cases the two stops are realised without vowel ep-

enthesis. Examples from our material include the words /caəɮt̪təg/ *заалддаг* ‘to sue-HAB’, /caəɮt̪təgar/ *заалддагаар* ‘to sue-HAB-INST’ and /caəɮt̪təgara/ *заалддагаараа* ‘to sue-HAB-INST-REFL’, spoken in the frame sentence /pii\_\_gisəŋ/ *би\_\_гэсэн* ‘I said \_\_.’. Since they are in a focused position, epenthesis should be favoured, but this is not the case in the actual realisations of these words. In 14 of 23 occurrences, both consonants were realised with both occlusion and release, and no epenthesis occurred. The other occurrences of /t̪t/ were reduced to one [t̪].

An example is given in Figure 1, where the word /caəɮt̪tgar/ *заалддагаар* ‘to sue-HAB-INST’ is not realised as formal [caəɮt̪.təgar], but as [caəɮt̪<sup>h</sup>txar]. The two adjacent occurrences of the stop [t̪] are fully realised with two occlusions and releases.

Figure 1.



In our material there are clusters with two /g/ and different combinations of aspirated and unaspirated /t/. Our observations on the realisation of these clusters within a coda and across syllable (or word) boundaries can be summarised as follows:

With few exceptions, clusters over word boundaries are reduced to one stop. For example, /c<sup>h</sup>ait t<sup>h</sup>əstəi/ *цайгд мөсөм* is realised as [c<sup>h</sup>ait<sup>h</sup>əstəi]. Clusters with two /g/ (within words and over

word boundaries, as in /tɔrʎʒ gitʂ/ *дорлиц ээдэг*) are always reduced to one stop [g].

In addition to the 23 occurrences mentioned above, there are 21 words from connected speech (read texts) in our material, which contain clusters with two /t<sup>(h)</sup>/ (aspirated or unaspirated). These are words where the root ends with /t<sup>(h)</sup>/ and a following suffix begins with another /t<sup>(h)</sup>/, and where the second stop is an onset, for example /nat.t<sup>h</sup>ai/ *надтай* ‘I-COM’.

In 25 of the total 44 occurrences, both stops are realised, each with an occlusion phase and a release. In these cases, the realisation is always [t<sup>h</sup>t], independent of the underlying cluster (/tt/, /t<sup>h</sup>t/, /t<sup>h</sup>t<sup>h</sup>/ or /t<sup>h</sup>t<sup>h</sup>/). Apparently, the release of the first consonant is produced rather strongly, making it aspirated, in order to make it perceptually salient that the cluster consists of two consonants.

In many languages, clusters of identical stops are produced with only one release, but with longer occlusion phase. This is the case in Russian where we find minimal pairs as *подтянуть* ‘to pull up’ vs. *потянуть* ‘to pull’ or *подточить* ‘to sharpen a little’ vs. *поточить* ‘to sharpen’, realised as [pətʲ:ɪˈnutʲ] vs. [pətʲɪˈnutʲ] and [pət:ɐʲtʃitʲ] vs. [pətɐʲtʃitʲ]. Here, the pronunciation of the cluster with two stops is simplified to only one occlusion and release, but the different durations of the occlusions in each pair carry the contrastive function.

In other languages, clusters of identical consonants may be simplified to single consonants at least in some positions. Thus, Swedish pairs such as *avvisa* ‘reject’ vs. *avisa* ‘de-ice’ or *uttrycka* ‘express’ vs. *utrycka* ‘pull out’ are pronounced in the same way (as [ʌ: .i vi:sa] and [ʌ: .tʁy:ka] in the Southern Swedish pronunciation of the second author), although the morphological and phonological structures of the words in each pair are different (*av + visa* vs. *av + isa* and *ut + trycka* vs. *ut + rycka*).

### *ʎ clusters*

Mongolian is typologically unusual in having a lateral fricative /ʎ/ (pronounced [ʎ] or [ʎ̥] in speech independently of the context), and its palatalised counterpart /ʎʲ/, but no plain (non-fricative) laterals. The fricative pronunciation of /ʎ/ is exceptionless, and independent of the vowel harmony class of the word at least in Ulaanbaatar speech. Even Russian loanwords such as *билет* ‘ticket’ are typically pronounced with a fricative /ʎ/, except for one of our speakers with a good knowledge in Russian. Since the lateral is

rather frequent, its fricativity is a very salient feature of Mongolian pronunciation.

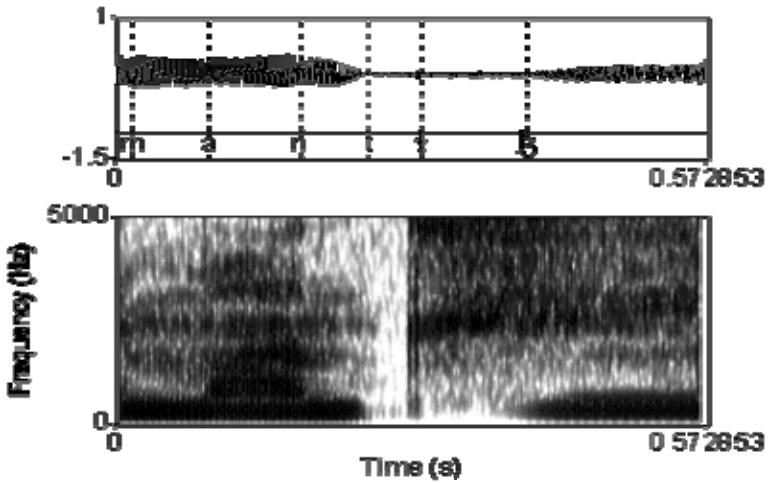
In order to find out whether clusters of two fricatives are simplified or not, we have investigated a material consisting of words with word final /ʒʒ/ clusters. In words ending with /ʒʒ/, such as /tʰimtgʒʒ/ *тэмдэглэл* ‘note’, the final cluster has a non-decreasing sonority and should therefore be split by epenthesis: [tʰim.təg.ʒəʒ]. Epenthesis often fails in this type of words in casual speech, however. More interestingly, when epenthesis fails, /ʒʒ/ is systematically realised as [ʧʒ], that is, as a voiceless + voiced combination.

In order to find out if the duration of a /ʒʒ/ cluster is longer than that of a single /ʒ/, a small material was recorded from one female speaker. The following target words were recorded: /ʃaʒ/ *шал* ‘floor’; /suʉʒ/ *суудал* ‘seat’; /taatʰgʒ/ *даатгал* ‘insurance’; /mantʒ/ *мандал* ‘rise’; /tʉʉtgʒ/ *дутагдал* ‘deficiency’. Each word was put in three carrier sentences, one with the word in utterance-final position, one where it is followed by the copula verb /pain/ *байна* and one where it is followed by the focus marker /ʒ/ *л*. This marker is cliticised to the preceding word, resulting in a final /ʒʒ/ cluster. The carrier sentences are illustrated with the word /ʃaʒ/ below:

- |    |                |                  |                        |
|----|----------------|------------------|------------------------|
| 1. | /in ʃaʒ/       | Энэ шал.         | ‘This is a/the floor.’ |
| 2. | /in ʃaʒ pain/  | Энэ шал байна.   | ‘This is a/the floor.’ |
| 3. | /in ʃaʒʒ pain/ | Энэ шал л байна. | ‘This is the floor.’   |

After the clitisation of the focal marker /ʒ/, the following realisations of, to give one example, /ʃaʒ/ occurred: [ʃaʧəʒ], [ʃaʧəʃ] or [ʃaʒʒ] (schwa is produced with strong friction). An illustration of a realisation of the word /mantʒ/ *мандал л* ‘rise-FOC’ is given in Figure 2.

Figure 2.



Each sentence was read three or four times, but not all recordings could be used. The duration measurements are given in Table 1.

	(1)	(2)	(3a)		(3b)		
	/ɰ/	/ɰ/	/ɰ/	[ə]	/ɰ/	[ɰ]	[ɰ]
/ʂaɰ/	136	90	66	36	102	88	128
	124	95	75	51	115		
	119	90					
/suotɰ/	123	121	75	52	115	82	140
	130	131	84	48	109		
	142	113					
/taat <sup>h</sup> ɰ/	126	102	80	35	119	104	133
	126	98	62	54	111		
	124	112					
/mantɰ/	133	119	101	63	102	122	165
	130	142					
	130	130					
/tot <sup>h</sup> ɰ/	117	104	111	57	120	75	195
	134	114	59	40	120		
	205						
mean ( <i>m</i> )	133	112	79	48	113	94	152

Table 1. Duration of word-final /ɰ/ and /ɰɰ/ in ms. The headings (1)–(3) refer to the three carrier sentences. (3a) are cases where the /ɰɰ/ cluster in sentence 3 is realised with schwa, and (3b) without schwa.

The results show that the single final /ɣ/ is longer ( $m = 133$  ms) when it comes in utterance-final position than before the copula /pain/ ( $m = 111.5$  ms). A  $t$ -test shows that the difference is significant ( $t(27) = 3.13$ ,  $p = 0.0042$ ). The longer duration in utterance-final position may be due to final lengthening.

The duration of the focus marker /ɣ/ before /pain/ (3a, 3rd column) differs minimally from the duration of stem-final /ɣ/ in the same position (carrier sentence 1). The means are 113 ms and 112 ms, respectively, and a  $t$ -test shows no significant difference ( $t(21) = 0.185$ ,  $p = 0.855$ ). This suggests that the focus marker /ɣ/ is not phonetically different from other occurrences of word-final /ɣ/.

The duration of double /ɣɣ/ is much longer than that of single /ɣ/, independent of its realisation with or without a schwa. The mean duration of the whole sequence [ɣɣ] without schwa is 246 ms and that of [ɣəɣ] with schwa is 240 ms (the difference is not significant:  $t(12) = 0.410$ ,  $p = 0.689$ ). This is roughly twice as much as the duration of a single /ɣ/ in this position, and the difference is highly significant ( $p < 0.001$ ).

The duration data suggests that the final cluster [ɣɣ] is not simplified to one segment but includes two fricatives. The resulting cluster has increasing sonority and is ill-formed as a coda, even in casual speech. In casual speech nasals can build syllable nuclei (Karlsson 2005), e.g. regular [ir.sən.tən] *ирсэнд нь* 'to come-PSTP-DAT-THEME' is realised as [ir.sn.tn] in casual speech with two adjacent syllables both having a nasal as its nucleus. Similarly, [ɣɣ] can be interpreted as a syllable, with the first voiceless [ɣ] as onset and the second voiced [ɣ] as rhyme. In fact, analysing [ɣɣ] as a syllable explains why the second [ɣ] in [ɣɣ] is always voiced. /ɣ/ thus has a potential syllabic function.

#### *Historical implications*

As seen above, the consonants of a Mongolian word are not easily deleted even in casual speech, as compared to many other languages. This can be observed not only synchronically but also in the historical development of the Mongolic languages, where deletions affect vowels much more often than consonants. The only consonant that is systematically deleted in Halh and other dialects of Mongolian proper is *\*h* (as reconstructed by Svantesson et al. 2005, chapter 10): O(ld) M(ongolian) *\*harpan* 'ten' > Halh *ar w* *apav*; OM *\*sehyl* 'tail' > Halh *suuɣ* *сүүл*. In contrast, all word-final



vowels were deleted in Halh e.g. OM *\*k<sup>h</sup>ara* ‘black’ > Halh *xar* xap; *\*k<sup>h</sup>øk<sup>h</sup>e* ‘blue’ > Halh *xox* xəx. Final vowels preceded by *\*h* are exceptions: OM *\*uhu* ‘to drink’ > Halh *uwyy*.

In Monguor and other Mongolic languages spoken in the Qinghai-Gansu area, initial vowels were deleted, although not as regularly as final vowel deletion in languages as Mongolian, Buriad and Kalmuck. Examples are OM *\*ønteken* ‘egg’ > Monguor *ntike* (but Halh *ontəg* өндөг) and OM *\*emys* ‘to wear’ > Monguor *mosi*, Shira Yugur *m ys* (but Halh *oms* өмс).

Thus it seems that the preservation of consonants, sometimes at the cost of changes or deletion of vowels, is a characteristic property of the Mongolic languages both from a synchronic and a diachronic point of view.

### References

- Karlsson A. M.* 2005. Rhythm and Intonation in Halh Mongolian: Doctoral dissertation. Lund: Studentlitteratur. (Travaux de l’Institut de Linguistique de Lund; 46).
- Svantesson J.-O., Tsendina A., Karlsson A. M. and Franzén V.* 2005. The Phonology of Mongolian. Oxford: University Press.

### Figure Captions

Figure 1. Oscillogram and spectrogram of /caəʎttgar/ *заалддагаар* ‘to sue-HAB-INST’ realised as [caəʎ<sup>h</sup>txar]. Male speaker.

Figure 2. Realisation of /mantʂʂ/ *мандал л* ‘rise-FOC’ as [mant.ʎʂ] with a [ʎʂ] cluster. Female speaker.

**ТЕРМИН *NISVANIS* ‘СУЕТА МИРСКАЯ’  
в старописьменном монгольском тексте эпохи Юань  
*Arban qoyar jökiyangyui* «Двенадцать деяний Будды»**

*Arban qoyar jökiyangyui* «Двенадцать деяний Будды» – это немного сокращенный перевод с тибетского языка буддийского произведения под названием *Lalitavistara*, составленный ученым и переводчиком Чойджи Одсером. На монгольский язык его перевел один из крупнейших переводчиков – монах традиции Сакья Шейраб Сенге, живший в XIV в. (Орловская 1999: 19; Poppe 1967: 13).

Несмотря на обилие буддийской лексики древнетюркского происхождения в монгольском языке и ссылки на переводы с древнетюркских оригиналов, до наших дней не дошли произведения на старописьменном монгольском языке, которое было бы переведено непосредственно с древнетюркского языка (Кара 1981: 56).

Статья посвящена одному из заимствований из древнетюркского языка в старописьменный монгольский язык. Такие заимствования – признак ранней буддийской литературы. Сочинения, где они встречаются, содержатся в Ганджуре, их можно выделить, несмотря на то, что произведения подверглись орфографической редакции и представляют собой образец классического языка (Там же: 55). Задача статьи – рассмотреть значение буддийского термина *nisvanis* в наиболее характерных контекстах памятника и, таким образом, выявить компоненты его значения, исходя из анализа текста. Для этого сначала приводятся словарные значения в древнетюркском и старописьменном монгольском языке с необходимыми комментариями, а также даются санскритские параллели, поскольку термин был воспринят старописьменным монгольским языком из древнетюркского, куда попал из санскрита посредством согдийского языка.

В древнетюркском языке отмечены следующие значения слова: *nizvani* [согд. *niβ'ny*] ‘страсть’, ‘сильное чувство’ (ДТС 1969: 369).

В монгольском старописьменном языке значения следующие:

*nisvanis* (S.: *nisvana*, *klecha*) 1) ‘привязанность к миру’, ‘суета мирская’, ‘беспокойство’, ‘тревога’; 2) ‘природное зло’, ‘порок’; 3) ‘страсти’; 4) ‘грех’ (Ков. II 2203).

Что касается древнетюркского языка, в словаре не отмечены значения для буддийского понятия.

В санскрите термины имеют следующие словарные значения:

*nisvana* ‘noise’, ‘sound’, ‘voice’ (Monier-Williams 1899: 510);

*kleśa* 1) ‘pain’, ‘affliction’, ‘distress’; 2) ‘pain from disease’, ‘anguish’, ‘wrath’, ‘anger’; 3) ‘worldly occupation’, ‘care’, ‘trouble’ (Ibid.: 263).

На языке пали *kilesa* имеет значение ‘defilements’, ‘mind-defiling, unwholesome qualities’ (Nyanatiloka 1988: 167), т. е. ‘беспокойство (ума)’. В качестве буддийского термина вместо слова *kleśa* из оригинальных санскритских текстов в древнетюркском языке используется слово, также заимствованное из санскрита, – *nizvani* ‘страсть’, которое в итоге приобретает религиозный оттенок. Как видно из приведенных примеров, значение слова в древнетюркском языке и старописьменном монгольском языке в большей степени соответствует значению *kleśa*, а не *nisvana*.

В своем словаре О. Ковалевский не отмечает значения ‘страсть, сильное чувство’. На первом месте в его словаре стоит значение, близкое к семантике слова *adqay* ‘привязанность к миру, беспокойство, тревога’, сансарическое состояние «мирской суеты». Но в общем, поскольку в словаре все же отмечено значение ‘тревога, беспокойство’, можно утверждать, что семантика монгольского слова ближе к санскритскому первоисточнику, чем семантика тюркского.

На втором месте в словарной статье отмечены значения ‘природное зло, порок, страсти, грех’. Надо заметить, что в «Древнетюркском словаре» слово *страсть* не окрашено положительно или отрицательно, в то время как в словаре О.Ковалевского оно определенно имеет отрицательные коннотации. Более того, если выстроить значения в семантическую цепочку: ‘природное зло’ > ‘порок’ > ‘страсти’ > ‘грех’, то получится, что *страсть* – это производная от природного зла и порока, а *грех*, в свою очередь, происходит от *страсти*. Такая градация древнетюркскому языку, судя по всему, не свойственна.

Примеры:

(1) *biçin-dür adali bayidal ügei sedkil-i bayigulur tere metü: uduriyulsun çi urida nisvanis-i embüregülür-ün: diyan-bisilyaluya:* ‘Выведа [людей] из состояния мыслей, подобного бессознательному [состоянию] обезьян, ты, разрушив прежний мир привязанностей нишванис, пребывал в созерцании’ (Porre 1967: 31, f. 16v).

Здесь акцент в значении термина *nisvanis* можно сделать на неразумном состоянии существа, которое руководствуется своими страстями.

(2) *dörben ali bui kemebesü: sansar-tur nisvanis-un küliyesün-e küligdegsen amitan-i aldarayulsuyai bi:* ‘Если говорить о том, что это: в сансаре живые существа, привязанные к нишванису, [думают], я прославлюсь!’ (Ibid.: 22, f. 4r).

(3) *qamuy nisvanis-i amurliyulju: sedkil-dür bayaskulang jryalang-i törogül-ün ürledbei:* ‘Успокоив [страсти] нишваниса, породил в мыслях счастье и радость’ (Ibid.: 54, f. 48v).

В последних двух примерах акцент сделан на эмоциональном состоянии, причем в примере (3) определение можно вывести через отрицание: что не есть *nisvanis*. В состоянии *nisvanis*’а люди подвержены такому суетному качеству, как тщеславие, в то время как, выйдя из состояния *nisvanis*’а, люди обретают счастье и радость. Более того, форма *amurliyulju* ‘успокоив’ говорит о том, что речь идет о чем-то тревожном, неспокойном.

(4) *vçir bayiqui-tu belge bilig-ün qurça ildü-ber: nisvanis-i ündüsün selte-yi oytalju: yararaqı ai mayad:* ‘Кто острым мечом мудрости сущности ваджры отрежет все корни нишваниса, тот наверняка освободится’ (Ibid.: 36, f. 25r-v).

Здесь налицо метафорический оборот, смысл которого можно передать как «активное пресечение основ греховного существования человеком, освоившим буддийскую мудрость, которое ведет к очищению». То есть *nisvanis* в данном случае отождествляется с мирским началом вообще.

Таким образом, можно выделить три компонента значения термина *nisvanis* на основе анализа контекстов из рассмотренных нами текстов:

1. *nisvanis* в сфере разума: ‘неразумное, неосознанное состояние (как животное)’;

2. *nisvanis* в сфере эмоций: ‘тщеславный’, ‘суетный’, ‘несчастливый’ (противопоставлено *bayaskulang* ‘счастливый’),

‘грустный’ (противопоставлено *ǰıryalang* ‘радостный’), ‘беспокойный’ (сочетается с глаголом *amurliyul*= ‘успокоить’);

3. метафорическое значение термина *nisvanis* – это то, что несет греховность, то есть материальный мир по представлениям буддистов.

### Литература

ДТС – Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Кара 1981 – *Кара Д.* Уйгуро-монгольские литературные связи // Литературные связи Монголии М., 1981. С. 51–62.

Ков. – *Ковалевский О. М.* Монгольско-русско-французский словарь. Казань, 1844–1849. Т. 1–3.

Орловская 1999 – *Орловская М. Н.* Язык монгольских текстов XIII – XIV вв. М., 1999.

Monier-Williams 1899 – *Monier-Williams M.* Sanskrit-English Dictionary. Oxford, 1899.

Nyanatiloka 1988 – *Nyanatiloka V.* Buddhist dictionary. Kandy / Shri Lanka, 1988.

Poppe 1967 – *Poppe N.* The twelve deeds of Buddha. Wiesbaden, 1967.

## СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СКОТОВОДЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Разведение скота – основа кочевой культуры монгольского народа. Поскольку язык является неотъемлемой частью культуры, то, с одной стороны, история развития кочевого хозяйства неизбежно должна была отразиться в языке, а с другой – дошедшая до нашего времени скотоводческая терминология неизбежно должна сохранить следы истории развития монгольского языка на протяжении всего периода формирования кочевого хозяйства.

Особую ценность представляет собой этимологическое исследование слов, относящихся к *таван хошуу мал* – пяти основным видам животных, которых монголы традиционно разводят. Это лошади, крупный рогатый скот, верблюды, козы и овцы. Разведение каждого из этих видов обладает своей спецификой, поэтому можно предположить, что и терминология развивалась отдельно для каждой группы слов. Следовательно, лексику из каждой группы надо анализировать отдельно, а потом сравнить полученные результаты.

Изучение происхождения базовых слов, относящихся к лошадям, даёт слеующую картину:

Монг. языки (СП)	Тюрк. языки	Т.-ма. языки	Перевод, комментарий
<i>aduγun</i>	<i>adiγ~aduy</i> ДТС	<i>adu:n</i> (ма.)	‘табун’ тюрк. > монг. > т.-ма.
<i>aytan</i>	<i>axta</i> МА	<i>akta</i> (ма.)	‘мерин’ перс. > тюрк. > монг. > т.-ма.
<i>aγrγa</i>	<i>adyir</i> ДТС	<i>adžirgan</i> (ма.)	‘жеребец’ тюрк. > монг. > т.-ма.
<i>gegün</i>		<i>geo</i> (ма.) ~ <i>geγ</i> (сол., нан.)	‘кобыла’
<i>dayan</i>			‘жеребёнок на 2м году’
<i>γrγa</i>	<i>γorγa</i> ДТС	<i>džire:</i> (эвенк.)	‘иноходец’ тюрк. > монг. > т.-ма.
<i>kölge</i>	<i>kölük</i> ДТС	<i>kuluk</i> (ма.)	‘скаун’ тюрк. > монг. > ма.
<i>morin</i>		<i>morin</i> (ма.)	‘лошадь’
<i>sarbaya</i>	<i>sarbaga</i> (алт.)		‘двухлетний жеребёнок’
<i>unayan</i>		<i>unuqan</i> (ма.)	‘жеребёнок до года’

Из таблицы изоглосс видно, что большая часть лексики, относящейся к лошадям, имеет соответствия во всех трёх языковых группах, однако самые базовые слова ('лошадь вообще', 'кобыла', 'жеребёнок') имеют только т.-ма. параллели и не имеют тюркских. Есть и слова, не имеющие параллелей ни в каких других языках алтайской семьи. Из этого можно сделать вывод, что монголы одомашнили лошадь в глубокой древности до обширных контактов с тюркскими племенами. Более конкретные слова, по-видимому, были позднее заимствованы от тюрков к монголам и дальше к тунгусо-маньчжурским народам.

Изучение лексики, относящейся к крупному рогатому скоту, даёт более размытую картину:

Монг. (СП)	Тюрк.	Т.-ма.	Перевод, комментарий
<i>buqa</i>	<i>buqa</i> ДТС	<i>buqa</i> (ма.)	'бык' тюрк. > монг. > т.-ма.
<i>birayun</i>	<i>buzayu</i> ДТС		'двухгодовалый телёнок'
<i>yunan</i>	<i>yunan</i> ДТС	<i>guna</i> (ма.)	'трёхгодовалый телёнок'
<i>tuyl</i>		<i>tuqšan</i> (ма.)	'телёнок до года' т.-ма > монг.
<i>üker</i>	<i>öküz</i> МА	<i>hukur</i> (эвенк.)	'корова, бык' тюрк. > монг. > т.-ма.
<i>üniyen</i>	<i>inek</i> ДТС	<i>üne:n</i> (ма.)	'корова' тюрк. > монг. > т.-ма.

Эта группа слов менее однородна, не содержит лексем, не имеющих параллелей в других алтайских языках, а также слов, собственно монгольского происхождения которых было бы несомненно.

Самая однозначная ситуация наблюдается в верблюдоводческой лексике:

Монг. (СП)	Тюрк.	Т.-ма.	Перевод, комментарий
<i>atan</i>			'холощённый верблюд'
<i>botuyan</i>	<i>botu</i> ДТС		'верблюжонок' тюрк. > монг.
<i>buruntay</i>	<i>burunduq</i> МА		'повод верблюда' тюрк. > монг.
<i>buçura</i>	<i>buçra</i> ДТС		'верблюд-самец' тюрк. > монг.
<i>inggen</i>	<i>ingen</i> МА	<i>jeңe</i> (сол.)	'верблюдица' тюрк. > монг.
<i>joydor</i>	<i>joydu</i> ДТС		'грива верблюда'
<i>temegen</i>	<i>tebä</i> ДТС	<i>temen</i> (ма.)	'верблюд' тюрк. > монг. > т.-ма.

<i>torom</i>	<i>torum</i> ДТС		‘двухлетний верблюжонок’ тюрк. > монг.
<i>qom</i>	<i>qom</i> ДТС		‘верблюжий потник’ тюрк. > монг.

Из получившейся в ходе исследования таблицы следует, что бóльшая часть монгольской верблюдоводческой лексики имеет тюркские параллели. А. М. Щербак предполагает, что «почти вся терминология, относящаяся к верблюдам, совпадает, так как верблюды стали известны монголам через тюрков» [Щербак 1997, 109]. В т.-ма. языках никаких соответствий монгольской верблюдоводческой лексике нет, кроме *temegen* и *inggen*, и то лишь в отдельных языках.

Ситуация с лексикой, относящейся к козам, практически аналогична:

Монг. (СП)	Тюрк.	Т.-ма.	Перевод, комментарий
<i>imayun</i>	<i>jimya</i> ДТС	<i>imaxu</i> (ма.)	‘коза’ уйг. > монг.
<i>išige</i>	<i>ečkü</i> (уйг.)		‘козлёнок’ уйг. > монг.
<i>serke</i>			‘холощёный козёл’
<i>teke</i>	<i>tekke</i> МА	<i>texe</i> (ма.)	‘козёл’
<i>uquna</i>			‘козёл-производитель’

Схождения между монгольскими и тюркскими языками в данной группе довольно старые.

Очень наглядный результат даёт исследование слов, относящихся к овцам:

Монг. (СП)	Тюрк.	Т.-ма.	Перевод, комментарий
<i>irgen</i>	<i>irk</i> (тур.)	<i>irge</i> (ма.)	‘валух’ тюрк. > монг. > т.-ма.
<i>qonin</i>	<i>qon</i> ~ <i>qoj</i> ДТС	<i>xonin</i> (ма.)	‘овца’ тюрк. > монг. > т.-ма.
<i>quca</i>	<i>qoç</i> МА	<i>xuse</i> (нан.)	‘баран’ тюрк. > монг. > т.-ма.
<i>qurayun</i>	<i>qozi</i> ДТС	<i>kurkan</i> (эвенк.)	‘ягнёнок’ тюрк. > монг. > т.-ма.

Все базовые слова имеют параллели во всех трёх группах языков, бесспорно, относящихся к алтайской семье, что говорит либо об общем происхождении этих слов (если принять алтайскую гипотезу), либо о раннем распространении овцеводства и, следовательно, связанной с ним лексики, среди народов-носителей данных языков.



Для полноты картины следует также рассмотреть основные слова для животных, которых монголы используют в хозяйстве, но которые не входят в *таван хошуу мал*.

Монг. (СП)	Тюрк.	Т.-ма.	Перевод, комментарий
<i>elʃgen</i>	<i>ešäk</i> ДТС	<i>eʃyen</i> (ма.)	‘осёл’ тюрк. > монг. > Т.-ма.
<i>gölüge</i>	<i>köšek</i>		‘шенок’ тюрк. > монг.
<i>luγusa</i>	<i>la</i> ДТС	<i>losa</i> (ма.)	‘мул’ кит. > монг., ма., тюрк.
<i>noqai</i>		<i>nioxe</i> (ма.)	‘собака’ ма. > монг.
<i>qačir</i> МА	<i>qatir</i> ДТС		‘лошак’ тюрк. > монг.
<i>γaqaɪ</i>		<i>gaya</i> (сол.)	‘свинья’ монг. > Т.-ма.

Сопоставление этих таблиц даёт следующие общие выводы:

- Самые старые слои монгольской хозяйственной лексики относятся к базовым названиям лошади (причём названия лошади делятся на две группы: основные (лошадь вообще, жеребёнок) и более конкретные (мерин, названия жеребят определённого возраста). Первые не имеют тюркских сходжений, но имеют т.-ма; вторые – наоборот), овцы (Названия овцы в монгольских языках все очень древние и имеют тюрк. сходжения) и собаки. Общее слово ‘лошадь’ неизвестного происхождения, ‘овца’ – тюркское, ‘собака’ – тунгусо-маньчжурское. Лексика, относящаяся к крупному рогатому скоту, появилась, вероятно, несколько позже и, возможно, тоже была заимствована через тюрк. Археологические данные подтверждают эти выводы: судя по находкам, в бронзовом веке монголы разводили лошадей, коров и овец, но в северных лесистых районах всё ещё жили охотой на диких зверей [Сэр-Оджав 1977, 57]; повозки, запряжённые быками и использовавшиеся при перекочёвках, появились в VI веке [Там же, 13].
- Из пяти традиционных для монголов видов скота верблюдов появился позже других. С разведением и использованием в хозяйстве верблюдов монголы познакомились через тюрк.
- Монгольские и т.-ма. языки имеют сходжения в области лексики, относящейся к животным, которых монголы разводят издревле, а также базовой животноводче-

ской лексики. Лексика высокоразвитого животноводства заимствована у тюрков (или из других языков через тюркские).

Исследование скотоводческой лексики неполно без обзора названий упряжи и различных предметов, связанных с использованием животных в хозяйстве, а также специфически употребляющихся только по отношению к домашним животным названий меха, шерсти, частей тела. Среди названий упряжи довольно много собственно монгольских слов, образованных от монгольских или заимствованных именных основ (СП *omoruḅci* ‘нагрудный ремень’ от *omoru* ‘грудь, ключица’, СП *amaḡai* ‘удила’ от *ama* ‘рот’, СП *dörügen* ‘стремя’ от *dörü* ‘кольцо из верёвки’), причём, по данным археологии, металлические удила и стремяна уже были известны на территории Монголии в VI–VIII вв. [Там же, 84]; это старейшие и основные элементы конской упряжи.

Подобное исследование имеет огромную ценность для изучения исторического развития монгольских языков. Оно позволяет проследить связь истории языка с историей культуры и сопоставить этапы развития хозяйства с периодами развития языка, что очень ценно, поскольку в таком случае известные данные о языке позволяют уточнить имеющиеся исторические сведения, а данные истории и археологии – подтвердить возникающие на базе языкового материала гипотезы о пути развития языка и времени и направлении заимствования отдельных групп слов. Кроме того, явно прослеживается значение контактов с другими языками в истории монгольских языков и наличие нескольких периодов таких контактов между тюркскими и монгольскими языками. Влияние тунгусо-маньчжурских языков оказалось менее значительным, но, вместе с тем, монгольско-тунгусо-маньчжурские схождения относятся к более древним пластам лексики.

#### Названия языков

бур. – бурятский	т.-ма. – тунгусо-маньчжурские
кит. – китайский	тур. – турецкий
ма. – маньчжурский	тюрк. – тюркские
монг. – монгольский	уйг. – уйгурский
сол. – солонский	эвенк. – эвенкийский
СП – старописьменный монгольский	

## Литература

- Сэр-Оджав 1977 – *Сэр-Оджав Н.* Монголын эртний түүх (археологийн найруулал). Улаанбаатар, 1977. 198 с.  
Щербак 1997 – *Щербак А. М.* Ранние тюрко-монгольские языковые связи (VIII-XIV вв.). СПб., 1997. 291 с.

## Словари

- Большой академический монгольско-русский словарь. М., 2001–2002. Т. 1–4.  
*Голстунский К. Ф.* Монгольско-русский словарь, СПб., 1894–1896. Т. 1–3.  
ДТС – Древнетюркский словарь. Л., 1969.  
Краткий русско-бурятский словарь. М., 1962.  
МА – *Потте Н. Н.* Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. М.;Л., 1938. Ч. 1–3.  
*Муниев Б. Д.* Калмыцко-русский словарь. М., 1977.  
*Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков: Обще-тюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974.  
*Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков: Тюркские и межтюркские основы на букву «б». М., 1978.  
Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1975–1977. Т. 1–2.  
*Черемисов К. М.* Бурятско-русский словарь. М., 1973.  
Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские лексические основы на букву "Қ". М., 2003. Вып. 2.  
Мэнгу юйцзу юйянь цыдянь / Сунь Чжу, Чжубянь, Чжаонасыту и др. Синин, 1990.

## СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ОТЫМЕННЫХ ГЛАГОЛОВ БУРЯТСКОГО И ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКОВ

Словообразовательные аффиксы бурятского и турецкого языков, благодаря расширению своих словообразовательных связей с различными производящими основами, становятся полисемантическими. Многие деривационные аффиксы давно стали непродуктивными и в современном словообразовании фактически не участвуют. Сохранившие же свою продуктивность аффиксы отличаются многозначностью, наглядно свидетельствующей о прямой зависимости их деривационных значений от лексического содержания производящей основы.

Таким образом, словообразовательные аффиксы оказываются наиболее гибким средством словообразования при появлении в языках новых понятий. В каждом из своих основных и частных значений они вовлекают слова лишь определенного семантического профиля, образуя строго очерченную стереотипную словообразовательную модель. Создается огромная возможность разнообразного их применения как в современном бурятском, так и в турецком языке.

### **Аффиксальная модель бур. -л (-ла, -лэ), тур. -la (-le)**

Словообразовательная модель с аффиксами бур. -л (-ла) и тур. -la (-le) считается одной из древнейших моделей глагольного словообразования в указанных языках. Глаголы, образованные посредством данных аффиксов, исчисляются сотнями, причем их количество продолжает расти. Что касается критериев древности словообразовательного аффикса в алтайском языковом регионе, то в практике исследовательской работы считается древним тот аффикс, который обнаруживает себя живым функционирующим аффиксом как в монгольских, так и в тюркских языках, и который является базой для образования последующих производных, вторичных аффиксов, например, в монгольских языках: -л, -ла, -лга, -лгаа, -лага, -лган, -лта, -шал, -бшал, -лда, -лса и т. д.; в тюркских языках: -л, -ла, -лан, -лаш, -лат, -ландыр, -лашдыр и т. д. [Дондуков У.-Ж. Ш., 1993, с. 66].

Характеризуя глаголы на аффиксы -л (-ла, -лэ), -la (-le) по их основам, следует отметить, что наибольшая их часть приходится на значение орудия и средства действия или обозначения результата, процесса действия, меньшая их часть приходится

на название процесса или его признака, предмета действия, более мелкие или незначительные доли приходится на значение формы (образа, вида, строения), места и направления, времени и субъекта действия. Ниже представлены глаголы, образованные от существительных: бур. *адислаха* ‘благословлять, давать благословение’ от *адис* ‘благословение’, *ажаллаха* ‘трудиться’ от *ажал* ‘труд’, *баярлаха* ‘радоваться, веселиться, приходиться в восторг’ от *баяр* ‘радость’, *бузарлаха* ‘загрязнять, засорять’, перен. ‘осквернять, поганить’ от *бузар* ‘грязь, нечистоты, перен. мерзость, гадость’, *тохолхо* ‘смазать’ от *тоhon* ‘масло’; тур. *avlamak* ‘охотиться’ от *av* ‘охота’; *cilâlamak* ‘лакировать, полировать’ от *cilâ* ‘лак’; *başlamak* ‘начинать, начинаться’ от *baş* ‘голова, начало’; *iğnelemek* ‘колоть, прокалывать иглой’ от *iğne* ‘игла’; *izlemek* ‘идти по следу, следить’ от *iz* ‘след’; *kolalamak* ‘крахмалить’ от *kola* ‘крахмал’. Глаголы, образованные от основ прилагательных: бур. *алаглаха* ‘испещрять, делать что-либо полосатым (пестрым)’ от *алаг* ‘полосатый, пегий’, *жэжэглэхэ* ‘размельчать, считать мелким’ от *жэжэг* ‘мелкий’; *соохорлохо* ‘пестреть’ от *соохор* ‘пестрый’; *сэбэрлэхэ* ‘чистить, очищать’ от *сэбэр* ‘чистый’; *харлаха* ‘темнеть, чернеть’ от *хара* ‘черный’; *хооолохо* ‘опорожнять, опустошать’ от *хооон* ‘пустой’; тур. *anaçlamak* ‘состариться в делах, приобрести большой опыт’ от *anaç* ‘опытный в делах, хитрый’; *genişlemek* ‘расширяться’ от *geniş* ‘широкий, просторный’; *kurulamak* ‘вытирать насухо’ от *kuru* ‘сухой’; *sangılamak* ‘изумляться, поражаться’ от *sangı* ‘изумленный, пораженный’; *temizlemek* ‘чистить, очищать’ от *temiz* ‘чистый’; *ucuzlamak* ‘дешеветь’ от *ucuz* ‘дешевый’; *zayıflamak* ‘слабеть, худеть’ от *zayıf* ‘слабый, немощный, худой’.

В тюркских языках непереходные глаголы состояния на *-la (-le)* стали создаваться при помощи сочетания с внутриглагольным словообразованием на *-n* и на *-ş*, превратившимся в последствии в самостоятельные отыменные деривационные формы на *-lan* и *-laş* со значением ‘приобрести свойство, названное производящей основой’, например, тур. *canlanmak* ‘оживать’ от *can* ‘душа’, *sabırsızlanmak* ‘выходить из терпения’ от *sabırsız* ‘нетерпеливый’, *birleşmek* ‘соединяться’ от *bir* ‘один’, *iyileşmek* ‘улучшаться’ от *iyi* ‘хороший’ и т.д.

### **Аффиксальная модель бур. -р (-ра), тур. -ar (-er), -r**

Сочетаемость бурятского аффикса -р (-ра) с различными по происхождению производящими основами свидетельствует о том, что данный аффикс является одним из наиболее продуктивных в глагольном словообразовании. Данный аффикс является как бы антиподом аффикса -ла, так как с его помощью образуются непереходные глаголы, преимущественно пассивного характера, имеющие следующее семантическое значение: 'проявлять и испытывать внутреннее состояние и свойство во внешнем поведении, движении, в физическом состоянии человека' (бур. *дошхорхо* 'горячиться' от *дошхон* 'горячий, резвый'); явления и состояния природы (*үдэшиэрхэ* 'вечереть' от *үдэшиэ* 'вечер'); качества (*модохирхо* 'деревенеть' от *модохи* 'деревянный'); органические процессы и явления (*үбгэрхэ* 'стареть, стариться' от *үбгэн* 'старик').

В тюркских языках показатель -ar в качестве глаголообразующей формы отмечается специалистами во всех языках тюркской группы. Н. К. Дмитриев, Л. Н. Харитонов, А. Н. Кононов считают его продуктивным, у остальных исследователей грамматик высказываний по этому поводу не встречаются. Можно отметить, что в сравнении с якутским языком, в котором при помощи -ar образовано большое количество слов, в других тюркских языках таких глаголов немного, причем все они, за исключением единичных случаев, образованы от древних односложных именных корней, неразложимых основ типа *ағ, агыр, боз, гэбе, өзге, булт, аймах, жаңы, ескі, уз, бай, delii, кауғи, тор, жаш, көк, күүс, хуу, хуба* и т. д. или древнейших образований *яхшы // жакшы // жаксы, сывах* (обще-тюрк. *яғук // явук*), *кысқа // кыса, эрмегү* и некоторых других, восходящих к архаическим глаголам. Среди примеров, которые нельзя считать исчерпывающими, имеются две основы иранского происхождения (*оста // уста* и *ган*) и одна основа, заимствованная из русского (*чист*). Поскольку последняя отмечается в татарском языке, правильно считать, что в нем продуктивность показателя -ar еще не совсем исчезла. Во всяком случае, в ближайший период, когда могло проникнуть в татарский язык русское заимствование *чист* (*чистар* 'очищаться'), аффикс -ar был еще продуктивным. Все остальные глаголы, приводимые ниже, можно считать достаточно старыми образованиями, не исключая и глаголы с иранскими по происхождению основами, поскольку тюркско-иранские языковые связи берут начало с

весьма ранних периодов истории тюркских и иранских племен и народов.

Итак, приведем примеры глаголов, образованных от основ существительных: бур. *бархирха* ‘кричать, орать’ от *бархи* ‘крики, вопли’; *талмайрха* ‘простираться, распространяться’ от *талмай* ‘площадь, поляна’; *толорхо* ‘излучать свет, светиться’ от *толон* ‘свет, луч’; *үбгэрхэ* ‘стареть, стариться’ от *үбгэн* ‘старик’; *үмхирхэ* ‘гнить, тлеть’ от *үмхи* ‘гниль, труха’; *үһээрхэ* ‘идти (о затяжном дожде)’ от *үһээ* ‘затяжной дождь’; тур. *başarmak* ‘заканчивать, завершать’ от *baş* ‘голова’; *evermek* ‘выдавать замуж, женить’ от *ev* ‘дом’; *kayğırmak // kayırmak* ‘заботиться, печься, огорчаться, печалиться, защищать, покровительствовать’ от *kayğı* ‘забота, дума, горе, грусть’; *sirtarmak* ‘приклоняться спиной, подкрепляться, проявлять смелость, противиться, сопротивляться’ от *sirt* ‘спина, хребет, гребень (горы)’; *suvarmak* ‘орошать, поливать’ от архаичной формы *suv* ‘вода’; *tozarmak* ‘превращаться в пыль’ от *toz* ‘пыль’.

От основ прилагательных: бур. *алмайрха* ‘быть рассеянным’ от *алмай* ‘беспечный’; *амидырха* ‘оживать, воскресать’ от *амиды* ‘живой’; *галзуурха* ‘беситься’ от *галзуу* ‘бешеный’; *дулаарха* ‘потеплеть’ от *дулаан* ‘теплый’; *удаарха* ‘длиться, замедляться’ от *удаан* ‘медленный’; *уйтарха* ‘суживаться, становиться тесным’ от *уйтан* ‘узкий’; *ухаарха* ‘линять, выцветать’ от *ухаа* ‘каурий (о масти), светлокштановый’; тур. *ağarmak* ‘побелеть, выцветать’ от *ak(ğı)* ‘белый’; *bayırmak* ‘богатеть, обогащаться’ от *bay* ‘богатый’; *bozarmak* ‘становиться серым, терять прежний цвет’ от *boz* ‘серый’; *delirmek* ‘сходить с ума’ от *deli* ‘сумасшедший, безумный’; *göğermek* ‘становиться голубым’ от *gök(gü)* ‘голубой’; *kararmak* ‘(по)чернеть, (по)темнеть’ от *kara* ‘черный’; *morarmak* ‘становиться фиолетовым’ от *mor* ‘фиолетовый’; *yaşarmak* ‘становиться мокрым, увлажняться, отсыревать’ от *yaş* ‘мокрый, влажный, сырой’.

**Аффиксальная модель бур. -рха (-рхэ, -рхо), -рхаг (-рхэг, -рхог), тур. -irga (-irke), -irga (-ürke)**

Как отмечает Э. В. Севортьян, Г. Рамстедт, этимологизируя аффикс в виде *-ra-* + *-ga-*, рассматривал его генетически в качестве древней побудительной формы глаголов на *-ra-*. Рамстедт считал форму *-irga-* чисто монгольской и поэтому допускал заимствованный характер всех глаголов на *-irga-* в тюркских языках. Глаголы с данным показателем отмечает также Ж. Дени, указывая, что аффикс *-irga-* выражает различные поня-

тия и присоединяется то к именным, то к глагольным основам. [Севортян Э. В., 1962, с. 327].

В бурятском языке с помощью продуктивного аффикса *-рха* (*-рхэ*, *-рхо*) образуются глаголы, обозначающие хвастовство, кичливость, чванство, например, *хабархаха* ‘кичиться своей силой, быть задирой’ от *хаба* ‘мощь, сила’; проявление в значительной степени того (или свойство того), что выражено в производящей основе, например, *эзэрхэхэ* ‘действовать силой, господствовать, вести себя как хозяин’ от *ээн* ‘хозяин, обладатель’; негативное восприятие того, что выражено в производящей основе, например, *бороорхохо* ‘испытывать недомогание, предчувствуя дождь, бояться дождя, воздерживаться от чего-либо по случаю дождя’ от *бороо* ‘дождь’, *утаархаха* ‘избегать дыма, страдать от дыма’ от *утаан* ‘дым’.

Как и большинство непродуктивных форм архаического образования, аффикс *-irga-* сохранился в тюркских языках в ограниченном числе глаголов, основная часть которых уже учтена и неоднократно приводилась в работах, посвященных вопросам словообразования. В «Грамматике алтайского языка» значение производных глаголов на *-ырга* описывается следующим образом: «Приставка *-рка...* дает производным от имен глаголам значение: свойство или состояние, а часто претензию на свойство, означаемое коренным именем, выражать своим внешним видом и положением: выражением лица, манерами и соединенными с ними словами, например: *санарка-* ‘быть и казаться озабоченным, грустить’ от *сана* ‘мысль, забота’, *ачурка-* ‘печалиться’ от *ачу* ‘печаль’, *пайырка-* ‘гордиться богатством’ от *пай* ‘богатый’, *кучурке-* ‘гордиться силой’ от *куч* ‘сила’» [Грамматика алтайского языка, 1869, с. 48].

В турецком языке аффикс *-irga* не получил широкого применения, и глаголы, образованные посредством данного аффикса, встречаются крайне редко: *yadırganmak* ‘отвыкать, забывать, чуждаться’ от прилагательного *yad* ‘чужой’, *başırғанmak* ‘страдать от кошмаров’ от глагола *başmak* ‘давить, жать, теснить’, *kısırganmak* ‘скупиться, отказывать в чем-либо, жалеть’ (значение то же, что и в глаголе *esirgemek*) от глагола *kısmak* ‘жалеть, скупиться’ и др.



### Аффиксальная модель бур. *-ca* (*-сэ, -со*), тур. *-sa* (*-се*), *-si* (*-си*), *-su* (*-сү*)

В бурятском языке глагольные основы, образованные с помощью продуктивного аффикса *-ca*, имеют значения: 'испытывать что-либо', 'заниматься чем-либо', 'делать что-либо'. В турецком языке непродуктивный аффикс *-sa*, представляющий собою архаичный формант желательного наклонения, образует основы со значением: 'желать что-либо', 'иметь намерение', 'считать кого-либо за что-либо', 'рассматривать как что-либо'. Обратимся к примерам.

От основ существительных: бур. *амсаха* 'пробовать, отвеживать' от *аман* 'рот'; *долгисохо* 'волноваться (о человеке)' от *долгин* 'волна', *зугаасаха* 'веселиться, развлекаться' от *зугаа* 'веселье, развлечение'; *зэргэсэхэ* 'выстраиваться в ряд' от *зэргэ* 'ряд, ряды'; *мэдээсэхэ* 'сообщать, информировать' от *мэдээн* 'сведения, данные, сводка'; *харюусаха* 'отвечать требованиям, отвечать, нести ответственность' от *харюу* 'ответ'; тур. *boğasımak* 'хотеть буйвола' от *boğa* 'буйвол'; *bönsemek* 'впадать в детство, становиться слабоумным' от *bön* 'глупец, идиот'; *gürüksümek* 'клохтать, кудахтать' от *gürük* 'наседка'; *kanıksımak* 'жаждать крови' от *kan* 'кровь'; *susamak* 'жаждать, испытывать жажду, хотеть пить' от *su* 'вода'; *tütünsemek* 'хотеть курить' от *tütün* 'табак'; *yüksümek* 'считать обременительным, тяжелым' от *yük* 'бремя, ноша, тяжесть, выюк'.

От основ прилагательных: бур. *бүлээсэхэ* 'становиться теплым, нагреваться' от *бүлээн* 'теплый'; *дабхасаха* 'ставить одно на другое, удваивать' от *дабхар* 'двойной'; *дулаасаха* 'греться у огня, согреваться' от *дулаан* 'теплый'; *хэрюусэхэ* 'прохлаждаться, освежаться' от *хэрюун* 'прохладный, свежий'; тур. *garipsemek* 'тосковать (по близким, друзьям), чувствовать себя одиноким' от *garip* 'чужой, одинокий, несчастный'; *güçsümek* 'причинять затруднения' от *güç* 'трудный'; *mühimsemek* 'считать важным' от *mühim* 'важный'.

### Аффиксальная модель бур. *-ша* (*-шэ, -шо*), тур. *-şa* (*-ше*), *-ça* (*-че*), *-çi* (*-чи*), *-ca* (*-се*), *-ci* (*-си*)

В бурятском языке данный аффикс образует непереходные глаголы, обозначающие появление в предмете того (или склонности к тому), что выражено в производящей основе, например: *амташаха* 'пристраститься к чему-либо, входить во вкус' от *амтан* 'вкус', *эжэлишэхэ* 'сближаться, привыкать к ко-

му-либо, сойтись с кем-либо' от *эжэл* 'закадычный друг', 'принадлежащий одному стаду или двору (о животных)'.

Словообразовательный аффикс глаголов на *-ша* в тюркских языках, как отмечается в грамматиках по тюркским языкам, считается непродуктивным, за исключением только киргизского языка, который контактировал с монгольскими языками на протяжении многих веков и в котором насчитывается значительное количество глагольных основ, образованных посредством этого аффикса [Дондуков У.-Ж. Ш., 1993, с.75]. Примеры: бур. *аршаха* 'чистить, очищать, вычищать, стирать, обтирать, вытирать' от тюрк. *ар* < *ару* 'чистый'; монг. *арчи* 'чистить, очищать, вычищать, стирать; вытирать'; кирг. *аарчы* 'чистить, очищать, отчищать' от *аруу* 'чистый', известного в тат. *ару* id; бур. *жэгишэхэ* 'чувствовать отвращение, гнушаться, ненавидеть' от *жэг* 'хитрость, лукавство'; кирг. *шекиш-* // *шек-си-* 'подозревать, относиться с подозрением, сомневаться' от *шек* 'сомнение'; бур. *хушаха* с элизией *-р-* означает 'покрывать, накрывать, крыть, оградить чем-либо' от *хур* // *гур* 'пояс', известное в киргизском, хакасском, якутском языках в виде *хур* 'пояс'; хакас. *хурча*, азерб. *гуршаман* 'надевать пояс на кого-либо, опоясывать' от *гур* > *хур* 'пояс' [см.: Там же]. В турецком же языке данный глагол сохранился в возвратной и побудительной формах с утратой *-р-*, как в монгольских языках, например, *kuşanmak* 'опоясываться', *kuşatmak* 'опоясывать, окружать'.

Особенность аффикса *-ша* заключается в том, что он может образовывать глагольную основу как от именных, так и от глагольных производящих основ, что в некоторой степени проясняет ту особенность, благодаря которой данная словообразовательная модель имеет различную продуктивность в образовании глагольных основ, например, в монгольских языках сохранила свою былую продуктивность, а в тюркских нет.

В результате проведенного исследования на материале реально существующих непрерывно появляющихся производных слов, образованных посредством различных словообразовательных аффиксов, выявлены основные устойчивые модели словообразования глаголов от именных основ в рассматриваемых языках, которые, в свою очередь, дали возможность осмыслить и систематизировать конкретное разнообразие возникающих слов. Как выяснилось из анализа данного материала, почти все аффиксальные формы глаголообразования в бурятском и турецком языках, за редкими исключениями, в сущности, повторяют друг друга в семантическом отношении, в ре-

зультате чего наблюдается ряд лексических совпадений глагольных форм разного происхождения. Среди всех глаголообразующих показателей тюркских языков наиболее гибким и семантически емким оказался аффикс *-ла-* и его производные, явившиеся «наследниками» накопленных в истории тюркских языков глагольных значений, важных для общения и познания. Вот почему аффикс *-ла-* сосуществует параллельно не только со своими производными формами, но во многих случаях вместе со своими производными формами повторяет значения ряда глаголов, образованных при помощи древнейших аффиксов. Представленные языковые примеры не исчерпывают полноты и многообразия словообразовательных аффиксов отыменных глаголов.

### Литература

- Бабушкин С. М.* Бурятско-русский словарь. Улан-Удэ, 2004.  
Грамматика алтайского языка, составленная членами алтайской миссии. Казань, 1869.
- Дмитриев Н. К.* Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948.
- Дондуков У.-Ж. Ш.* Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. Улан-Удэ, 1964.
- Дондуков У.-Ж. Ш.* Словообразование монгольских языков. Улан-Удэ, 1993.
- Дыренкова Н. П.* Грамматика хакасского языка. Абакан, 1948.
- Кононов А. Н.* Грамматика турецкого языка. М.; Л., 1941.
- Лувсандэндэв А.* Монгол-орос толь. М., 1957.
- Севортян Э. В.* Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962.
- Юсипова Р. Р.* Турецко-русский словарь. М., 2005.

## УПОТРЕБЛЕНИЕ ПОКАЗАТЕЛЯ ГЛАГОЛЬНОЙ МНОЖЕСТВЕННОСТИ В КАЛМЫЦКОМ И ДРУГИХ МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

### 1. О предикатной множественности в монгольских языках

Существует ряд работ, посвященных предикатной множественности ([Dressler 1968], [Храковский 1989] и др.). Необходимо остановиться на статье И. Б. Долининой [Долинина 1996], где различается два типа предикатной множественности:

1. Темпоральная множественность, которая означает множественность ситуаций с одинаковым составом участников. В ней можно выделить итеративную множественность («расчлененность действий во времени» [Долинина 1996: 226] по [Шлуинский 2005: 27]) и мультипликативную множественность («объединенность действий в некий единый процесс» [Долинина 1996: 226] по [Шлуинский 2005: 27]).

2. Дистрибутивная множественность, которая означает множественность ситуаций с разным составом участников.

В калмыцком языке существует т.н. суффикс глагольной множественности *-сха-* / *-схӓ-*. Этот суффикс является факультативным. Возникает ряд вопросов: является ли этот показатель всего лишь согласованием по числу, и в каких случаях он может (а в каких – не может) употребляться?

В других монгольских языках есть аналогичный показатель глагольной множественности. Так, в бурятском языке суффикс *-sagaa-* / *-segee-*, по мнению А. А. Дарбеевой [Дарбеева 1997: 44], является показателем «учащательного вида» (*хэлсэгээ* ‘поговаривать’). В могольском языке зафиксирован показатель *-cagha-* / *-cigha-* (множественность участников ситуации)<sup>1</sup> [Weiers 2003: 253], а в монгорском языке – *-qaghaa-* (множественность)<sup>2</sup> [Georg 2003: 294].

Г. Д. Санжеев [Санжеев 1963: 66] называет этот показатель суффиксом учащательного вида: «Суффикс учащательного вида халх. *-цгаа*, бур. *-сагаа*, калм. *-цхаа*, класс. *-чаҗа* образует глаголы, обозначающие действие, которое совершается многими или (в речи об одном предмете) как бы многократно и повторно... Подобные глаголы могут быть образованы почти от

<sup>1</sup> “Actions performed by many actors (pluritative or verbal plural)”.

<sup>2</sup> “Pluritative”.

любой глагольной основы и употребляются довольно широко во всех языках<sup>1</sup>. Характерно, что эта глагольная форма ныне начинает применяться лишь в речи о многих, т.е. превращается по существу в форму множественного числа».

3. В. Шевернина [Шевернина 1985] пишет о трех разных взглядах на грамматическую природу суффикса *-sgaa-* в монгольском и приводит аргументы в пользу или против этих подходов. Она отмечает несколько особенностей в употреблении этого показателя [Там же: 141]:

1. Употребляется «только по отношению к одушевленному исполнителю действия»;

2. «Не вносит лексических изменений и не меняет грамматических отношений между субъектом, действием и объектом исходного глагола»;

3. Имеет семантику множественного числа, связан с множественностью субъекта;

4. Имеет значение совместной множественности (характеризует субъект как совокупность исполнителей);

5. «Подлежащее всегда имеет значение множ. числа, которое выражается у существительных и местоимений показателями множественного числа и собирательности, а также в виде именных словосочетаний с количественным значением, словами с собирательным значением и т.п. Замена множественного субъекта на единичный невозможна» [Там же: 142];

6. Отсутствует значение многократности действия.

Автор статьи приходит к выводу о том, что суффикс *-sgaa-* является показателем «совокупно-множественного залога», а не глагольного вида или согласования<sup>2</sup>.

Природа показателя глагольной множественности в монгольских языках до сих пор не ясна. Каждый исследователь предлагает свою точку зрения. Тем не менее, можно выделить общее значение множественности для всех упомянутых суффиксов: показатель может означать либо множественность ситуаций («темпоральная множественность» по [Долинина

---

<sup>1</sup> Несмотря на то, что «они употребляются довольно широко во всех языках», упоминание этого суффикса встречается далеко не во всех грамматических описаниях монгольских языков. Возможно, это говорит о том, что в других монгольских языках, как и в калмыцком, этот суффикс употребляется факультативно.

<sup>2</sup> Необходимо иметь в виду, что ‘залог’ в данном случае имеет значение не маркированной диатезы, а «характеристики субъекта действия» [Шевернина 1985: 144].

1996]), либо множественность участников ситуации («дистрибутивная множественность» по [Долинина 1996] и [Храковский 1989]), либо совмещение обоих типов множественности.

## 2. Суффикс *-сха-* / *-схә-* в калмыцком языке

Считается, что суффикс *-сха-* выражает согласование подлежащего со сказуемым (см., напр., [Пюрбеев 1997]).

У. У. Очиров [Очиров 1964: 31–32] приводит три случая, в которых сказуемое может «согласовываться» с подлежащим в числе:

1. Если подлежащее выражено одушевленным существительным во мн.ч.

(1) *küükädə surqul' sur-cxa-na*  
дети.PL учеба учиться-PLR-PRS  
'Дети учатся'<sup>1</sup>.

2. Если подлежащее выражено собирательным именем существительным.

(2) *äm-tən ködəlməsh-tə qar-cxa-v*  
жизнь-with.COLL работа-DAT выходить-PLR-PST  
'Люди (народ) вышли на работу'.

3. Если подлежащее выражено указательным местоимением мн.ч.

(3) *edən balqəsə or-cxa-v*  
эти город ехать-PLR-PST  
'Эти уехали в город'.

По материалам, собранным в ходе летней экспедиции 2006 года в респ. Калмыкия, можно отметить следующие особенности в употреблении суффикса *-сха-*:

1) Суффикс *-сха-* является факультативным, т. е. во всех случаях, когда он употребляется, он может и не употребляться:

(4) *shovu-d nis-chə chad-na / chad-cxa-na*  
птица-PL лететь-CV.IPFV уметь-PRS / уметь-PLR-PRS  
'Птицы умеют летать'.

2) Употребление суффикса *-сха-* не связано с объектом действия:

(5) *bi en degtər-müd bagsh-nər-asə av-na-v / \*av-cxa-na-v*  
я этот книга-PL учитель-PL-ABL брать-PRS-1SG /  
брать-PLR-PRS-1SG  
'Я беру эти книги у учителей'.

---

<sup>1</sup> Примеры (1), (2) и (3) взяты из [Очиров 1964: 31–32]. Глоссирование мое – С. О.

3) Показатель множественного числа у субъекта может отсутствовать.

(6) *adun teeg-är gūü-dhə jov-cxa-na*  
табун степь-INS бежать-CV.IPFV идти-PLR-PRS  
‘Табун лошадей бежит по степи’.

Этот пример не совсем похож на пример (2) тем, что здесь у подлежащего нет показателя собирательности *-tən*, как во всех примерах, которые приводит [Очиров 1964], хотя значение собирательности присутствует.

(7) *alymən shirä deerə kevt-cxä-x-shə*  
яблоко стол на лежать-PLR-PC.FUT-NEG  
‘Яблоки не лежат на столе’

Пример (7) также является аргументом в пользу того, что суффикс *-cxa-* не является показателем согласования по числу. Но материала пока недостаточно, чтобы говорить об этом с полной уверенностью.

4) Суффикс *-cxa-* не употребляется, если субъект является неисчисляемым именем.

(8) *öckälydür dala usən \*bää-cxä-lä*  
вчера много вода быть-PLR-CONF  
‘Вчера было много воды’

5) Суффикс *-cxa-* может употребляться независимо от того, выражено ли подлежащее одушевленным или неодушевленным существительным:

(9) *cholu-d sadən dorə kevt-cxä-nä*  
камень-PL дерево под лежать-PLR-PRS  
‘Камни лежат под деревьями’

Были замечены и некоторые другие особенности употребления *-cxa-*, но они требуют более подробного изучения, поскольку встречаются только в отдельных идиолектах информантов.

### Выводы

Суффикс *-cxa-* надо считать скорее показателем дистрибутивной множественности, чем темпоральной (по [Долинина 1996]).

Суффикс *-cxa-* не является обязательным. Видимо, как и в других монгольских языках, он, скорее всего, не является выражением согласования с подлежащим.

Имеются отдельные примеры, которые позволяют предположить, что на употребление рассматриваемого показателя могут влиять видо-временные отношения. Однако материала пока недостаточно, чтобы делать обоснованные выводы.

### Список сокращений (гlossы)

CONF (confirmative) – форма "преждепрошедшего" времени  
CV.IPFV – соединительное деепричастие  
PC.FUT – причастие будущего времени  
PLR – глагольная множественность  
with – совместный падеж  
with.COLL – собирательное

### Литература

- Дарбеева А. А.* 1997. Бурятский язык // Алпатов, В.М. и др. (ред.). Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-манчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М.: Индрик. С. 37–51.
- Долнина И. Б.* 1996. Количественность в сфере предикатов (категория «глагольной множественности») // Бондарко, А. В. и др. (ред.) Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. СПб: Наука.
- Очиров У. У.* 1964. Грамматика калмыцкого языка: Синтаксис. Элиста: Калмгосиздат.
- Пюрбеев Г. Ц.* 1997. Калмыцкий язык // Алпатов В.М. и др. (ред.). Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-манчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М.: Индрик. С. 73–87.
- Санжеев Г. Д.* 1963. Сравнительная грамматика монгольских языков: Глагол. М.
- Храковский В. С.* 1989. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Храковский, В. С. (ред.) Типология итеративных конструкций. Л.: Наука.
- Шеввернина З. В.* 1985. Глагольный суффикс *-цгаа* в современном монгольском языке // Санжеев, Г. Д. (ред.) Монгольский лингвистический сборник. М.: Наука. С. 140–145.
- Шлуинский А. Б.* 2005. Типология предикатной множественности: количественные аспектуальные значения: Рук. канд. дисс. М.
- Georg S.* 2003. Mongghul // Janhunen, Juha (ed.). The Mongolic languages. London: Routledge. P. 286–306.
- Dressler W.* 1968. Studien sur verbalen Pluralität. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften. – *non vidi*.
- Weiers M.* 2003. Moghol // Janhunen, Juha (ed.). The Mongolic languages. London: Routledge. P. 248–264.



## О ТЮРКСКОМ ВЛИЯНИИ НА РАЗВИТИЕ МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ<sup>1</sup>

При изучении истории формирования современных монгольских языков перед исследователем встает сразу несколько проблем, связанных с рядом существенных моментов. Прежде всего с тем, что монгольские языки образуют семью монгольских языков и тем самым все наследуют основные черты строя общемонгольского праязыка, выраженные в общих элементах не только на фонетическом и грамматическом уровнях, но и в словарном составе, в сохранении ядра общемонгольской лексики. Кроме того, при наличии заимствованных элементов, проникших в монгольские языки еще на общемонгольском уровне, они в основном хорошо сохраняются и в современных монгольских языках. Далее. В длительном процессе распада общемонгольской языковой общности и формирования современных монгольских языков на промежуточных стадиях образовывались языковые ареалы, в рамках которых и происходило их формирование. Первоначально – восточного и западного ареалов.

Восточный ареал был связан, видимо, с киданьским этносом. Языком-потомком этого ареала считается современный дагурский язык. Предварительные сравнительно-исторические исследования монгольских языков и диалектов данного ареала показывают, что он в общих чертах соответствует географической зоне Внутренней Монголии КНР. Здесь помимо сильного китайского влияния имеются явные следы не менее сильного влияния тунгусо-маньчжурских языков. Причем это влияние особенно заметно в дагурском языке.

Западный ареал, точнее, северо-западный, представлял группу языков тех монгольских племен, которые перемещались на запад, в сторону Центральной Азии, где они вступали во взаимодействие с обитавшими там тюркскими племенами. Взаимодействовали соответственно и их языки. При этом северо-западный ареал составляли языки монгольских племен, полувосточных в китайских летописях название *шивей*. В недрах

---

<sup>1</sup> Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант № 06-04-00178а).

этого ареала формировались современные халха-монгольский, баргу-бурятский и ойратские языковые группы.

Такое различие в результатах влияния внешнего воздействия на развитие монгольских языков в разных их ареалах получает объяснение историческими причинами: различиями в эволюционных процессах этногенеза разных монгольских этнических групп. Так, специалистом по этногенезу народов Центральной Азии П. Б. Коноваловым [1999; 2002] выдвигается достаточно аргументированная гипотеза о наличии двух ветвей монгольского этногенеза – западной и восточной.

Этими причинами по всей вероятности и объясняется, по нашему мнению, наличие огромного количества тюркизмов в халха-монгольском, ойратском и бурятском языках и тунгусо-маньчжуризмов в монгольских языках и диалектах Внутренней Монголии и Китая.

Отдельную историю формирования представляют собой так называемые периферийные монгольские языки – могольский (язык афганских моголов), монгорский, баоаньский, дунсянский и язык желтых уйгуров (КНР). Эти языки образовались в послеюаньский период, после распада монгольской империи Юань. На их формирование сильное влияние оказали тибетский язык и китайские диалекты, с которыми в течение многих столетий, начиная с XIII–XIV вв., контактировали языки тех монгольских племен, которые в качестве военной силы сопровождали монгольских наместников, управлявших завоеванными провинциями. После распада империи Юань эти монгольские племена остались на завоеванных прежде землях и частично смешались с местным населением, частично сохранились, удержав тот вариант средневекового монгольского языка, на котором говорили их предки в ту отдаленную юаньскую эпоху. Лишенные в течение многих столетий контактов с коренными монгольскими племенами, эти «периферийные» монголы сохранили в своих языках многие черты средневековых монгольских языков.

Изучение иноязычного влияния на развитие монгольских языков в отечественном монголоведении началось давно. Так, еще акад. Б. Я. Владимирцов издал ряд основополагающих работ, в которых положил начало изучению иноязычных элементов в монгольских языках: тюркских [1911, с. 153–184], арабских [1930, с. 73–82], иранских [1925, с. 331–340]. О том, что эти работы и до сих пор не утратили своего большого значения для сравнительно-исторической монголистики, писал в свое

время Г. Д. Санжеев [1958, с. 22–28] в статье, посвященной памяти акад. Б. Я. Владимирцова.

Работа по выявлению иноязычного влияния на монгольский язык велась и в самой Монголии, результатом чего является ряд статей, а также кандидатских диссертаций, в которых изучены, например, тибетские [Жамбалсурен 1961] и санскритские [Сухбаатар 1992] элементы в монгольском языке. Результаты подобных исследований подытожены в «Словаре иностранных слов монгольского языка» [Сухбаатар 1999], включающем около 1100 слов, вошедших в монгольский язык из других языков, в том числе и из тюркских.

Если выявление заимствований из иноструктурных языков, как, например, из арабского, тибетского, китайского, индоевропейских, в том числе из санскрита и русского, в общем-то не представляют особых затруднений, то определение слов и грамматических элементов, взятых из родственных, пусть и гипотетически, алтайских языков, является делом трудным. Хотя тюрко-монгольскими языковыми отношениями занимались многие, но лишь у отдельных исследователей можно найти достаточно четкие критерии, согласно которым они отличают тюркские слова от монгольских [Рона-Таш 1974]. В последнее десятилетие проблему тюрко-монгольских языковых отношений в отечественной науке наиболее глубоко в специальных монографиях разрабатывал А. М. Щербак [1997; 2005].

Менее всего изучены взаимоотношения монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Из отечественных работ здесь следует назвать основополагающее исследование Г. Д. Санжеева, посвященное выявлению общих элементов монгольского и маньчжурского языков [Санжеев 1930].

В связи с тем, что взаимодействие тюркских и монгольских языков уходит своими корнями в глубокую древность, в монгольских языках имеется великое множество различных элементов, причём как лексических, так и грамматических, носящих по всем критериям явный тюркский характер. При этом по определенным признакам все тюркизмы современных монгольских языков (пока мы рассматриваем здесь лишь лексические заимствования) по временной стратификации распадаются на древние, средневековые и современные. В отношении дистрибуции по языкам они делятся на общемонгольские, ареальные и относящиеся к отдельным монгольским языкам.

В современных монгольских языках выявилось немало слов явно тюркского происхождения, носящих общемонголь-

ский характер. Они проникли в монгольские языки еще на уровне общемонгольского праязыка и представлены во всех монгольских языках. К таким словам относятся, например, названия некоторых металлов и веществ (монг. *алтан* < тюрк. *алтун* ‘золото’, монг. *тэмүр* < тюрк. *тэмир* ~ *тэмүр* ‘железо’), почти все названия домашних животных, кроме терминов по лошади, свинье и собаке (монг. *үнийэн* < тюрк. *инэк* ~ \**инүк* ‘корова’, монг. *тэмэгэн* < тюрк. *тэбэ* ‘верблюд’, монг. *конин* < тюрк. *кой* ~ *койын* ‘овца’), термины по ландшафту, по общественным отношениям, армии и т.д. Именно эти и подобные им слова обычны для европейских и отечественных работ по компаративистике, потому что все они представлены в старописьменном монгольском языке и в средневековых монгольских памятниках, а также в современных литературных монгольских языках. Этими словами востоковеды начали заниматься еще в позапрошлом и прошлом веках, и по ним накопилась большая литература на европейских и русском языках как в плане алтаистики, так и в аспекте тюрко-монгольских языковых взаимоотношений.

Кроме общемонгольских, выделяются тюркизмы, пришедшие еще в древний монгольский язык и сохранившиеся лишь в старописьменном монгольском языке. К ним можно отнести, например, стп.-м. *джилан* в словосочетании *джилан хушуу сумун* ‘стрела с уплощенным наконечником’, восходящее к общетюркскому слову *джылан* ~ *йылан* ‘змея’ (< общетюрк. *джыл*= ~ *йыл*= ‘ползти извиваясь’), т.е. это стрела с плоским острым наконечником, напоминающем в общих чертах плоскую змеиную голову. Сюда же можно отнести и стп.-м. *уруг тариг* ‘все родственники’, ‘вся родня’, которое соответствует древнетюркскому *уруг тарыг* ‘родственники’, современному тувинскому *уруг-дарыг* ‘дети, детвора’ и тофаларскому *уруг-дарыг* ‘все родные дети’; ‘все родственники в совокупности’. При этом каждый компонент этого парного слова в тюркских языках имеет еще другие значения, например, в др.-тюрк. *игиу* ‘зерно, семя, косточка’; ‘род, потомство’, а *тарыг* ‘зерно, злаки, хлеб, просо’ < тюрк. *тары*= ‘сеять хлеб’, ‘заниматься хлебопашеством’.

В памятниках средневекового монгольского языка тоже выявляется заметное количество слов тюркского происхождения. Так, специальный анализ языка «Сокровенного сказания монголов» 1240 года позволил нам установить, что в нем представлены такие явные тюркизмы, как *алашас* ‘кони’, *ал* ‘крас-

ный, алый', *алгинчи* 'передовой отряд, головной пикет, дозорный', *алачук* 'палатка, шатер, шалаш', *оурчак* ~ *оорчак* 'разбойники', *олук йасун* 'мертвые кости', *утураку* 'идти впереди всех' и т. д. В словаре «Мукаддимат ал-Адаб», содержащем монгольский языковой материал XIV века, бытовавший в свое время в Средней Азии, тоже выявляется немало тюркских лексических элементов, вошедших в этот монгольский язык, таких, например, как *кайгу* 'горе, печаль', *тадж* 'корона', *сай* 'овраг', *руми* 'римский', *рахим* 'милосердие', *фетви* 'решение' и т. д.

Встречаются тюркизмы, присущие определенным ареалам монгольских языков, главным образом либо ойратскому, либо халха-монгольскому и бурятскому с наличием этого тюркизма и в старописьменном монгольском языке, либо во всех этих языках. К ареальным тюркизмам можно отнести, например, такие слова, как бур. *хяаг* 'пырей', х.-монг. *хиаг* 'вострец', стп.-м. *кийаг* 'кормовая трава типа пырея', взятые из тюркских языков, ср. башк. *кыйак*, кирг. *кыяк* 'пырей, злаковое растение с режущими листьями' < тюрк. *кый* = 'резать наискось'; бур. *той* в составе парного слова *той баяр* 'праздник', х.-монг. *той* 'свадебный пир', стп.-м. *той* 'свадебный пир, угощение', представляющие собой заимствование общетюркского слова *той* 'пир, угощение'.

Есть тюркские по происхождению слова, представленные кроме этих языков еще и в калмыцком языке, как, например, зап.-бур. *балшаг* 'грязь, тина'; 'лужа', х.-монг. *балчиг* 'болото, трясина', калм. *бальчг* 'слякоть, грязь', стп.-м. *балчиг* 'грязь, тина', восходящие к др.-тюрк. *балчык* 'ил, грязь'.

Очень часто встречаются такие ареальные тюркизмы, как калмыцко-монгольские типа монг. *янгирцаг*, калм. *янһрцг*, стп.-м. *ингирчаг* 'вьючное седло' < тюрк. *ынгырчак* id.; монг. *эсэн*, калм. *эсн*, стп.-м. *эсэн* 'здоровый, не больной' < тюрк. *эсэн* id.; бурятско-калмыцкие типа бур. *хэдэр* =, калм. *көдр* = 'накидывать на плечи, надевать' < тюрк. *кедир* = < *кед* = 'надевать'; бур. *бургы*, калм. *бурһу* 'сверло' < тюрк. *бургу* ~ *бургы* id. < тюрк. *бур* = 'крутить, вертеть, поворачивать' (ср. русские тюркизмы *бур*, *бурав*, *бурить*).

В то же время в современных монгольских языках и их диалектах есть немало собственных тюркских лексических заимствований, свидетельствующих о своих отношениях этих монгольских языков с тюркскими. Это можно видеть, например, на материале бурятских тюркизмов [Рассадин 1969; 1987,

с. 173–178; 1996, с. 132–150], а также тюркских заимствований калмыцкого языка [Рассадин 1983; Харькова 1983].

Немало слов, имеющих явное тюркское происхождение, удалось выявить и в халхаском языке. Причем эти слова бытуют только здесь и составляют специфику халха-монгольского языка [Рассадин 1970]. Примерами могут послужить такие халхаские слова, как *сав* ‘ум, разум, соображение, мудрость’ < др.-тюрк. *саб* ~ *сав* ‘слово, речь’; ‘весть, известие’; ‘повествование, история, рассказ’; ‘пророчество’; *илбээс* ‘приманка для рыб’; ‘сторожок капкана’ < тюрк. *илмек* ~ *илбек* ‘крючок, зацепка, вешалка’ < общетюрк. *ил* = ‘вешать, зацеплять, прицеплять’; *оор* в сочетании *оор монгол* ‘настоящий монгол, истинный монгол’ < тюрк., ср. др.-тюрк. *огуз* племя и объединение племен, а также племена *огур*, входившие в состав древних булгаро-хазар и уйгуров; *хад* ‘разновидность дикой смородины, растущей на скалах’ < др.-тюрк. *кат* ‘ягоды, плоды’; *адаг* ‘медведь-губач, южноазиатский медведь’ < др.-тюрк. *адыг* ‘медведь’, ср. тув. *адыг*, тат., каз. *аю* id.; *эви адаг* ‘губач-медведица’ – здесь помимо тюркизма *адаг* представлена также тюркская по происхождению лексема *эви* для называния самки, восходящая к тюркскому прототипу *эпчи* ~ *эпиш*, означавшему ‘женщина’, ‘самка’; *эвишгэс* ‘самка соболя’ < тюрк. *эпиш* ‘самка’ + *кис* ‘соболь’; *эрхэс* ‘самец соболя’ < тюрк. *эр* ‘самец’ + *кис* ‘соболь’; *оцог* (< *очуз*) ‘три камня, используемые в костре в роли тагана для котла’ < тюрк., ср. др.-тюрк. *отчук* ~ *очук* ‘очаг’; ‘таган’ < тюрк. *от* ‘огонь’; ‘костер’.

Таким образом, из приведенных данных можно видеть, что явно тюркская по происхождению лексика, заимствованная из различных тюркских языков, проникала в монгольские языки в разные исторические эпохи, начиная с глубокой древности. Тюркская по происхождению лексика прослеживается не только на общемонгольском уровне, но и на ареальном. В то же время большое количество тюркизмов свойственно именно конкретным монгольским языкам, составляя их специфику и способствуя обогащению и развитию их лексического состава. Эти слова свидетельствуют о давних самостоятельных, тесных и глубоких связях халха-монгольского, бурятского и калмыцкого языков с тюркским языковым миром [Рассадин 2005].

## Литература

- Владимирцов Б. Я.* Турецкие элементы в монгольском языке // Зап. Вост. Отд. ИРАО. 1911. Т. 20, вып. 2/3. С. 153–184.
- Владимирцов Б. Я.* Mongolica 1. Об отношении монгольского языка к индо-европейским языкам Средней Азии // Зап. коллегии востоковедов при Азиатском музее РАН. 1925. Т. 1. С. 331–340.
- Владимирцов Б. Я.* Арабские слова в монгольском языке // Зап. коллегии востоковедов при Азиатском музее РАН. 1930. Т. V. С. 73–82.
- Жамбалсурен Н.* Тибетские слова в монгольском языке: Автореф. канд. дисс. М., 1961.
- Коновалов П. Б.* Этнические аспекты истории Центральной Азии (древность и средневековье) Улан-Удэ, 1999.
- Коновалов П. Б.* Две ветви монгольского этногенеза // VIII Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, 5–12 августа 2002 г.): Доклады российской делегации. М., 2002. С. 60–66.
- Рассадин В. И.* О тюркизмах в бурятском языке // К изучению бурятского языка. Улан-Удэ, 1969. С. 129–134.
- Рассадин В. И.* Тюркизмы в халха-монгольском языке // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Улан-Удэ, 1970. Вып. V. С. 52–58.
- Рассадин В. И.* Тюркские лексические элементы в калмыцком языке // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. Улан-Удэ, 1983. С. 70–89.
- Рассадин В. И.* К истории тюрко-монгольских языковых связей // Исследователь монгольских языков. (К юбилею Б.Х. Тодаевой). Элиста, 2005. С. 163–180.
- Рона-Таш А.* Общее наследие или заимствования? (К проблеме родства алтайских языков) // Вопр. языкознания. 1974. № 2. С. 31–45.
- Санжеев Г. Д.* Маньчжуро-монгольские языковые параллели // Известия АН СССР. Отд. гуманитар. наук. 1930. № 8. С. 601–626; № 9. С. 673–708.
- Санжеев Г. Д.* Б. Я. Владимирцов – исследователь монгольских языков // Филология и история монгольских народов: Памяти акад. Б. Я. Владимирцова. М., 1958. С. 12–40.
- Сухбаатар О.* Санскритские элементы в монгольском языке: Автореф. канд. дисс. Улан-Батор, 1992.
- Сүхбаатар О.* Монгол хэлний харь үгийн толь. Улаанбаатар, 1999.
- Харькова С. С.* Тюркские лексические параллели в калмыцком языке: Автореф. дисс. ... канд филол. наук. М., 1983.
- Щербак А. М.* Ранние тюрко-монгольские языковые связи (VIII–XIV вв.). СПб., 1997.
- Щербак А. М.* Тюрко-монгольские языковые контакты в истории монгольских языков. СПб., 2005.

**КИТАЙСКО-МОНГОЛЬСКИЙ СЛОВАРЬ НАЧАЛА XVII в.**

**韃靼語 *Дада юй* ‘ТАТАРСКИЕ СЛОВА’:**

**введение в изучение памятника**

Китайско-монгольский словарь начала XVII в. 韃靼語 *Дада юй*, букв. ‘Татарские слова’, о котором пойдет речь в настоящей статье, является ценным и интересным памятником монгольского языка и важным свидетельством китайско-монгольских культурных контактов в эпоху средневековья. Он относится к целому ряду китайско-монгольских словарей XIII–XVII вв., в основе создания которых лежали практические интересы китайцев по овладению монгольским языком – официальным языком династии Юань (1279–1368), а затем языком наиболее крупного и могущественного кочевого образования на северных границах Китая. К этой категории принадлежит и целый ряд китайско-монгольских словарей: словарь 蒙古譯語 *Мэнгу шуй* (или 至元譯語 *Чжисюань шуй*) из сочинения Чэнь Юаньляна 事林廣記 *Шилинь гуанцзи* (1264 или 1330 г.), словарь 華夷譯語 *Хуаи шуй*, составленный Хо Юаньцзе 火源潔 (монг. \**Qoniči* ~ \**Qoninči*) и Машаихэй 馬沙亦黑 (ар. \**Mašāih* [*Миѣаттад*])<sup>1</sup> (1389 г.), словарь 譯語 *Июй* из сочинения Ван Минхэ 登壇必究 *Дэнтань бицзю* (1598 г.), словарь 譯部 *Ибу* из сочинения Го Цзаоцина 盧龍塞略 *Лулун сайлюе* (1610 г.), словарь 北虜考 *Бэйлу као* из сочинения Мао Юаньши 武備志 *У бэй чжэ* (1621 г.) и несколько других. Наиболее изученным из них является *Хуаи шуй*; ему посвящено значительное число научных трудов, среди которых особо выделяются монографические работы М. Левицкого, Э. Хэниша, А. Мостэра и И. де Рахевильца, У. Мандаха, Х. Курибаяси, Ё. Жанчива и Ц. Бямбацэнда (Lewicki 1949; 1959; Haenisch 1957; Mostaert, Rachewiltz 1977; 1995; Manduqu 1998; Kuribayashi 2003; Жанчив, Бямбацэнд 2003). Остальные китайско-монгольские словари исследованы гораздо хуже, хотя они содержат массу не менее ценных сведений по лексическому составу монгольских языков на

<sup>1</sup> Об именах составителей *Хуаи шуй* и их вероятной этимологии см. (Pelliot 1948: 231–235, notes 310–311; Miller 1966).



разных этапах их исторического развития. Помимо работ японских ученых, оставшихся нам недоступными, следует отметить статьи Л. Лигети, Г. Кары и И. де Рахевильца о словаре *Мэнгу иуй* / *Чжюань иуй* (Ligeti 1990; Kara 1990; Rachewiltz 2006), работы А. Б. Апатоцкого о словаре *Иуй* (Apatóczky 2003; 2004) и монографию ученого из Внутренней Монголии У. Мандаха, в которой опубликованы тексты всех отмеченных выше словарей и даны реконструкции содержащихся в них монгольских форм (Manduqu 1995). Известно, что в разное время и независимо друг от друга Б. И. Панкратов и Л. Лигети готовили обобщающие лингвистические исследования, посвященные китайско-монгольским словарям юаньской и минской эпох, однако их замыслы по тем или иным причинам не были реализованы (см.: Кроль 1998: 12–13, 20–21; Панкратов 1998: 105; Ligeti 1990: 259).

В силу сказанного и особенно по причине ограниченности числа памятников монгольского языка доклассической эпохи значение китайско-монгольских словарей как важного источника лингвистической информации сложно переоценить. Тем более актуальным является введение в научный оборот и изучение тех из них, которые в настоящее время продолжают оставаться неизвестными или малоизвестными большинству специалистов. Одним из таких памятников является китайско-монгольский словарь 韃靼語 *Дада юй*, текст которого был издан еще в 1908 г. в третьем томе "Лекций по истории монгольской литературы" А. М. Позднеева (Позднеев 1908: 8–39), однако до сих пор не привлекал к себе должного внимания монголоведов и синологов, по-видимому, из-за редкости этого издания, опубликованного малым тиражом в отлитографированном виде. Лишь французский ученый П. Пелльо и его ученик Л. Лигети в определенной мере пользовались материалами этого словаря, насколько можно судить по ссылкам в их работах (см., напр.: Pelliot 1927: 283; Ligeti 1965: 266, note 106). Монголоведы, не владеющие китайским языком, вообще лишены возможности обращаться к этому важному лингвистическому источнику, поскольку А. М. Позднеев не ставил своей задачей реконструировать монгольские формы по их китайской транскрипции. Более того: он неверно атрибутировал изданный им словарь, считая его одной из копий словаря *Хуаи иуй*. По его словам, в январе 1893 г. во время своего путешествия в Монголию и Китай ему удалось приобрести у некоего члена академии Ханьлинь одну из трех имевшихся у него кратких выписок

из *Хуаи шуй*, которую он и воспроизвел в своей работе (Позднеев 1908: 6). При этом он специально оговаривал, что им была сохранена форма оригинала, т. е. расположение и число страниц и количество иероглифов на каждой странице (Там же: 7). Однако даже самое беглое сравнение словаря Позднеева с текстом *Хуаи шуй* показывает, что перед нами два совершенно различных и вполне самостоятельных лексикографических памятника. Об этом свидетельствует и само название словаря — 韃靼語 *Дада юй*, букв. ‘Татарские слова’, которое указано на первом листе публикации А. М. Позднеева (Позднеев 1908: 8).

Новая и, по-видимому, более адекватная трактовка происхождения словаря *Дада юй* была предложена позднейшими исследователями. В 1933 г. А. де Смедт и А. Мостэр высказали мнение об идентичности словаря Позднеева китайско-монгольскому словарю эпохи династии Мин (1368–1644), включенному в сочинение 武備志 *У бэй чжи* ‘Записки о военных приготовлениях’ (Smedt, Mostaert 1933: VII). Это мнение поддерживали такие крупные синологи и монголоеды, как П. Пелльо и Б. И. Панкратов (Pelliot 1948: 288; Панкратов 1998: 112). Известно, что *У бэй чжи* было составлено в 1621 г. китайским ученым 茅元儀 Мао Юань из Фанфэна в Южном Китае (Manduku 1995: 601–603)<sup>1</sup>. 227 цзюань (том) сочинения образует китайско-монгольский словарь из двух частей. Первая часть носит название 北虜考 *Бэйлу као* ‘Исследование северных варваров’; она опубликована в монографии У. Мандаха (Ibid.: 599–691). По содержанию она полностью тождественна более раннему китайско-монгольскому словарю 譯語 *Июй* из сочинения Ван Минхэ 登壇必究 *Дэнтань бицзю* (1598 г.), также опубликованному У. Мандахом (Ibid.: 277–377). Вторую же часть как раз и составляет интересующий нас словарь. Важно иметь в виду, что авторство словаря вовсе не принадлежит составителю *У бэй чжи* Мао Юань. Сам он в своем тексте ука-

---

<sup>1</sup> Из краткой биографии Мао Юань, помещенной в *У бэй чжи*, следует, что он занимал должность 待詔 *дайчжао* ‘редактора докладов и прошений на высочайшее имя’. Его вторым именем было 止生 Чжишэн; он был внуком господина Лумэня из Гуйяня и сыном Гоцзиня из Писцового приказа (繕部 *Шань бу*). Он занимал высокие военные должности при династии Мин и при этом обладал литературным талантом, оставив помимо *У бэй чжи* еще по меньшей мере два сочинения (Manduku 1995: 601–603).

зывает на то, что этот словарь был взят им из сочинения 薊門防禦考 *Цзимэнь фаньюй као* ‘Исследование оборонительных укреплений Цзимэня’ (Pelliot 1948: 288). Автор и время создания последнего неизвестны, однако, по мнению П. Пеллио, есть основания полагать, что словарь был составлен где-то в пределах Восточной Монголии или Маньчжурии ок. 1600 г. (Pelliot 1927: 283; 1948: 288). Дальнейшие исследования должны показать, насколько обоснованной является эта точка зрения.

Словарь *Дада юй* содержит 708 статей и является, таким образом, одним из самых крупных китайско-монгольских лексикографических памятников эпохи средневековья. (Для сравнения: словарь *Мэнгу шуй* / *Чжюань шуй* содержит 541 статью, *Хуан шуй* – 844 статьи, *Ююй* / *Бэйлу као* – 639 статей, *Ибу* – ок. 1400 статей). В соответствии с традициями китайской лексикографии, словарь разбит на тематические категории (или разделы, 類 *лэй*), каждая из которых имеет особое название: 天文 *тяньвэнь* ‘небесные тела и явления’ (59 статей), 地理雜事等 *дэли цзашэ дэн* ‘всякие виды земных вещей’ (527 статей), 人事 *жэньши* ‘человеческие действия’ (82 статьи), 物 *у* ‘предметы обихода’ (28 статей) и 支屬 *чжешу* ‘знаки двенадцатилетнего цикла’ (12 статей). Заглавие каждой словарной статьи образует один или несколько (если речь идет о словосочетании) крупных иероглифов, под которыми более мелкими знаками дается в транскрипции монгольский перевод (напр., 日 ‘солнце’ – монг. 那喇 *nara*; 下雪 ‘пошел снег’ – монг. 又速我羅巴 *casu oroba*, и т. д.). Зачастую речь идет не столько о переводе, сколько о примерном смысловом соответствии китайских и монгольских форм: так, например, кит. 月圓 ‘полнолуние’ соответствует монг. *sara dūrbe*, букв. ‘луна стала полной’; кит. 順風 ‘попутный ветер’ передано с помощью монг. *salki ködelbe*, букв. ‘поднялся ветер’. Иногда это соответствие носит весьма условный характер, как в случае с кит. 滿天星 ‘небо, усыпанное звездами’, переводом которого служит монг. *teŋgeri-dü tere odu xarba*, букв. ‘на небе вошла та звезда’. В словаре нашла отражение лексика практически всех частей речи монгольского языка (за исключением, пожалуй, частиц и союзов): имена, местоимения, числительные и глаголы. Кроме того, словарь содержит многочисленные примеры синтаксических конструкций (разного рода глагольных и именных групп).

Это придает ему особую ценность с точки зрения задач изучения исторической грамматики и лексикологии монгольского языка<sup>1</sup>.

Первый исследователь *Дада юй* А. М. Позднеев отмечал большую точность в передаче монгольского материала словаря с помощью китайских иероглифов, отдавая должное «китайской изобретательности и точности как в употреблении своих собственных иероглифов, так и отличительных знаков для выражения тех звуков, которых не имеют они в своей азбуке» (Позднеев 1908: 40–41). Однако следует отметить, что по сравнению с системой транскрипции, использованной в «Тайной истории монголов» и *Хуаи юй* (о ней см.: Haenisch 1931; Lewicki 1949; Кузьменков 1993; Mostaert 1999), данный словарь значительно менее точен и последователен в отображении монгольской фонетики. Так, он не содержит специальных фонетических детерминативов – знаков 舌 /ʃə²/ ‘язык’<sup>2</sup>, 中 /tʃuŋ⁴/ ‘середина’ и 丁 /tiŋ¹/ ‘гвоздь, шип’, которые широко использовались в обоих вышеназванных источниках<sup>3</sup>. Поэтому, к примеру, знаком 羅 /luo²/ записываются монгольские слоги *lo* и *ro*, знаком 喇 /la¹/ – монгольские слоги *la* и *ra*, знаком 力 /li⁴/ – монгольские слоги *li*, *ri* и *ril*, и т. п.<sup>4</sup> При передаче монгольских

---

<sup>1</sup> Более подробную характеристику языковой системы монгольской части словаря мы планируем дать в специальной работе.

<sup>2</sup> В косых скобках приводятся современные китайские чтения иероглифов в транскрипции С. Ф. Кима (Ким 1983); надстрочные индексы указывают на тоны.

<sup>3</sup> Диакритик 舌 использовался для указания на то, что следующий за ним иероглиф с инициальной /l-/ передает монгольский слог с анлаутным *r*-; диакритик 中 – для отображения монгольского сильного глухого смычного *q*- в звуковых сегментах, транскрибированных иероглифами с инициальной /h-/; диакритик 丁 обозначал то, что последующий иероглиф (как правило, с вокалической финалью или финалью /-p/) должен в монгольском передавать закрытый слог с ауслатным *-l*.

<sup>4</sup> Отсутствие диакритика 中 может свидетельствовать не только об упрощении системы транскрипции, но и о том, что в эпоху составления словаря глухой смычный *q*-, сохранявшийся в среднемонгольском, уже исчез из фонологической системы монгольского языка, повсеместно перейдя в щелевые *x*- (твердый) и *χ*- (мягкий), как в современном халхаском (см., напр.: Кузьменков 2004: 120–138). До выяснения этого вопроса в реконструкциях монгольских форм, передан-

форм не соблюдается гармония гласных, т. е. одни и те же иероглифы используются для слов переднего и заднего ряда<sup>1</sup>: например, 巴 /pa<sup>1</sup>/ передает монгольские слоги *ba* и *be* (в окончаниях *praeteritum perfecti*); 撒 /sa<sup>1</sup>/ транскрибирует слоги *sa* и *se*; 汗 /han<sup>4</sup>/ – слоги *xan* и *χen*; 禿 /t'u<sup>1</sup>/ – слоги *tu* и *tü*. Китайские транскрипции словаря совершенно не отражают и монгольских фонологических долгот: так, иероглиф 都 /tu<sup>1</sup>/ соответствует монг. *dü* и *dǖ*, иероглиф 努 /nu<sup>3</sup>/ – монг. *nü* и *nǖ*. Это лишь некоторые из тех проблем, с которыми сталкивается исследователь китайско-монгольских словарей и используемых в них способов транскрипции.

Кроме того, при работе над словарем необходимо учитывать среднекитайские (древнемандаринские) чтения иероглифов, которые в ряде случаев существенно отличаются от современных новомандаринских<sup>2</sup>. Например, иероглиф 額 ‘лоб, чело’ в современном китайском имеет чтение /ɛ<sup>2</sup>/, а в среднекитайском он произносился с палатальной носовой инициальной как /ɲiɛ/ (ZY 264); в словаре он служит для передачи монгольского слога /ɲo/, среди прочих, в слове *solojo* ‘радуга’. Иероглиф 南 ‘юг’, современное чтение /nan<sup>2</sup>/, в среднекитайском произносился как /nam/ (ZY 289); в словаре он соответствует монгольскому слогу /nam/, например, в выражении *qura ornam* ‘идет дождь’<sup>3</sup>. Современное чтение иероглифа 岳 ‘горная вер-

---

ных иероглифами с инициальной /h-/ , мы везде восстанавливаем x- (в словах твердого ряда) и χ- (в словах мягкого ряда).

<sup>1</sup> Неточность и путаница в обозначении гармонии гласных наблюдается еще в "Тайной истории монголов" и *Xuani шуй*, особенно в оппозициях *o // ö*, *u // ü*, а также в грамматических показателях (см., напр.: Lewicki 1949: 89–94; Кузьменков 1987; 1993: 301–304, 307–317; Mostaert 1999: 261–265).

<sup>2</sup> Среднекитайские чтения приводятся по словарю 中原音韻 *Чжунь-юань иньюнь* ‘Рифмы произношений Центральной равнины’ Чжоу Дэцина (1324 г.), отражавший т. н. северный гуаньхуа – идиом, на котором в начале XIV в. говорили в окрестностях Пекина и который считается предком современного пекинского диалекта.

<sup>3</sup> Это особенно любопытно, если учесть, что к началу XVII в. иероглифы с финалью /-m/ в китайском языке уже приобрели современное чтение (см.: Тōdō 1964: 35–36). По-видимому, данный факт может свидетельствовать в пользу более ранней датировки словаря, нежели та, к которой склонялся П. Пелльо (см. выше).

шина, пик' /ye<sup>4</sup>/ отличается от среднекитайского /io/ (ZY 249), при этом последнее явно больше подходит для отображения монгольского слога /jo/, который транскрибируется с помощью этого иероглифа, например, в именной группе *tengge[ri-yin] oyo[dal]* 'Млечный Путь' Как можно судить по этим и многим другим примерам, среднекитайское чтение лучше объясняет особенности употребления целого ряда иероглифа при транскрибировании монгольских фонетических сегментов.

В настоящее время нами начата работа по исследованию словаря, которая будет проходить в два этапа. На *первом этапе* будет осуществлена полномасштабная фонетическая реконструкция монгольских форм словаря и создана компьютерная база данных, включающая в себя весь содержащийся в нем языковой материал. База данных будет представлена в форме таблицы из 6 столбцов. В первом столбце будут указаны номера словарных статей в том порядке, в каком они следуют в публикации А. М. Позднеева, при этом они будут записываться бинарным кодом: первая цифра будет соответствовать номеру страницы, а вторая, после косой черты, – порядковому номеру самой статьи (разумеется, в соответствии с китайскими правилами, статьи будут отсчитываться справа налево сверху вниз). Второй столбец будет содержать китайские формы (заголовки статей), третий – их транскрипцию с помощью китайского фонетического алфавита (пиньиня). В четвертом столбце будут приведены значения китайских форм, в пятом указаны соответствующие монгольские формы в иероглифической передаче и, наконец, шестой будет включать реконструкцию последних и их запись в соответствии с принципами академической транскрипции. В качестве примера мы приведем фрагмент создаваемой нами базы данных, который охватывает материал словаря, соответствующий разделу 天文 *тяньвэнь* 'небесные тела и явления' (Позднеев 1908: 8–10):

№	Кит. форма	Транскрипция	Знач. кит. формы	Монг. форма	Реконструкция	Знач. монг. формы
8/1	天	tiān	'небо'	騰格利	<i>tengeri</i>	
8/2	雨	yǔ	'дождь'	虎喇我兒南	<i>xura or-nam</i>	'идет дождь'
8/3	日出	rì chū	'солнце взошло'	那喇哈兒巴	<i>nara xarba</i>	

8/4	斗	dǒu	‘Ковш (со- звездие)’	撒巴兒	<i>sabar</i> <sup>1</sup>	
8/5	霧	wù	‘туман’	不當	<i>budaŋ</i>	
8/6	露	lù	‘роса’	手迭利	<i>šiüderi</i>	
8/7	虹	hóng	‘радуга’	鎖落額	<i>soloŋo</i>	
8/8	天晴	tiān qíng	‘небо про- яснилось’	滕格利阿力 巴	<i>teŋgeri ari[l]ba</i>	
8/9	雲	yún	‘облако’	偶列	<i>öüle</i>	
8/10	日	rì	‘солнце’	那喇	<i>nara</i>	
8/11	月出	yuè chū	‘луна взошла’	撒喇哈兒巴	<i>sara xarba</i>	
8/12	参	shēn	‘Орион (со- звездие)’	陌趁	<i>mečín</i> <sup>2</sup>	
8/13	霜	shuāng	‘иней’	克勞	<i>kirau</i>	
8/14	風	fēng	‘ветер’	撒兒撒 <sup>3</sup>	<i>salki (?)</i>	
8/15	霖	lín	‘продолжи- тель-ный дождь’	主薛	<i>jüse</i>	
8/16	天陰	tiān yīn	‘небо стало пасмурным’	滕格利卜兒 苦禿巴	<i>teŋgeri bürkütübe</i>	
8/17	雷	léi	‘гром’	董我敦南	<i>doŋoduna m</i>	‘гремит’
8/18	月	yuè	‘луна’	撒喇	<i>sara</i>	
8/19	星	xīng	‘звезда’	我度	<i>odu</i>	
8/20	辰	chén	‘небесное тело’, ‘со- звездие’	陌乞	<i>meči</i>	
8/21	雪	xuě	‘снег’	叉速	<i>času</i>	
8/22	雹	báo	‘град’	□ <sup>1</sup>	<i>mündür oro[ba]</i>	‘пошел град’

<sup>1</sup> Форма *sabar* ‘Ковш (созвездие)’ соответствует письм.-мо. *sabar* ‘когти; лапа; вилы’ (Ков. II 1304a; Less. 653b).

<sup>2</sup> Форма *mečín* ‘Орион (созвездие)’ < *mečín* ‘обезьяна’. Ср. письм.-мо. *mečín odun* ‘созвездие’, букв. ‘звезда обезьяны’ (Ков. III 2016a), *mečid* (< pl. от *mečín*) ‘Плеяды; комета’ (Less. 531a).

<sup>3</sup> В тексте явная ошибка: дважды употреблен иероглиф 撒 /sa<sup>1</sup>/. Такую же ошибку в транскрипции этого слова можно наблюдать в словаре *Июй* (см.: Manduqi 1995: 406). По-видимому, вместо второго 撒 следует читать 克 /k<sup>ə</sup>/ (см. ниже, № 9/8).

8/24	霞	xiá	‘заря’	扯的干	<i>čedigen</i> <sup>2</sup>	
8/25	天河	tiān hé	‘Млечный Путь’	滕格□□我岳 □	<i>teŋge[ri- yün] oyo[dal]</i> <sup>3</sup>	
9/1	霹靂	pī lì	‘удар грома’	滕格利你 <sup>4</sup> 兒 克伯	<i>teŋgeri nirkibei</i>	‘прогре- мел гром’
9/2	下雪	xià xuě	‘пошел снег’	叉速我羅巴	<i>času oroba</i>	
9/3	晌午	shǎng- wu	‘полдень’	午大孛兒卜 <sup>5</sup>	<i>üde bolba</i>	‘наступил полдень’
9/4	月斜	yuè xié	‘заход лу- ны’	撒喇克擺巴	<i>sara ke- bejbe</i>	‘луна склони- лась [к закату]’
9/5	月圓	yuè yuán	‘полнолу- ние’	撒喇都兒巴	<i>sara dūrbe</i>	‘луна стала полной’
9/6	大雨	dà yǔ	‘сильный дождь’	一克虎喇我 落巴	<i>yike xura oroba</i>	‘пошел сильный дождь’
9/7	小雪	xiǎo- xuě	‘мелкий снег’	五出汗叉速 我落巴	<i>üčüxen času oroba</i>	‘пошел мелкий снег’
9/8	起風	qǐ fēng	‘подул ве- тер’	撒兒克開思 巴	<i>salki kejsbe</i>	
9/9	大風	dà fēng	‘сильный ветер’	一克撒兒克 開思巴	<i>yike salki kejsbe</i>	‘подул сильный ветер’
9/10	雪凍	xuě dòng	‘снег за- мерз’	叉速可兒巴	<i>času körbe</i>	

<sup>1</sup> Знаком □, согласно китайской традиции, мы обозначаем иероглифы, не поддающиеся прочтению вследствие порчи текста.

<sup>2</sup> Форма *čedigen* отсутствует в словарях; ср., впрочем, др.-тюрк. *ye-tigän* ‘Большая Медведица’ (ДТС 259а), которое при заимствовании из какого-либо языка огузско-кыпчакского типа, где наблюдался переход у- > č- (см.: Clauson 1957: 39), и с определенным сдвигом в семантике предположительно могло дать рассматриваемую форму.

<sup>3</sup> Форма восстановлена гипотетически.

<sup>4</sup> В тексте иероглифы 利 /li<sup>4</sup>/ и 你 /ni<sup>3</sup>/ ошибочно переставлены местами.

<sup>5</sup> По-видимому, иероглиф 卜 /pu<sup>3</sup>/ здесь употреблен ошибочно вместо 巴 /pa<sup>1</sup>/.



9/11	下雨	xià yǔ	‘пошел дождь’	虎喇我羅巴	<i>xura oroba</i>	
9/12	日落	rìluò	‘заход солнца’	那喇升各巴	<i>nara šingebe</i>	‘солнце зашло’
9/13	晾了	liàngle	‘просохло’	滕格利兒扯巴	<i>teŋgeri arčiba</i>	‘небо очистило (просушило)’
9/14	月影	yuè-yǐng	‘лунная тень’	撒 <sup>1</sup> 喇頗兒小的兒兀折巴	<i>sara [...]r seiüder üjebe</i>	‘луна увидела [...] тень’
9/15	日倒西	rì dǎo xī	‘солнце склонилось к западу’	那喇他失巴	<i>nara tašiba</i>	‘солнце пошло к закату’
9/16	小雨	xiǎo yǔ	‘мелкий дождь’	五出漢虎喇我落巴	<i>üčüxen xura oroba</i>	‘пошел мелкий дождь’
9/17	碎雪	sùixuě	‘рыхлый снег’	兀淋舍 <sup>2</sup> 速	<i>ürim času (?)<sup>3</sup></i>	
9/18	順風	shùn-fēng	‘попутный ветер’	撒兒克克的力巴	<i>salki ködelbe</i>	‘поднялся ветер’
9/19	滿天星	mǎn-tiān xīng	‘небо, усыпанное звездами’	滕格利都帖我度哈兒巴	<i>teŋgeri-dü tere odu xarba</i>	‘на небе взошла та звезда’
9/20	雲行	yún xíng	‘облака двигались’	偶列啞步巴	<i>öüle yabuba</i>	‘облака ходили [по небу]’
9/21	起雲	qǐ yún	‘появились облака’	偶列 <sup>4</sup> 努巴	<i>öüle nūbe</i>	‘облака двигались’

<sup>1</sup> Вместо иероглифа 撒 /sa<sup>1</sup>/ в тексте ошибочно использован иероглиф 揩 /k'ai<sup>1</sup>/.

<sup>2</sup> По-видимому, здесь иероглиф 舍 /ʂə<sup>4</sup>/ употреблен по ошибке вместо какого-то другого иероглифа (скорее всего, 叉 /tʂ'a<sup>1</sup>/; см., напр., № 8/21, 9/2, 9/10).

<sup>3</sup> Форма *ürim* не засвидетельствована в словарях. В качестве параллели можно привести совр. мо. *үрэм шороо* ‘пыль, песочная, рыхлая земля’ (БАМРС III 425а), где *үрэм* < *үрэ* = ‘тереть, растирать; сыпать, рассыпать’.

<sup>4</sup> Судя по расположению текста на данном листе, здесь мог быть еще один иероглиф, относившийся к испорченному фрагменту памятника, однако окончательный вывод сделать довольно сложно.

9/22	月落	yuèluò	‘заход луны’	撒喇□ <sup>1</sup> 各巴	<i>sara</i> [šɨŋ]gebe	‘луна зашла’
9/23	明了	míngle	‘рассветло’	滕格□□ <sup>2</sup> 各兒□	<i>teŋge</i> [ri] [ge]ger- [be] <sup>3</sup>	
9/24	雲開	yún kāi	‘облака разошлись’	偶列□□□ <sup>4</sup>	<i>öüle</i> [...]	‘облака [...]’
9/25	雲散	yún sàn	‘облака рассеялись’	偶列塔兒哈巴	<i>öüle</i> <i>tarxaba</i>	
9/26	大雪	dà xuě	‘сильный снегопад’	一克叉速我落巴	<i>yike času</i> <i>oroba</i>	‘пошел сильный снег’
9/27	雪住	xuě zhù	‘снег перестал’	叉速擺巴	<i>času baɣba</i>	
9/28	風乏 <sup>5</sup>	fēng fá	‘ветер перестал’	撒兒克擺巴	<i>salki baɣba</i>	
9/29	雪飄	xuě piāo	‘снег кружился’	叉速撒秃录巴	<i>času</i> <i>setürübe</i> (?) <sup>6</sup>	‘повалил (?) снег’
9/30	急風	jí fēng	‘порывистый ветер’	土兒汗撒兒克可的兒巴	<i>türxen</i> <i>salki</i> <i>ködelbe</i>	‘подул резкий ветер’
10/1	風响	fēng xiǎng	‘шум ветра’	那木汗撒兒克可的兒克 <sup>1</sup>	<i>nomuxan</i> <i>salki</i> <i>ködelbe</i> (?)	‘подул слабый ветер’

<sup>1</sup> В тексте не поддается прочтению один иероглиф, по-видимому, 升 /ʃəŋ<sup>1</sup>/ (ср. № 9/12).

<sup>2</sup> Трудно с точностью определить, один или два иероглифа содержал испорченный фрагмент.

<sup>3</sup> Форма восстановлена гипотетически.

<sup>4</sup> В тексте отсутствуют два или три иероглифа, восстановить которые не представляется возможным.

<sup>5</sup> Начертание второго иероглифа неоднозначно и вызывает сложности при идентификации; скорее всего, речь идет об иероглифе 乏 /fa<sup>2</sup>/ ‘не хватать; уставать; прекращать, иссякать’.

<sup>6</sup> Основу \*setürü=, отсутствующую в словарях, можно интерпретировать как лабиализованную форму письм.-мо. *setere*= ‘вырваться, прорваться; разломаться, обвалиться’ (Ков. II 1347б; Less. 692a), но сам факт такой лабиализации необычен с точки зрения норм монгольского языка. Предложенному отождествлению препятствуют и соображения семантического свойства.

10/2	寒霜	hán-shuāng	‘мороз’	克遁兀那巴	<i>kūdiün un-aba</i>	‘ударил мороз’
10/3	風息	fēng xī	‘ветер утих’ <sup>2</sup>			
10/4	白露	bái lù	‘белая роса’	叉汗克劳兀 納巴	<i>čaxan kirau un-aba</i>	‘выпала изморозь’

На *втором этапе* по материалам созданной базы данных нами будут составлены справочные индексы к словарю: алфавитный индекс монгольской лексики (с указанием соответствующих письменно-монгольских форм, параллелей в других доклассических памятниках и в случае очевидных заимствований с идентификацией их возможного источника), индекс монгольских грамматических форм и китайско-монгольский силлабаний (индекс соответствий китайских иероглифов в их современном и среднекитайском чтении транскрибируемым с их помощью монгольским фонетическим сегментам). Кроме того, нами планируется осуществить исследование задействованных в словаре способов китайской транскрипции монгольской лексики в сопоставлении с принципами, использовавшимися авторами других китайско-монгольских словарей эпохи Мин, а также дать общий обзор особенностей засвидетельствованного в словаре монгольского языкового материала по сравнению с лексикой прочих монгольских памятников эпохи средневековья, охарактеризовать место словаря в системе средневековой китайско-монгольской лексикографии и его роль для изучения исторического развития монгольских языков.

Таким образом, в наши задачи входит комплексное лингвотекстологическое исследование словаря *Дада юй*, основным результатом которого должно стать введение в широкий научный оборот этого важного памятника китайско-монгольской лексикографии эпохи династии Мин, содержащего ценные сведения по исторической лексикологии и грамматике монгольских языков. Специальное исследование словаря в сравнении с другими известными нам китайско-монгольскими памятниками и в особенности полная реконструкция зафиксированного в нем монгольского языкового материала остаются чрез-

<sup>1</sup> По-видимому, текст содержит ошибку: вместо последнего иероглифа 克 /k'ə<sup>4</sup>/ должен стоять 巴 /pa<sup>1</sup>/.

<sup>2</sup> В тексте пробел под китайской формой; монгольская форма отсутствует.

вычайно актуальными задачами, решение которых способно внести существенный вклад в освещение многих проблем сравнительно-исторической монголистики и алтайского языковедения в целом.

### Названия языков

др.-тюрк. – древнетюркский      письм.-монг. – письм. монгольский  
кит. – китайский                      совр. монг. – совр. монгольский  
монг. – монгольский

### Библиография

- БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь: В 4 т. / Под общ. ред. акад. АН Монголии А. Лувсандэндэва и д. ф. н., проф. Ц. Цэдэндамба; Отв. ред. д. ф. н., проф. Г. Ц. Пюрбеев. М., 2001 – 2002. Т. 1–4.
- ДТС – Древнетюркский словарь. Л., 1969.
- Жанчив, Бямбацэнд 2003 – *Жанчив Ё., Бямбацэнд Ц.* Нангиад монгол "Хуа-и И-юй" толь "華夷譯語" (= Китайско-монгольский словарь *Хуаи шуй*). Улаанбаатар, 2003.
- Ким 1983 – Фонетический словарь китайских иероглифов: китайское, вьетнамское, корейское и японское чтения: Свыше 3300 иероглифов / Сост. С. Ф. Ким. М., 1983.
- Ков. – *Ковалевский О. М.* Монгольско-русско-французский словарь. Казань, 1844–1849. Т. 1–3.
- Кроль 1998 – *Кроль Ю. Л.* Жизнь и научно-педагогическая деятельность Бориса Ивановича Панкротова (1892–1979) // Страны и народы Востока. СПб., 1998. Вып. 29. С. 5–37.
- Кузьменков 1987 – *Кузьменков Е. А.* Обозначение монгольского *ө* в транскрипции «Сокровенного сказания» // V Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, сентябрь, 1987): Доклады советской делегации. М., 1987. Т. 2: Филология. С. 75–83.
- Кузьменков 1993 – *Кузьменков Е. А.* Фонетическая реконструкция монгольского текста "Юань-чао би-ши" // *Mongolica: К 750-летию "Сокровенного сказания"*. М., 1993. С. 294–327.
- Кузьменков 2004 – *Кузьменков Е. А.* Фонологическая система современного монгольского языка. СПб., 2004.
- Панкратов 1998 – *Панкратов Б. И.* Изучение восточных языков в Китае в период династии Мин (1368–1644) // Там же. С. 105–127.
- Позднеев 1908 – *Позднеев А. М.* Лекции по истории монгольской литературы. Владивосток, 1908. Т. 3.
- Apatóczy 2003 – *Apatóczy Á. B.* Yiyu (Beilu yiyu): a Middle Mongolian dictionary of the Dengtan Bijiu // *Altaica Budapestinensia* MMIII: Proceedings of the 45<sup>th</sup> Permanent International Altaistic Conference, Budapest, Hungary, June 23–28 / Ed. by A. Sárközi and A. Rákos. Budapest, 2003. P. 8–12.

- Apatóczy 2004 – *Apatóczy Á. B.* Yiyu (Beilu yiyu 北虜議語): A Middle Mongolian glossary of the Dengtan Bijiu (登壇必究) // *Mongolica*. 2004. Vol. 14 (35). P. 368–374.
- Clauson 1957 – *Clauson G.* The Turkish Y and Related Sounds // *Studia Altaica: Festschrift für Nikolaus Poppe zum 60. Geburtstag am 8. August 1957*. Wiesbaden, 1957. S. 33–45.
- Haenisch 1931 – *Haenisch E.* Untersuchungen über das Yüan-ch'ao pi-shi, die Geheime Geschichte der Mongolen. Leipzig, 1931.
- Haenisch 1957 – *Haenisch E.* Sinomongolische Glossare. Berlin, 1957. Bd. 1: Das Hua-i ih-yü.
- Kara 1990 – *Kara G.* *Zhiyuan yiyu*: Index alphabétique des mots mongols // *Acta Orientalia Hungarica*. 1990. T. 44, fasc. 3. P. 279–344.
- Kuribayashi 2003 – *Kuribayashi H.* Word- and Suffix-Index to Hua-yi Yi-yü, based on the Romanized Transcription of L. Ligeti. Sendai, 2003.
- Less. – *Lessing F. D.* *Mongolian-English Dictionary*. Berkeley; Los Angeles, 1960.
- Lewicki 1949 – *Lewicki M.* La langue mongole des transcriptions chinoises du XIV<sup>e</sup> siècle: Le Houa-yi yi-yu de 1389: Édition critique précédée des observations philologiques et accompagnée de la reproduction phototypique du texte. Wrocław, 1949.
- Lewicki 1959 – *Lewicki M.* La langue mongole des transcriptions chinoises du XIV<sup>e</sup> siècle: Le Houa-yi yi-yu de 1389. Wrocław, 1959. Vol. 2: Vocabulaire-index.
- Ligeti 1965 – *Ligeti L.* Le lexique mongol de Kirakos de Gandzak // *Acta Orientalia Hungarica*. 1965. T. 18, fasc. 3. P. 241–297.
- Ligeti 1990 – *Ligeti L.* Un vocabulaire sino-mongol des Yuan: Le Tche-yuan yi-yu / Éd. par G. Kara // *Acta Orientalia Hungarica*. 1990. T. 44, fasc. 3. P. 259–277.
- Manduqu 1995 – *Manduqu Ö.* *Mongγol I iui toli bičig* (= Монгольские словари *Июй*). Begejing, 1995.
- Manduqu 1998 – *Manduqu Ö.* Quva i I iui, 華夷譯語 (= *Xyau uoiü*). Qay-ilar, 1998.
- Miller 1966 – *Miller R. A.* Qoninci, compiler of the Hua-i i-yü of 1389 // *Ural-Altäische Jahrbücher*. 1966. Bd. 38. P. 112–121.
- Mostaert 1999 – *Mostaert A.* Quelques problèmes phonétiques dans la transcription en caractères chinois du texte mongol du *luen tch'ao pi cheu* // Antoine Mostaert (1881–1971), C.I.C.M. Missionary and Scholar / Ed. by K. Sagaster. K.U.Leuven, 1999. Vol. 1: Papers. P. 225–271.
- Mostaert, Rachewiltz 1977 – *Mostaert A.* Le matériel mongol du *Houa i i iu* 華夷譯語 de Houng-ou / Ed. par I. de Rachewiltz, avec l'assistance de A. Schönbaum. Bruxelles, 1977. T. 1.
- Mostaert, Rachewiltz 1995 – *Mostaert A., Rachewiltz I. de.* Le matériel mongol du *Houa i i iu* 華夷譯語 de Houng-ou. Bruxelles, 1995. T. 2: Commentaires.

- Pelliot 1927 – *Pelliot P.* Le prétendu vocabulaire mongol des Ҡайтақ du Daghestan // *Journal Asiatique*. 1927. T. 210, № 2. P. 279–294.
- Pelliot 1948 – *Pelliot P.* Le Ҡоҗа et le Sayyid Ҡусайн de l’Histoire des Ming // *T’oung Pao*. 1948. Vol. 38, livr. 2/5. P. 81–292.
- Rachewiltz 2006 – *Rachewiltz I. de.* Some Remarks on the *Chih-Yüan I-Yü* 至元譯語 Alias *Meng-Ku I-Yü* 蒙古譯語, the First Known Sino-Mongol Glossary // *Acta Orientalia Hungarica*. 2006. Vol. 59, № 1. P. 11–28.
- Smedt, Mostaert 1933 – *Smedt A. de, Mostaert A.* Le dialecte monguor parlé par les Mongols du Kansou occidental. Pei-p’ing, 1933. 3<sup>e</sup> pt.: Dictionnaire monguor-français.
- Tōdō 1964 – *Tōdō A.* Development of Mandarin from 14 c. to 19 c. // *Acta Asiatica*. 1964. Vol. 6. P. 31–40.
- ZY – *Чжао Иньтан.* Чжуньюань иньюнь яньцзю (= Исследование Чжуньюань иньюнь). Шанхай, 1956.

**О ЛЕКСИКЕ МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ,  
ОТРАЖАЮЩЕЙ ОРИЕНТАЦИЮ В ПРОСТРАНСТВЕ<sup>1</sup>**

В процессе исторического развития монгольского праязыка после выделения его из семьи алтайских языков в нем продолжалось сложение своего словарного состава, его усложнение, формирование различных лексико-семантических групп, отражающих разнообразные отношения человека с окружающим миром. Поскольку древние люди, в том числе и древние прамонголы, вначале древние охотники, рыболовы и собиратели, а впоследствии скотоводы-номады и охотники, вели подвижный образ жизни и активно взаимодействовали с окружающей их природой, в прамонгольском языке достаточно рано стал складываться комплекс лексики, отражающий разнообразные варианты ориентации в пространстве, как самого человека, так и окружающих его предметов действительности. Впоследствии, при расселении монгольских племен в ареале Центральной Азии и образовании монгольских народов этот комплекс, вошедший из праязыка и в их племенные языки, продолжал развиваться и сохранился во всех современных монгольских языках.

При подробном изучении данного комплекса лексики удалось установить, что по своей внутренней структуре и значению составляющих его элементов он неоднороден и распадается, по крайней мере, на три группы. Первую группу составляют слова, отражающие ориентацию в пространстве относительно стран света. Вторую – слова, отражающие положение человека в пространстве. Третью – слова, отражающие положение других существ или предметов относительно каких-либо существ или предметов, находящихся возле говорящего. Рассмотрим ниже эти лексические группы подробнее.

1. Комплекс лексики, отражающей ориентацию в пространстве по отношению к странам света, представлен как в современных монгольских языках (мы привлекаем для исследования фактический материал только из достаточно развитых современных монгольских языков, имеющих свою письменность и литературную форму, – халха-монгольского, бурятско-

---

<sup>1</sup> Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 05-06-80183.

го, калмыцкого), так и в старописьменном монгольском языке. В каждом из исследуемых языков данный комплекс достаточно развит и разнообразен по составу терминов, называющих страны света, поскольку монгольские народы издревле различали не только 4 основных направления – север, юг, запад, восток, но еще 4 промежуточных – северо-запад, юго-запад, северо-восток и юго-восток. Монголы называют эту свою систему стран света *Дөрвөн зүг, найман зовхис* ‘Четыре страны света, восемь азимутов’. Термины, называющие в монгольских языках эти страны света и промежуточные направления, суть следующие.

**Север:** в халха-монгольском языке для его названия используются как отдельные слова, так и атрибутивные словосочетания со стержневым словом *зүг* ‘сторона, направление’; здесь отмечены такие термины, как *ар* ‘север, северная сторона’, ‘северный’ (букв. ‘зад, спина; тыл, задняя, тыльная сторона’), *умар* ‘север’, *умард* ‘северный’, *умар зүг, умард зүг* ‘север’ (букв. ‘северная сторона, северное направление’), *хойно* ‘север’, ‘на севере’ (букв. ‘сзади, позади’), *хойт зүг* ‘север’ (букв. ‘задняя сторона’), *хойноос* ‘с севера’ (букв. ‘сзади, с задней стороны’), *хойши* ‘на север’ (букв. ‘назад’), *хойгуур* ‘севернее, северной стороной’ (букв. ‘позади, задней стороной’); в калмыцком языке используются термины *ар* ‘север’, ‘северная сторона’ (букв. ‘зад, тыл, задняя, тыльная сторона’), *ар үзг* ‘север’, ‘северная сторона, северное направление’ (букв. ‘задняя сторона’), *ард, ар үзгт, ар бийд* ‘на севере’, *арас, ар үзгэс* ‘с севера’, *ар үзгэд* ‘на север, к северу’, *арар, ар үзгэр* ‘севернее, северной стороной’; в бурятском литературном языке, его восточных, южных и присаянских говорах относительно севера употребляются следующие термины: подобные монгольским *хойно* и *хойто* *зүг* с теми же значениями, а также те же формы пространственных падежей, что и в монгольском языке, – *хойноһоо, хойшо, хойгуур*. Значения этих падежных форм те же.

**Юг:** в халха-монгольском языке с этой страной света связаны следующие термины: *өмнө* ‘юг’, ‘на юге’, ‘южный’ (букв. ‘впереди’), *өмнө зүг* ‘юг, южная сторона, южное направление’ (букв. ‘передняя сторона, сторона впереди’), *өмнөд* ‘южный’, *урд* ‘юг’, ‘на юге’, ‘южный’ (букв. ‘передний’), *урд зүг* ‘юг’ (букв. ‘передняя сторона’), *урдаас* ‘с юга’ (букв. ‘спереди’), *урагш* ‘на юг, к югу’ (букв. ‘вперед’), *урдуур* ‘южной



стороной' (букв. 'передом, передней стороной'); в калмыцком языке употребляются аналогичные термины *өмн* 'юг', 'на юге' (букв. 'впереди'), *өмн үзг* 'юг' (букв. 'передняя сторона'), *өмн үзгэс* 'с юга', *өмн үзгэд* 'на юг, к югу', *өмн үзгт*, *өмн бийднь* 'на юге; на юг', *өмн үзгэр* 'югом, южной стороной'; в бурятском литературном языке и его говорах, кроме эхиритского и нижеудинского, используются *урда* 'юг', 'южный' (букв. 'передний'), *урда зүг* 'юг' (букв. 'передняя сторона'), *урда зүгтэ* 'на юге' (букв. 'в передней стороне'), *урдаһаа* 'с юга'букв. 'спереди, с переней стороны', *урагша* 'на юг' (букв. 'вперед'), *урдуур* 'югом, южной стороной'.

**Запад:** в халха-монгольском языке для названия этой стороны света применяют следующие термины: *өрнө* 'запад', *өрнө зүг* 'запад, западное направление', *өрнөд* 'запад', 'западный', *баруун* 'запад', 'западный' (букв. 'правый, правая сторона'), *баруун зүг* 'запад' (букв. 'правая сторона'), *нар шингэх зүг* 'запад' (букв. 'сторона, где заходит солнце'), *барууны* 'западный' (букв. 'правосторонний'), *баруун зүгт* 'на западе; на запад', *баруунаас* 'с запада' (букв. 'справа, с правой стороны'), *баруун тийш* 'на запад', *барууншаа*, *барууни*, *барууш* 'на запад', *баруугаар* 'западом, западной стороной, западнее'; в калмыцком языке здесь известны термины как подобные монгольским – *барун*, *барун үзг* 'запад' (букв. 'правый, правая сторона'), *барун үзгт* 'на западе; на запад' (букв. 'на правой стороне; на правую сторону'), *барунас*, *барун үзгэс* 'с запада' (букв. 'справа; с правой стороны'), *барунар* 'западом, западной стороной' (букв. 'правее, правой стороной, по правой стороне'), так и свои – *нарн суух үзг* 'запад' (букв. 'сторона, где садится солнце'), *нарн шингэх үзг* 'запад' (букв. 'сторона, где заходит солнце'), *деед бий* 'запад' (букв. 'верхняя сторона'); в бурятском литературном языке и его говорах, кроме эхиритского и нижеудинского, представлены по сути те же термины, в основе которых лежит бурятское прилагательное *баруун* 'правый, правосторонний': *баруун*, *баруун зүг* 'запад, западная сторона' (т.е. сторона, находящаяся справа, при ориентировании на полуденное солнце), *баруун зүгтэ* 'на западе; на запад', *баруулжа* 'на запад, в западном направлении', *баруун зүгһөө* 'с запада', *баруунһаа* 'с запада' (букв. 'справа'), *баруугша* 'на запад, к западу' (букв. 'направо, вправо'), *баруугаар* 'к западу, западнее,

западной стороной' (букв. 'правее, справа, правой стороной'), *барууханаар* 'немного западнее' (букв. 'немного правее'), *баруулха* 'идти к западу, идти на запад'.

**Восток:** название востока во всех монгольских языках ассоциируется главным образом со словом *зүүн* 'левый, левая сторона', есть и другие термины. Конкретно по языкам эти названия следующие: в халха-монгольском языке используются названия *зүүн*, *зүүн зүг* 'восток, восточная сторона, восточное направление' (букв. 'левый, левая сторона'), *дорно* 'восток', 'восточный', *дорно зүг* 'восток' (букв. 'восточная сторона'), *дорнод* 'восток', 'восточный', *нар гарах зүг* 'восток' (букв. 'сторона, где выходит или рождается солнце'), *зүүн зүгт* 'на востоке', 'на восток' (букв. 'на левой стороне; на левую сторону'), *зүүнээс* 'с востока' (букв. 'слева, с левой стороны'), *зүүн тийш* 'на восток' (букв. 'налево'), *зүүгээр* 'восточнее, восточной стороной' (букв. 'левее, левой стороной'); калмыцкий язык использует термины *зүн үзг* 'восток' (букв. 'левая сторона'), *дорд үзг*, *дор үзг*, *дорд бий* 'восток' (букв. 'нижняя сторона'), *нарн нарх үзг*, *нарн урх үзг* 'восток' (букв. 'сторона, где появляется солнце'), *зүн үзгт*, *зүн бийд*, *нарн нарх үзгт* 'на востоке' (букв. 'на левой стороне, на стороне, где выходит солнце'), *дор үзгт* 'на востоке' (букв. 'на нижней стороне'), *дорас*, *дор үзгэс* 'с востока' (букв. 'снизу, с нижней стороны'), *зүн үзгэд* 'на восток' (букв. 'на левую сторону'), *доракишан* 'на восток' (букв. 'вниз, ниже'), *дораһур* 'восточной стороной, восточнее' (букв. 'низом, понизу'); в бурятском литературном языке и его говорах, опять-таки кроме эхиритского и нижнеудинского, зафиксированы термины *зүүн* 'восток', 'восточный' (букв. 'левый'), *зүүн зүг* 'восток' (букв. 'левая сторона'), *дурна зүг* 'восток, восточная сторона', *зүүн тээ* 'на востоке', *зүүн тээшэ*, *зүүлжэ*, у западных бурят *зүүгшэ* 'на восток', *зүүн зүгһөө* 'с востока, с восточной стороны', *зүүхэнээр* 'восточнее, восточной стороной'.

Названия промежуточных направлений между основными сторонами света в монгольских языках тоже широко представлены и однотипны по своей структуре: используются составные термины, включающие названия соответствующих названий четырех основных сторон света. Названия эти следующие: **юго-запад** в халха-монгольском языке называется *баруун урд*,

*баруун өмнө, өмнө өрнө*; в калмыцком языке – *барун өмн үзг, деед өмн үзг*; в бурятском – *баруун урда зүг*; **юго-восток** в халха-монгольском – *зүүн өмнө, зүүн өмнө зүг, зүүн урд зүг*, в калмыцком – *зүн өмн үзг, дорд өмн үзг*, в бурятском – *зүүн урда зүг, зүүн урда*; **северо-запад** в халха-монгольском – *умар өрнө, баруун хойно, баруун хойт зүг*, в калмыцком – *деед ар үзг, ар барун үзг, ар нарн суух үзг*, в бурятском – *баруун хойно, баруун хойтозүг*; **северо-восток** в халха-монгольском – *зүүн хойно, зүүн хойт зүг*, в калмыцком – *дорд ар үзг, ар нарн харх үзг*, в бурятском – *зүүн хойно, зүүн хойто зүг*.

Как можно видеть из приведенного выше сравнительного материала из современных монгольских языков, содержащиеся в них комплексы лексики, отражающей ориентацию в пространстве относительно сторон света, в принципе однотипны как по содержанию, так и по структуре. Чувствуется, что они наследуют некую единую древнемонгольскую систему терминов, называющих страны света. Эта система основана на том, что как древние монголы, так и современные монгольские народы – халхи, калмыки, буряты – ориентируются на юг, в сторону солнца, находящегося в зените. Поэтому для них «юг» – это «перед, передняя сторона», а «север» соответственно «зад, задняя сторона, тыл». В таком случае «восток» закономерно окажется «слева, с левой стороны», а «запад» – «справа, с правой стороны». В халха-монгольском и калмыцком языках появились специфические названия для востока и запада, связанные с понятиями восхода и захода солнца: «восток» – это «сторона, где появляется или выходит солнце», а «запад» – «сторона, где садится солнце». Эти названия напоминают древнетюркские термины *küntoysuq, күнтоусу* ‘восток’ (букв. ‘зарождение солнца’), *künbatsiq, күнбаты*, *künbatuŝ* ‘запад’ (букв. ‘заход солнца’). Этот принцип номинации сторон света сохраняется и в современных тюркских языках, например, в татарском, в котором *көнчыгыш* – ‘восток’ (букв. ‘восход солнца’), *көнбатыш* – ‘запад’ (букв. ‘заход солнца’). Ср. соответственные термины казахского – *күншығыс, күнбатыс* и алтайского – *күнчыгыш, күнбадыш* – языков. Появление этих терминов в халхаском и калмыцком языках можно объяснить древним тюркским влиянием.

По свидетельству В. И. Рассадина [1999, с. 10], в двух ворах современного бурятского языка – эхиритском и нижне-

удинском – бытует иная система названия сторон света, в которой передней стороной является восток, восточная сторона, а задней – запад, западная сторона, при этом юг, южная сторона находится закономерно справа, а север, северная сторона – слева. У бурят-эхиритов термины ориентации по странам света зафиксированы в следующем виде: *урда зүг* ‘восток’ (букв. ‘передняя сторона’), *хойто зүг* ‘запад’ (букв. ‘задняя сторона’), *зүүн зүг* ‘север’ (букв. ‘левая сторона’), *баруун зүг* ‘юг’ (букв. ‘правая сторона’). У нижеудинских бурят аналогичная система: *урякша* ‘восток’ (букв. ‘вперед’), *койшо* ‘запад’ (букв. ‘назад’), *зүүн тала* ‘север’ (букв. ‘левая сторона’), *баран тала* ‘юг’ (букв. ‘правая сторона’). Здесь явно прослеживается ориентация на восток, на восход солнца.

Полную аналогию этой системе ориентации мы находим в древнетюркском языке. в котором *ilgärü* означает ‘вперед’ и ‘на восток’, *qirïyari* – ‘назад’ и ‘на запад’, *bergärü* – ‘направо’ и ‘на юг’, а *jirïyari* – ‘налево’ и ‘на север’. В современных тюркских языках подобную же восточную ориентацию можно видеть в тофаларском и якутском языках. При этом в тофаларском языке понятия “восток” и “на восток” передаются одним и тем же словом *буруңгаары* (букв. ‘вперед’), а понятия “запад” и “на запад” – словом *соңгаары* (букв. ‘назад’). Юг обозначается словом *һүңгээри* (букв. ‘в сторону солнца’), а “север” и “на север” – словом *қараңгаары* (букв. ‘в сторону тьмы’). В якутском языке “восток” – это *илин* (букв. ‘передний; передняя сторона’), а “запад” – *аргаа* (букв. ‘задняя, тыльная сторона’), “север” – *хоту* (букв. ‘вниз по реке’), “юг” – *согуруу* (букв. ‘вверх по реке’). Подробнее об ориентации по странам света у якутов и о соответствующих якутских терминах см.: [Попов 1976, с. 86–93]. Таким образом, как можно видеть из материала, у тофаларов и якутов в данном случае наблюдается переплетение трех способов обозначения ориентации: 1) по отношению к говорящему (тофалары и якуты); 2) солярный принцип (тофалары); 3) по течению рек (якуты).

Эти принципы, которых всего насчитывается 4, для обозначения ориентации в пространстве в алтайских языках довольно подробно разработаны Г. М. Василевич [1971, с. 223–229] и Л. И. Сем [1971, с. 230–235].

Таким образом, ориентацию восточную, характерную для древних тюрков и связанную, видимо, с культом восходящего

Солнца, сохраняют из монгольских народов нижнеудинские буряты и буряты-эхириты, а из современных тюркских – тофалары и якуты. Данное явление можно объяснить, видимо, какими-то былыми связями предков этих народов.

2. В монгольских языках выработана также система подробного выражения ориентации в пространстве относительно говорящего. Здесь представлены термины, отражающие положение над говорящим или каким-либо предметом, под ним, возле него, позади него, перед ним и внутри него. При этом слова, называющие все эти положения, употребляются во всех монгольских пространственных падежах: дательном-местном, исходном, а также древних направительном и транзитивном. Термины эти следующие: х.-монг. *дээр*, калм. *деер*, бур. *дээрэ* ‘на, над, наверху’, далее, соответственно, *дээрээс*, *деерас*, *дээрэнээ* ‘сверху’, *дээш*, *дегшэн*, *дээшэ* ‘наверх’, *дээгүүр*, *деегүүр*, *дээгүүр* ‘поверх, поверху’; х.-монг. *дор*, калм. *дор*, бур. *доро*, *дооро*, *доо тээн* ‘внизу, под’, далее, соответственно, *дорос*, *дорас*, *доороһоо* ‘снизу, из-под’, *доош*, *дорогш*, *доракшан*, *доорогшо* ‘вниз’, *доогуур*, *дораһур* ‘низом, понизу’; х.-монг. *хажууд*, *дэргэд*, калм. *хажуд*, бур. *хажууда* ‘возле, рядом’, далее, соответственно, *хажуугаас*, *хажуһас*, *хажууһаа* ‘сбоку’, *хажуу тийш*, *хажукишан*, *хажуу тээшэ* ‘вбок’, *хажуугаар*, *дэргэдүүр*, *хажуһар*, *хажуугаар* ‘боком, сбоку’; х.-монг. *хойно*, *ард*, калм. *ард*, бур. *хойно*, *арада* ‘позади, за’, далее, соответственно, *хойноос*, *араас*, *арас*, *хойноһоо*, *араһаа* ‘сзади, из-за’, *хойш*, *ар тийш*, *ар талакишан*, *хойшо*, *ара тээшэ* ‘назад’, *хойгуур*, *араар*, *арар*, *хойгуур*, *араар* ‘позади, задней стороной’; х.-монг. *урд*, *өмнө*, калм. *өмн*, бур. *урда*, *үмэнэ* ‘впереди, перед’, далее, соответственно, *урдаас*, *өмнөөс*, *өмнэс*, *урдаһаа* ‘спереди’, *урагш*, *уралан*, *өмэрэн*, *урагша* ‘вперед’, *урдуур*, *өмнөһур*, *урдуур* ‘перед, передом, передней стороной’; х.-монг. *дотор*, калм. *дотр*, бур. *дотор* ‘внутри’, далее, соответственно, *дотроос*, *дотрас*, *доторһоо* ‘изнутри, из’, *дотогш*, *дотакшан*, *дотогшо* ‘внутри’, *дотуур*, *дотраһур*, *дотуур* ‘нутром, внутри, внутренней частью’; х.-монг. *хооронд*, калм. *хоорнд*, бур. *хоорондо* ‘между’.

3. Лексика монгольских языков, отражающая ориентацию относительно говорящего и предмета возле него, в общем, совпадает с лексикой второй группы. В то же время ее специфику составляют особые слова, называющие пространство впереди

говорящего между ним и этим предметом, а также пространство, которое находится позади этого предмета, т.е. между этим пространством и говорящим находится предмет. Этими словами являются общемонгольские *наа* 'пространство между говорящим и предметом' и х.-монг., калм. *цаа*, бур. *саа* 'пространство позади предмета'. Эти основы тоже употребляются в форме современных и древних пространственных падежей. Поясним это на конкретном примере, из которого ясно видно значение используемых словоформ: х.-монг. *голын цаана*, калм. *голын ца*, бур. *голой саана* 'за рекой', далее, соответственно, *голын цаанаас*, *голын цааһас*, *голой саанаһаа* 'из-за реки', *голын цааш*, *голын цааран*, *голой сааша* 'за реку', *голын цаагуур*, *голын цааһур*, *голой саагуур* 'по той стороне реки, той стороной реки'; х.-монг. *голын наана*, калм. *голын на*, бур. *голой наана* 'на этой стороне реки, по эту сторону реки', далее, соответственно, *голын цаанаас*, *голын нааһас*, *голой саанаһаа* 'с этой стороны реки', *голын нааш*, *голын нааран*, *голой наша* 'на эту сторону реки', *голын наагуур*, *голын нааһур*, *голой наагуур* 'этой стороной реки, по этой стороне реки'.

Таким образом, как можно видеть из приведенного материала, система терминов ориентации в пространстве, представленная в современных монгольских языках, достаточно развита и почти полностью совпадает между языками, что свидетельствует о ее древности и о сложении в период прамонгольского языка. Тюркские элементы проникли в нее незначительно, причем только в типологически периферийных говорах бурятского языка.

### Литература

- Василевич Г. М.* Некоторые термины ориентации в пространстве в тунгусо-маньчжурских и других алтайских языках // Проблема общности алтайских языков. Л., 1971.
- Попов Г. В.* О терминах, обозначающих страны света в якутском языке // Якутский филологический сборник. Якутск, 1976.
- Рассадин В. И.* Становление говора нижеудинских бурят. Улан-Удэ, 1999.
- Сем Л. И.* К вопросу о пространственных представлениях и способах их выражения в алтайских языках // Проблема общности алтайских языков. Л., 1971.

## ОБРАЗОВАНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ОТ ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ В СТАРОПИСЬМЕННОМ МОНГОЛЬСКОМ И БУРЯТСКОМ ЯЗЫКАХ

Возрождение традиционной национальной культуры в Бурятии неотъемлемо связано с общемонгольской культурой. Вместе с этим появляется большой интерес и к старописьменному монгольскому языку как одному из элементов этой культуры. В ряде учебных заведений республики ведется активное обучение и изучение старописьменного монгольского языка, особенно в национальных бурятских школах, где бурятский язык прочно удерживает свою коммуникативно-функциональную роль. В связи с этим представляется логичным обучение бурятоязычной аудитории старописьменному монгольскому языку через бурятский язык, и возникает необходимость сравнительного исследования двух языков для создания научной лингвистической базы.

Данная статья ставит своей целью сравнительное рассмотрение процесса аффиксального словообразования в старописьменном монгольском и бурятском языках для выявления сходств и различий в сфере образования имен существительных от глагольных основ.

Словообразование – достаточно разработанная тема в монголистике. Так, вопросы словообразования в монгольских языках рассматривались в трудах И. Я. Шмидта, О. М. Ковалевского, А. В. Попова, А. А. Бобровникова, Н. Н. Поппе, Г. Д. Санжеева, Т. А. Бертагаева, Б. Х. Тодаевой, А. А. Дарбеевой, У.-Ж. Ш. Дондукова, С. В. Андреевой и т.д. Известна монография монгольского ученого Л. Болда «Орчин цагийн монгол хэлний дагавар» [Болд 1986], посвященная словообразовательным суффиксам современного и старописьменного монгольского языков.

Общеизвестно, что образование новых слов при помощи аффиксов происходит как от именных, так и от глагольных основ, иногда и от наречий. Как отмечает исследователь У.-Ж. Ш. Дондуков, имена существительные, образованные от глагольных основ, отличаются разнообразием значений. Они обозначают имя действующего лица, предмет действия, процесс действия, результат действия и название предмета, на ко-

торый направлено действие, наименование места и орудия действия и т. д. [Словообразование 1993: 45].

Рассмотрим образование имен существительных от глагольных основ на примере следующих аффиксов:

1) стп.-м. *-γaċi (-geċi)*, бур. *-ааша (-ээшэ, -оошо)*: *biċigeċi – бэшиээшэ* ‘писатель’ (от *biċi-* – *бэшэ* – ‘писать’), *ĵiγuγaċi – зурааша* ‘художник’ (от *ĵiγu-* – *зура-* ‘рисовать’);

2) стп.-м. *-γül (-gül)*, бур. *-уул (-үүл)*: *qaraγül – харуул* ‘караул, дозор; стража’ (от *qara-* – *хара-* ‘смотреть’), *ĵayūγül – зайгуул* ‘бродяга, проходимец’ (от *ĵayū-* – *зай-* ‘слоняться, бродить, шляться, скитаться’);

3) стп.-м. *-γur (-gür)*, бур. *-уур (-үүр)*: *qaduγur – хадуур* ‘серп’ (от *qadu-* – *хада-* ‘жечь, убирать’), *büligür – бүлүүр* ‘деревянная мешалка (для пахтанья масла)’ (от *büli-* – *бүлэ-* ‘сбивать (масло, курунгу)’). В случаях, когда основа содержит согласный *r – p*, согласным аффикса является *l – л*: *bariγül – барюул* ‘ручка для держания’ (от *bari-* – *бару-* ‘держать’);

4) стп.-м. *-mi*. Встречается редко. Примеры: *uqumi* ‘род долота’ (от *uqu-* ‘копать’) [Поппе 1937: 94]. В бурятском языке долото – *hүүшэ*;

5) стп.-м. *-γ (-g)*, бур. *-г*: *buduγ – будаг* ‘краска’ (от *budu-* – *буда-* ‘красить’), *biċig – бэшиг* ‘письмо’ (от *biċi-* – *бэшэ* – ‘писать’);

6) стп.-м. *-ĵa (-ĵe)*, бур. *-за (-зэ, -зо)*: *γarĵa – гарза* ‘расход’ (от *γar-* – *гар-* ‘выходить’), *olĵa – олзо* ‘приобретение, добыча’ (от *ol-* – *ол-* ‘найти, добыть’);

7) стп.-м. *-γa (-ge)*, бур. *-аа (-ээ, -оо, өө), -га (-гэ, -го)*: *salay-a – халаа* ‘развилина, разветвление’ (от *хала-* ‘отделяться, отставать, отбиваться’);

8) стп.-м. *-γan (-gen)*, бур. *-аан (-ээн, -оон, -өөн)* // *-гаан (-гээн, -гоон, -гөөн)*: *ċakilγan – сахилгаан* ‘молния’ (от *ċakil-* – *сахил-* ‘сверкать’), *idegen – эдээн* ‘пища’ (от *ide-* – *эди-* ‘есть, кушать’);

9) стп.-м. *-sun (-sün)*, бур. *-хан (-хэн, -хон)*: *ċasun – сахан* ‘снег’ (от *ċayū-* – *сай-* «белеть»), *kögesün – хөөхэн* ‘пена’ (от *köge-* – *хөө-* ‘вздуваться, пухнуть’);

10) стп.-м. *-dasun (-desün)*, бур. *-дахан (-дэхэн, -дохон)*: *ugiγadasun // уγadasun – угаадахан* ‘ополоски, помой’ (от *ugiγa-* – *угаа-* ‘мыть, стирать’), *ċabċidasun – сабшадахан* ‘щепка’ (от *ċabċi-* – *сабша-* ‘рубить’);



11) стп.-м. -*r*, бур. -*p*: *qabudar* – *хабдар* ‘опухоль, отек’ (от *qabuda-* – *хабда-* ‘опухать, распухать’), *belçir* – *бэлиэр* ‘место слияния рек’ (от *belçi-* ‘разливаться’);

12) стп.-м. -*s*. Встречается сравнительно редко. Например: *aljyas* ‘усталость’ (от *aljya-* ‘устать’) [Там же: 96];

13) стп.-м. -*ri*, бур. -*pu* // -*pa*: *sayuri* – *хуури* ‘сидение, фундамент’ (от *sayu-* – *хуу-* ‘сидеть’), *nemeri* – *нэмэри* ‘прибавка; подмога’ (от *neme-* – *нэмэ-* ‘прибавить’);

14) стп.-м. -*may* (-*meg*), бур. -*mag* (-*мэг*, -*мог*): *edemeteg* // *egedemeteg* (*egedem*) – *ээдэмэг* ‘простокваша, заквашенное молоко’ (от *egede-* – *ээдэ-* ‘киснуть, кваситься, прокисать, свертываться (о молоке)’);

15) стп.-м. -*ng*: *egedeng* ‘кашица’ (от *egede-* ‘прокисать’), *qaldang* ‘пятно’ (от *qalda-* ‘приставать’) [Там же];

16) стп.-м. -*γuri* (-*güri*), бур. -*уури* (-*үүри*): *angnayuri* – *агнуури* ‘охота, охотничье угодье’. В тех случаях, когда основа содержит *r* – *p*, согласным аффикса является *l* – *л*: *surγayuli* – *хургуули* ‘школа’;

17) стп.-м. -*si*, бур. -*ша* (-*шэ*, -*шо*): *bulasi* – *булаша* ‘могила, раскопка’ (от *bula-* – *була-* ‘закапывать’), *idesi* – *эдишэ* ‘еда, пища; выгода, выигрыш’ (от *ide-* – *эди-* ‘есть’);

18) стп.-м. -*γasun* (-*gesün*), бур. -*аахан* (-*ээхэн*, -*оохон*, -*өөхэн*) ← -*sun*: *qadayasun* – *хадаахан* ‘гвоздь’ (от *qada-* – *хада-* ‘вбивать’);

19) стп.-м. -*li*, бур. -*ли*: *saçuli* – *сасали* (уст.) ‘возлияние, жертвенные брызги’ (от *saçu-* – *саса-* ‘брызгать’);

20) стп.-м. -*ça* (-*че*), бур. -*са* (-*сэ*, -*со*): *jaruça* – *зараса* ‘батрак’ (от *jaru-* – *зара-* ‘использовать для услуг’);

21) стп.-м. -*m*, бур. -*м*: *toqum* – *тохом* ‘потник’ (от *toqu-* – *тохо-* ‘накладывать потник, седло, седёлку (на спину лошади)’);

22) стп.-м. -*mta* (-*mte*), бур. -*мта*: *darumta* – *дарамта* ‘тяжесть, обуза’ (от *daru-* – *дара-* ‘давить’);

23) стп.-м. -*lta* (-*lte*), бур. -*лта* (-*лтэ*, -*лто*): *amjilta* – *амжалта* (от *amjil-* – *амжа-* ‘иметь успех’);

24) стп.-м. -*lya* (-*lge*), бур. -*лга* (-*лгэ*, -*лго*) // -*лган* (-*лгэн*, -*лгон*). Данный аффикс употребляется активно: *ungsilγ-a* – *уншалга* ‘чтение’ (от *ungsi-* – *унша-* ‘читать’);

25) стп.-м. -*buri* (-*büri*), реже -*muri* (-*müri*), бур. -*бар* (-*бэр*, -*бор*) // -*бари* (-*бэри*, -*бори*), -*мари* (-*мэри*, -*мори*) // -*мар* (-*мэр*, -*мор*). Встречается очень часто. Примеры: *tayilburi* – *тайлбару*

‘объяснение, разъяснение’ (от *tayil-* – *тайла-* ‘объяснять’), *ködelmüri* – *хүдэлмэри* ‘работа’ (от *ködel-* – *хүдэл-* ‘работать’);

26) стп.-м. *-l*, бур. *-л*. Встречается очень часто. Примеры: *ǰǰуаl* – *жаргал* ‘наслаждение, счастье’ (от *ǰǰуа-* – *жарга-* ‘наслаждаться’), *ükül* – *үхэл* ‘смерть’ (от *ükü-* – *үхэ-* ‘умирать’);

27) стп.-м. *-dal* (*-del*), бур. *-дал* (*-дэл, -дол*). Встречается очень часто. Например: *bayidal* – *байдал* ‘быт, жизнь, состояние, положение’ (от *bayi-* – *бай-* ‘быть’), *üküdel* – *үхэдэл* ‘труп; могила; упырь, черт’ (от *ükü-* – *үхэ-* ‘умирать’);

28) стп.-м. *-тǰǰ*, бур. *-мǰǰа* (*-мǰǰэ, -мǰǰо*). Встречается часто. Пример: *tusalatǰǰ* – *тухаламǰǰа* ‘помощь, содействие’ (от *tusal-* – *тухал-* ‘помогать’);

29) стп.-м. *-lang* (*-leng*), бур. *-лан* (*-лэн, -лон*). Употребляется активно. Пример: *qadulang* – *хадалан* ‘покос, сенокос’ (от *qadu-* – *хада-* ‘жать, косить’);

30) стп.-м. *-qulang* (*-küüeng*), бур. *-лан* (*-лэн, -лон*): *bayasqulang* – *баясхалан* ‘радость’ (от *bayas-* – *баяс-* ‘радоваться’);

31) стп.-м. *-dun* (*-dün*), бур. *-дан* (*-дэн, -дон*): *qaniyadun* – *ханядан* ‘кашель’ (от *qaniya-* – *ханяа-* ‘кашлять’), *iniyedün* – *энеэдэн* ‘смех’ (от *iniye-* – *энеэ-* ‘смеяться’).

Таким образом, словообразовательные аффиксы старописьменного монгольского и бурятского языков в основном совпадают, являясь по своей природе общемонгольскими. Особенностью старописьменного монгольского языка является то, что он употребляет такие словообразовательные аффиксы, как *-mi*, *-s*, *-ng*.

### Литература

Болд 1986 – *Болд Л.* Орчин цагийн монгол хэлний дагавар. Улаанбаатар, 1986.

Поппе 1937 – *Поппе Н. Н.* Грамматика письменно-монгольского языка. М., Л., 1937.

Словообразование 1993 – Словообразование монгольских языков. Улан-Удэ, 1993.

## СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ЗНАЧЕНИЙ МОНГОЛЬСКОГО ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОГО ДЕЕПРИЧАСТИЯ В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Деепричастие монгольского языка с аффиксом *-хлаар* выражает зависимую связь двух последовательных действий и имеет значение, передаваемое причастно-послеложной конструкцией: глагольная основа + *-саны дараа* ‘после того, как’. В современном монгольском языке данной форме близка форма на *-хаар*. Их замена друг другом не влечет изменения значения высказывания, кроме случаев, когда аффикс *-хаар* употребляется в целевом значении.

Основное значение последовательного деепричастия монгольского языка с аффиксами *-хлаар* и *-хаар* передается в корейском языке при помощи форм условного деепричастия на *-(i)туэн* и *-gədin*. Это связано с тем, что условные деепричастия корейского языка способны выражать время действия, совершающегося постоянно или регулярно (аффикс *-(i)туэн*), а также такое предусловие к последующему действию, при котором говорящий уверен или знает, что оно непременно будет выполнено (*-gədin*). Например:

Түүнийг хүрээд (*ирэхээр / ирэхлээр*) өгөрч муудсан гэрийн бүрээсээ оёюулах санаа байна. – 그가 오거든 퇴색하고 망가진 제르의 조각을 기워 만들도록 하고 싶다. *Gi-ga o-gədin thoi.sæg.ha-go mang.ga.jin gerī-ii jo.gag-il gi.wə mandil-dolog ha-go siph.da.* – ‘Когда он придет (после того, как он придет), хочу заставить сшить выцветшую испорченную кошку юрты’. (Говорящий уверен в том, что некто обязательно придет).

Түүнийг (*өвдөхөөр / өвдөхлөөр*) миний ажил зогсочихдог. – 그가 아프면 내 일이 중지된다. *Gi-ga a.phī-myən nae il-i jung.ji.doin.da.* – ‘Когда он болеет, моя работа останавливается’. (Действие, ставшее регулярным).

Өвөл (*болохоор / болохлоор*) гол горхи хөлдөж, цас орж, хүйтэн болдог. – 겨울이 되면 강이 얼음이 되고 눈이 오고 추워진다. *Gyə.ul-i doi-myən gang-i əlim-i doi-go nun-i o-go chu.wə.jinda.* – ‘С наступлением зимы (после того, как наступит зима) замерзают реки и речки, выпадает снег, и становится холодно’. (Постоянное действие).

Вообще, действие, выраженное последовательным деепричастием *-хлаар*, максимально приближено во времени к действию финитного сказуемого. Поэтому в случаях, когда необходимо подчеркнуть быструю последовательность действий, на корейский язык данная форма передается мгновенным деепричастием на *-ja(maja)*. Например:

*Таныг хэлэхлээр би саналаа. – 당신이 말씀하시자 기억났어요. Dangsın-i malssim.ha.si-ja gi.əg.nass.əyo. – ‘Я сразу вспомнил, когда вы сказали’.*

*Би хичээлээ тарахлаар шууд гэртээ харина. – 수업이 끝나자 나 바로 집으로 갈거예요. Suəb-i kkith.na-ja na balo chib-i-lo gal.gə.e.yo. – ‘Я сразу пойду домой, когда закончатся занятия’.*

Рассмотрим следующий пример, в котором значение последовательного деепричастия передается фоновым деепричастием:

*Утас дуугарахлаар би авсангүй. – 전화가 왔는데 난 안 받았어. Jən.hwa-ga wass-ninde nan an bad.ass.ə. – ‘Когда звонил телефон, я не брал трубку’.* В данном случае вместо последовательного деепричастия было бы естественно использование формы уступительного деепричастия с аффиксом *-вч*. Однако, вероятно, для смягчения значения противопоставления и выделения именно значения последовательности двух действий, использован аффикс последовательного деепричастия. В корейском языке данное значение может быть выражено фоновым деепричастием *-ninde*, одним из значений которого является выражение противительного фона к последующему высказыванию. В отличие от других противительных деепричастий корейского языка, содержание зависимой единицы, представленное этим аффиксом, подается не акцентируясь, и содержание главной единицы становится более четким и выразительным.

Последовательное деепричастие монгольского языка может выражать причинно-следственную последовательность двух действий, которая в корейском языке передается при помощи многочисленных причинных аффиксов, например, *-gillae*:

*Найз маань багштай уулзмаар байна (гэхээр / гэхлээр) нь дагуулаад ирлээ. – 제 친구가 선생님을 만나고 싶다고 하길래 데리고 왔어요. Je chingu-ga sənsəng.nim-ıl manna-go siph-dago ha-gillae deli-go wass.əyo. – ‘Он сказал, что хочет встретиться с учителем, вот и привел его’.*

Намайг ингээж (хэлэхээр / хэлэхлээр) тэр надруу хялайсан. – 내가 그렇게 하길래 그가 날 결눈으로 봤다. *Næ-ga gīloh-ge ha-gillæ* gĩ-ga nal gyæth.nun-ĩ-lo bwass.da. – ‘Он косо посмотрел на меня из-за того, что я так сказал’.

Аавыгаа (явахлаар / явахлаар) хүү уйлна. – 아버지가 가길래 아이가 운다. *Abəji-ga ga-gillæ* ai-ga unda. – ‘Ребенок плачет из-за того, что отец уходит’.

Таким образом, значение последовательности, выражаемое при помощи монгольского аффикса *-хлаар* // *-хаар*, в корейском языке может быть выражено разными деепричастными аффиксами, выбор которых зависит от того, как два действия относятся друг к другу: последовательные действия, совершающиеся одно за другим регулярно и ставшие постоянными или привычными: *-(ĩ)туэн*; последовательные действия, в совершении которых говорящий уверен или знает наверняка, что они произойдут: *-gædin*; последовательные действия, промежуток между которыми очень мал: *-jataja*; последовательные действия, где предыдущее действие вызывает за собой следующее и становится его причиной: *-gillæ*.

## ПОЛИСЕМИЯ ОТГЛАГОЛЬНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В БУРЯТСКОМ И ЭВЕНКИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Как и любые другие существительные, отглагольные имена могут быть многозначными и, следовательно, задача состоит в том, чтобы выяснить, каким образом семантика исходного глагола отражается в семантике имени и как идет ее дальнейшая эволюция.

Наиболее распространенным значением в этом разряде слов оказывается инструментальное (в общем виде), осложняющееся некоторыми частными оттенками, которые могут сосуществовать с некоторыми иными значениями других слов.

Так, например, эвенкийский глагол *арки-* обладает тремя близкими по характеру действия значениями: 1. 'колоть, уколоть', 2. 'воткнуть, проткнуть, пронзить', 3. 'жалить'. От него образованно два многозначных существительных: *аркивки* 1. 'острие', 2. 'булавка', 3. 'змея', 4. 'жало'; *аркивун* 1. 'булавка', 2. 'острога', 3. 'вертел'. Все эти предметы объединяются общей характеристикой 'то, чем производится действие, обозначенное глаголом', а в случае со значением 'змея' и 'тот, кем производится действие, обозначенное глаголом'.

Аналогичным образом в бурятском языке от многозначного глагола *хад-* со значениями 1. 'колоть, прокалывать', 2. 'накалывать, нанизывать', 3. 'втыкать, вонзать' образовано существительное *хадхуур* 1. 'колючка, шип, игла' и 2. 'жало'.

Производителем действия может быть и человек – эв. *акта-* 'кастрировать оленя' – *актакй* 1. 'холощенный олень' и 2. 'человек, умеющий кастрировать оленей'. Первое значение характеризуется как 'то, что производится действием, обозначенным глаголом', а второе – 'тот, кем производится действие, обозначенное глаголом'. Это второе значение также можно рассматривать и как разновидность инструментального. Последняя разновидность наиболее ярко проявляется в производных существительных от эвенкийского глагола *гирку-* 1. 'ходить, шагать', 2. 'бродить, путешествовать', 3. 'навестить, гостить', 4. 'обойти, исходить' – *гиркумакта* 1. 'ребенок, начинающий ходить', 2. 'человек, только что ходивший куда-то'. Эти значения можно считать первичными с характеристикой 'тот, кем производится действие, обозначенное глаголом', точ-

нее, первые два глагольных значения, поскольку у многозначных глаголов далеко не всегда реализуются все их значения.

Дальнейшая семантическая эволюция привела к возникновению третьего значения, более обобщенного, – 3. ‘человек, только что ставший самостоятельным’. Такое развитие семантики представляется вполне оправданным в логическом отношении в связи с тем, что ‘ребенок, начинающий ходить’ одновременно производит и свой первый шаг к самостоятельности. Непосредственная связь с глагольной семантикой ‘ходить’, ‘шагать’ сохраняется лишь в первых двух значениях, в то время как в третьем, в силу его обобщенности, эта связь практически теряется.

Вариант рассматриваемого значения ‘то, чем производится обозначенное глаголом действие’ обнаруживается и в следующем эвенкийском примере: *арну(л)*- 1. ‘махать, качать’, 2. ‘отмахиваться’, 3. ‘подметать’, 4. ‘порхать’, 5. ‘плескаться (о рыбе)’ – *арнуки* 1. ‘плавник’, 2. ‘жабры’, 3. ‘махалка из конского хвоста (для защиты от комаров)’.

Первые два значения имен существительных возникли на основе сходства волнообразных движений, которые производят оба эти объекта (плавник и жабры), третье (махалка из конского хвоста) именуется ‘то, чем производится действие, обозначенное глаголом’.

В бурятском языке инструментальное значение деятеля обнаруживается в производном существительном от глагола *сохи*- 1. ‘бить, ударять, колотить, избивать’, 2. ‘биться (о сердце)’ – *сохидол* 1. ‘биение сердца; пульс’, 2. ‘прибой’ и с третьим (инструментальным) значением 3. ‘удар (веслом)’.

В целом значение ‘то, чем производится действие’ встречается часто и представляет собой наиболее четко выраженный инструментальный характер – эв. *улэ*- 1. ‘копать, выкопать (яму)’, 2. ‘выдалбливать лодку-долбленку’, 3. ‘продолбить в дереве отверстие’ – и существительное *улэвун* 1. ‘копалка для выкапывания корней’, 2. ‘лопата’, 3. ‘тесло’; *урй*- 1. ‘выклевать’, 2. ‘выкопать’, 3. ‘колоть’ и *урйбун* 1. ‘крюк для вытаскивания мяса из котла’, 2. ‘копалка для выкапывания клубневых корней’.

Эта семантическая модель напоминает ряд аналогичных синкретических форм типа существительное / глагол, именующих предмет и действие данным предметом. Однако существенное различие состоит в следующем.

В синкретических формах словообразовательные суффиксы отсутствуют: *адыл* ‘сеть / ловить сетью’, *гара* ‘палка / бросаться палками’. В приведенных же выше примерах существительные образуются от глаголов присоединением соответствующих суффиксов (*-бӯн*, *-вӯн*), что и свидетельствует о первичности глагольного значения.

В синкретических формах значения существительного и глагола сосуществуют, возникают одновременно или же первичным оказывается значение имени существительного, поскольку сначала создается инструмент, который предназначен и используется впоследствии для производства определенного действия. Именно этот факт и объясняет очень большое количество синкретических форм с семантикой ‘предмет / действие данным предметом’ и немногочисленность отглагольных существительных с подобной семантикой.

Примечательно также одно из значений существительного *урибӯн* ‘крюк для вытаскивания мяса из котла’. Его возникновение явно носит метафорический характер, так как прямое значение глагола *ури*- ‘выклеивать’ ассоциируется, очевидно, с крюкообразными клювами хищных птиц. Сравните, например, синкретическую форму *гоко* ‘крюк / зацепить крюком’ с более широкой семантикой, не ограничивающейся столь узким назначением и специфичностью действия.

В отдельных случаях семантика отглагольных существительных носит более сложный характер. От эвенкийского глагола *чаки*- с тремя значениями 1. ‘обернуть, завернуть’, 2. ‘укутаться во что-либо’, 3. ‘сворачиваться (о бересте)’ образуется существительное с тремя значениями: *чакилитын* 1. ‘портянка’, 2. ‘обертка’, 3. ‘пеленка’. Этим словом обозначаются три различных предмета, хотя в принципе значение ‘обертка’ включает в себя значения и двух других предметов. Тем не менее все эти три предмета представляют собой тот же инструментальный тип значения ‘то, чем производится действие’.

Но от этого же глагола образовано и однозначное существительное *чакилир* ‘сверток’. В этом случае инструментальность уже отсутствует, а само значение этого слова может быть охарактеризовано как результат действия, то есть ‘то, что производится действием, обозначенным глаголом’.

В бурятском языке подобное значение также присутствует. От глагола *орёо*- 1. ‘обвертывать, заворачивать, обвязывать’, 2. ‘закутывать, пеленать’, 3. ‘свертывать’ образуется су-



ществительное *орёолго* с двумя аналогичными эвенкийскому значениями: 1. 'обертка, упаковка' и 2. 'сверток'.

Характеристика значений многозначных существительных, образованных от одного и того же глагола, может быть различной. Так, от эвенкийского глагола *гир-* 'выкраивать, резать, вырезать (ножницами)' образуется существительное *гириун* с двумя значениями: 1. 'ножницы' (то есть 'то, чем производится действие') и 2. 'выкройка' (то есть 'то, что производится действием'), иначе говоря, инструмент действия и результат действия.

Непродуктивно также и следующее соотношение семантики глагола и производного существительного – эв. *дяв-* 1. 'схватить, поймать', 2. 'взяться', 3. 'захватить, завоевать', 4. 'задержать' и *дявалган* 1. 'дужка котла, чайника', 2. 'рукоятка', 3. 'руль'. Все предметы, обозначенные этим словом характеризуются как 'то, на что направлено действие'.

Другое многозначное существительное, образованное от этого же глагола – *дявангкй* именуется один предмет с инструментальным значением 1. 'клещи' (то, чем производится действие) и три со значением объекта действия 2. 'поручни', 3. 'борт', 4. 'перила' (то, на что направлено действие), поскольку за все эти предметы можно "взяться", "держаться" и т. п.

Та же семантика наблюдается и в следующих случаях. Эвенкийский глагол *дев-* 'есть, съесть' и существительное *дев-э* 1. 'кушанье, пища, еда', 2. 'продукты питания', 3. 'обед'. Все эти наименования обладают разной степенью отвлеченности, но, тем не менее, все характеризуются как 'то, на что направлено действие, обозначенное глаголом'.

В бурятском языке от аналогичного глагола образуются существительные с теми же значениями и с теми же характеристиками: *эди-* 'есть, кушать, съесть' и *эдеэ(н)* 1. 'пища, еда, припасы, продовольствие', 2. 'кушанье, блюдо'.

В обоих языках наблюдается и еще один тип семантического соотношения между исходным глаголом и производным существительным. В эвенкийском языке одним из значений глагола *бака-* является 1. 'найти, отыскать, обнаружить, встретить, наткнуться'. От этой основы образуется существительное *бакал* 1. 'промысел', 2. 'пушнина, добытая на промысле', 3. 'место промысла'. Два из этих значений уже встречались в других примерах и были охарактеризованы как 'то, что производится действием, обозначенным глаголом'. Третье – 'там, где производится действие' встречается впервые.

В бурятском языке подобное значение демонстрируют производные существительные от глагола *агна-* 'заниматься ловлей (зверей, птиц, рыбы); промыслять, охотиться' – *агнуури* 1. 'промысел, охота, ловля' и 2. 'угодье (место для охоты)', а также от глагола *гоожо-* 'течь, литься', 2. 'сыпаться' – *гоожуур* 1. 'сток', 2. 'желоб'.

Та же семантика обнаруживается и в производных от эвенкийского глагола *дагалды-* 'сближаться, сходиться' – *дагалдын* 1. 'приток', 2. 'место слияния двух небольших рек', 3. 'перекресток'. Два последних существительных именуют место "сближения, схождения" рек, дорог и т. п.

Эвенкийский глагол *и-* 1. 'войти', 2. 'въехать', 3. 'вступить' образует два существительных, одно из которых именует место, где произошло действие, а второе представляет собой отвлеченное существительное *йкит* 1. 'вход, въезд, подъезд (место действия)' и 2. 'вход, въезд (действие)'.

В обоих рассматриваемых языках выявляется еще один тип действия, который можно охарактеризовать как результат действия, но при этом необходимы некоторые дополнительные комментарии.

Эв. *хулга-* 'принести жертву' – *хулгакит* 1. 'жертва', 2. 'место, где приносят жертву'. В этом примере первое значение существительного обозначает 'то, что произведено действием, обозначенным глаголом', хотя в этом случае, казалось бы, именно «жертве» следовало быть исходной формой, а глагол – производным от имени существительного. Возможное объяснение этому факту состоит в следующем. В реальной религиозной практике «жертва» всегда представляет собой материальный объект – от туши жертвенного животного до нескольких спичек и просто тряпичного лоскутка в зависимости от ситуации и независимо от реальной ценности предмета. В данном же случае слово «жертва», очевидно, носит более отвлеченный и обобщающий характер, близкий к его значению в такого типа словосочетаниях, как «жертва обстоятельств», «жертва своего недомыслия» и т. п. Второе значение этого слова характеризуется как 'место действия' и было уже зафиксировано ранее.

Другое эвенкийское слово сложнее с формальной (но не семантической) точки зрения: от глагольной основы *мй-* 'резать, отрезать (ножом)' образуется вторичная (производная) синкретическая форма типа существительное / глагол *мйсин* 'отрезание, ампутация / отрезать, разрезать' (отметим отвлеченный характер существительного). Далее уже от глагольного

значения *мйсин*- образовано предметное существительное *мйсиктэ* с двумя значениями 1. ‘кусок, ломоть’ и 2. ‘отрез (ткани)’, то есть ‘то, что производится действием, обозначенным глаголом’.

В бурятском языке также обнаруживается ряд аналогичных примеров: *зура*- 1. ‘рисовать, чертить’, 2. ‘чиркать спички’ – *зураг* ‘рисунок’; *зуура*- 1. ‘месить (тесто)’, 2. ‘пачкаться в чем-либо’ – *зуурмаг* ‘тесто’; *даха*- 1. ‘следовать за кем-либо’, 2. ‘быть последователем кого-либо’ – *дахуул* 1. ‘спутник’, 2. ‘сопровождающий’; *ниилэ*- 1. ‘соединяться в одно целое’, 2. ‘собираться вместе’ – *ниилэлгэ* 1. ‘смесь’, 2. ‘соединение, соприкосновение’. И в этом случае заметим, что первое значение ‘смесь’ – материальное (предметное) существительное, а ‘соединение’ может быть и предметным и отвлеченным.

Выше уже упоминалось о некотором сходстве между синкретическими формами типа существительное / глагол и отглагольными существительными. Сходства и различия в семантической характеристике глаголов и существительных заслуживают более пристального внимания. Главное отличие состоит в слитности грамматических значений глагола и существительного (действия и наименования предмета) в синкретических формах, в то время как отглагольные существительные являются производными. Второе отличие наблюдается в количественном плане.

Синкретические формы представлены следующими типами:

<i>синкр. формы</i>	<i>эвенк. язык</i>	<i>характ. действия</i>
а) действие предметом	<i>кипты</i> ‘ножницы / резать’	инструментальное
б) действие на предмет	<i>хилэ</i> ‘суп / есть суп’	объект действия
в) действие самого предмета	<i>чōран</i> ‘колокольчик / звенеть’	субъект действия
г) производство предмета	<i>хумтэ</i> ‘крошки / крошить’	результат действия
д) действие в сфере предмета	<i>нэку</i> ‘лабаз / хранить в лабазе’	место действия

Представленный список насчитывает пять типов действий. Для сравнения приведем по той же схеме разновидности типов действий в отглагольных формах.

<i>отглагольные суц.</i>	<i>эвенк. язык</i>	<i>характерист. действий.</i>
а) то, чем производится действие	<i>арки- / аркивун</i> 'воткнуть / жало'	инструментальное
б) то, на что направлено действие	<i>дяв- / дявалган</i> 'взяться / рукоятка'	объект действия
в) то, что производится действием	<i>чаки-/чакилир</i> 'сворачивать / сверток'	производство предмета
г) реализация действия	<i>бэлэ- / бэлэгэ</i> 'помочь / помощь'	результат действия
д) там, где происходит действие	<i>и- / йкйт</i> 'войти / вход, въезд'	место действия

Нетрудно заметить полное совпадение типов действия и характера действия в синкретических и отглагольных формах по пунктам а), б) и д).

Тип в) в синкретических формах именуется действие самого предмета, обозначенного исходным словом, и характеризуется как субъект действия: *чōран* 'колокольчик / звенеть'.

В случае с отглагольными существительными, например, *чаки- / чакилир* 'сворачивать / сверток' – 'сверток' это 'то, что производится данным действием', то есть характеризуется как 'производство предмета', но субъект действия при этом отсутствует. Конечно, можно сказать, что и в предыдущем случае с синкретической формой колокольчик "производит звон". С логической точки зрения это оправданно, тем более что второе значение слова *чōран* и есть 'звон (колокольчика)'. И этот факт служит основанием для объединения типа действия в) со следующим типом г).

В случае с синкретическими формами аналогом типа г) *хумтэ* 'раскрошить / крошки' определение 'производство действия' оправданно, так как обозначает 'производство того, что обозначено глаголом'. Но в ситуации с отглагольными существительными 'производство действия' не подходит. Точнее было бы обозначить тип г) как 'реализация действия' с характеристикой 'результат действия'.

Выше уже приводились примеры с «производством» материальных предметов, но именно этот тип допускает и образование отвлеченных отглагольных существительных: эв. *бэлэ-*

‘помочь’ и *бэлэгэ* ‘помощь, содействие’; *бэюмй* – ‘бить копытом зверя (лося, оленя)’ и *бэюмйкйт* 1. ‘промысел (лося, оленя)’, 2. ‘места охоты’; *галды*- 1. ‘свататься’, 2. ‘жениться’ и *галдыкйт* 1. ‘сватовство’, 2. ‘женильба’.

То же и в бурятском языке: *дурла*- 1. ‘желать, хотеть’, 2. ‘любить, влюбляться’ и *дурлал* 1. ‘желание, стремление’, 2. ‘любовь, склонность’; *занга*- 1. ‘замахиваться, размахивать (руками)’, 2. ‘делать знак, сигнализировать (руками)’ и *зангалга* 1. ‘указывание, сигнализация (руками)’, 2. ‘угроза (пальцем)’.

В сущности, оказывается, что здесь типы в) и г), в отличие от синкретических форм, совпадают, различаясь лишь в том, что тип в) образует наименования материальных предметов (предметные существительные), а от типа г) образуются отвлеченные понятия. Причем возможность образования в этой группе нематериальных (отвлеченных) существительных определяется более высокой степенью отвлеченности глагольных значений по сравнению как со значениями существительных в целом, так и со значениями синкретических форм, совмещающих в себе значения имени и глагола.

### Словари

Бурятско-русский словарь. М., 1973.

Бурятско-русский словарь. Улан-Удэ, 2006. Т. 1.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1975. Т. 1; Л., 1977. Т. 2.

### Литература

*Бертагаев Т. А.* Лексика современных монгольских литературных языков. М., 1974.

*Дондуков У.-Ж. Ш.* Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. Улан-Удэ, 1964.

*Шагдаров Л. Д.* Функционально-стилистическая дифференциация бурятского литературного языка. Улан-Удэ, 1974.